

Секция XI. Русский синтаксис

Синкретизм семантики в сфере обстоятельственных детерминантов

С. А. Алексанова

Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт
alexanova@inbox.ru

Обстоятельственные детерминанты, синкретизм, члены предложения

Summary. The problem of differentiation of preword and non-preword prepositional-declensional distributors with adverbial semantics in the structure of a sentence is one of unresolved in modern syntax of sentence parts. Syncretism of semantics of non-preword sentence parts — determinants is considered to be the basic criterion of such differentiation in the report.

1. Научная парадигма современного языкознания при всем многообразии направлений характеризуется стремлением к интегрированию «традиций и тенденций» [1: 10] в грамматических исследованиях. Процесс этот, заметно развиваясь, оставляет тем не менее некоторые частные вопросы отдельных фундаментальных теорий синтаксиса не до конца решенными. Утратившие свой привилегированный статус и несколько затененные новейшими тенденциями в лингвистике, они сохранили свою несомненную научную значимость. Теория детерминантов (Н. Ю. Шведова, В. П. Малащенко), безусловно, являясь одной из фундаментальных, занимает определяющее место в современном синтаксисе членов предложения.

2. Проблема разграничения предложно-падежных словоформ, функционирующих в качестве обстоятельственных детерминантов, и омонимичных словоформ, выполняющих функцию присловных обстоятельственных распространителей — типичных обстоятельств, — одна из нерешенных ключевых проблем современного синтаксиса второстепенных членов предложения, которая в значительной степени затрагивает всю систему членов предложения. Оппоненты теории детерминантов усматривают присловные связи любого распространителя с обстоятельственной семантикой в структуре предложения с глаголом-сказуемым в позиции предиката. Такой взгляд дает ученым основание считать обстоятельственные детерминанты присловными распространителями предиката.

3. Основным критерием разграничения присловных и не-присловных предложно-падежных распространителей с обстоятельственной семантикой в структуре предложения является синкретизм семантики последних.

(1) В лингвистических исследованиях определен ряд критериев, на основании которых в сильной синтаксической позиции выделяются обстоятельственные детерминанты: а) отсутствие предопределенности оформления и употребления, исходящей от какого-либо слова в предложении; б) отнесенность к остальной части предложения в целом; в) грамматическая связь свободного присоединения, которая оформляет одностороннюю зависимость обстоятельного детерминанта от основы в целом; г) обычное расположение в абсолютном начале предложения; д) при актуализации в случае постпозиции к основе детерминант не входит в интонационно-смысловую группу как определяющее по отношению к слову, с которым сочетается по смыслу [2: 40–45]. Обстоятельные детерминанты способны создавать дополнительную предикативность в составе предложения, тем самым имплицитно реализуя значение главных членов. Одновременно детерминанты реализуют значение второстепенных членов (их обстоятельная семантика) и обладают рядом вышеперечисленных ядерных структурно-семантических признаков, что позволяет им занимать на синтаксической оси высказывания промежуточную позицию между главными и второстепенными членами предложения. Анализ языкового материала дает основание считать, что перечисленные выше критерии могут быть дополнены еще одним: обстоятельные детерминанты, имеющие предложно-падежный способ выражения, выделяются и дифференцируются на основе синкретизма их семантики — **недискретного обстоятельно-предикативного значения**. При этом синтаксический синкретизм, реализующий принцип экономии как важнейшую тенденцию в разви-

тии и функционировании языковой системы, понимается как совмещение в одной формально организованной единице двух и более значений, функций, являющихся постоянным элементом нерасчлененного смысла в определенных синтаксических условиях. При таком понимании недискретный синкретизм обстоятельных детерминантов является системообразующим фактором и допускает возможность их квалификации как *неглавных* членов предложения.

(2) Синкретизм семантики обстоятельных предложно-падежных детерминантов обусловлен рядом факторов: центробежными тенденциями данных распространителей предложения; лексическим наполнением детерминанта; влиянием семантики основы предложения; степенью распространенности детерминанта; семантикой предлога; не-синсемантическим способом выражения обстоятельного значения. Перечисленные факторы обуславливают выделение двух типов синкретизма в сфере обстоятельных детерминантов. В первом случае — синкретизм разноуровневых значений с совмещением элементарных (обстоятельных) и неэлементарных (предикативных) компонентов семантической структуры предложения, формирующий член предложения с недискретным обстоятельно-предикативным значением. Это неразрешимый тип синкретизма, неотъемлемое и нерасчлененное свойство обстоятельного детерминанта как члена предложения, «разрешение» которого ведет к утрате его дифференциальных признаков. Во втором случае — синкретизм одноуровневых значений, при котором одновременно совмещаются значения элементарных обстоятельных компонентов на базе недискретного разноуровневого обстоятельно-предикативного значения детерминанта. Ср.: *После похорон* [(время + дополнительная предикативность) + причина] *в хижине стало пусто и печально* (Р. Штильмарк); *После похорон* (время + дополнительная предикативность) *все вернулись в хижину*. Синкретизм одноуровневых элементарных обстоятельных значений является разрешимым, устранимым в результате синтагматического анализа. Устранение дополнительного обстоятельного значения не разрушает базового значения обстоятельного детерминанта.

(3) Процесс разграничения присловных и неприсловных распространителей с обстоятельной семантикой связан с более жесткой дифференциацией связей слабого управления и свободного присоединения. Основным критерием разграничения признается синкретизм семантики неприсловных распространителей, который обусловлен спецификой их связи свободного присоединения с основой предложения в целом. Связь свободного присоединения является необходимым и достаточным условием возникновения недискретного синкретизма семантики обстоятельных детерминантов. Именно характер этой связи выводит неприсловный распространитель, детерминант, из валентной зоны глагола и делает его синкретичным членом предложения с недискретным обстоятельно-предикативным значением.

Литература

1. Золотова Г. А. Традиции и тенденции в современной грамматической науке // Русский язык: исторические судьбы и современность: Междунар. конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы (Москва, МГУ, 13–16 марта 2001 г.) М., 2001. С. 10.
2. Малащенко В. П. О синкретизме детерминантов // Явления синкретизма в синтаксисе русского языка. Ростов н / Д, 1992.

О синонимии русских сложносочиненных предложений адверсативного типа

З. Н. Бакалова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара)

eakrasnova@mail.ru

Сложносочиненные предложения, адверсативность, синонимия

Summary. Considered object is the synonymy of Russian adversative statements with the conjunctions «А» and «НО».

1. Синонимические ряды предложений с адверсативными союзами представляют собой синтаксические микросистемы с отношениями относительного подобия их членов. Такие отношения — не признак избыточности, а средство создания гибкости и разнообразия сложносочиненных предложений. Актуальность их изучения в теоретическом плане обусловлена «вечным» вопросом системного строения языка, в практическом — значимостью для курса культуры речи и перевода с одного языка на другой. Вопрос о синонимии внутри союзного паратаксиста не был предметом специального изучения, хотя неоднократно затрагивался попутно в связи со смежными проблемами.

2. Речь пойдет о синонимике предложений с доминантными союзами *а* и *но*. Их общность состоит в абстрактном значении сопоставления, т. е. установления несходств сравниваемых предметов речи. Различия заключаются в том, что *а* способно передавать сопоставление более широкого диапазона, а *но* — более узкого: в виде противопоставления, когда несходства доходят до уровня противоположности, поиную, — контрастного сопоставления. Из этого следует, что синонимические отношения можно предположить только в общей для обоих союзов сфере противопоставления. Однако нужно иметь в виду, что семантика противопоставления с союзом *но* редко выражается напрямую языковыми средствами русского языка (например, лексическими и грамматическими антонимами), чаще всего она имплицитна и залегает на разной глубине семантической структуры разных частных значений адверсативности в виде несоответствия, ограничения, возмещения и проч.

3. В качестве примера возможностей синонимического взаимодействия будет рассмотрена сфера несоответствия (противоречия, дисгармонии) соединяемых фактов. Условия, определяющие использование обоих союзов, многоплановы. Это четко выражения несоответствия, стилистически нейтральная сфера речи и структура несоответствия, когда, например, первый компонент передает обстоятельство, которое должно было бы по логике вещей вызывать одно следствие, тогда как имеет место прямо противоположное (*Апрель на дворе, но снег выпал*). Сравнение *а*- и *но*-предложений в этих случаях, как правило, показывает отсутствие каких-либо семантических различий между ними.

— *Сильно тянуло курить, а табак давно кончился* (К. Симонов).

— *Он хотел сделать еще глоток, но фляга была пуста* (К. Симонов).

Исключением из этого правила являются такие конструкции, где речь идет о сознательных действиях лиц, несообразных с обозначенными обстоятельствами. Различие сводится к тому, что *но* просто констатирует факты несоответ-

ствия общепринятым нормам поведения (с точки зрения субъекта речи), а союз *а* привносит дополнительные значения неконтролируемости ситуации, пренебрежения ею или невнимания к ней, непредсказуемости поведения субъекта действия. Денотативные значения осложняются сопутствующими коннотативными значениями чаще всего негативного плана в виде эмоциональных откликов осуждения, неодумения и пр. Сравним:

— *У нее оставалось 200 рублей на продукты, но она поехала на такси* (транжирство, легкомыслие и пр.).

— *У нее оставалось 200 рублей на продукты, а она поехала на такси* (значит, так надо было: опаздывала, напр.).

В некоторых случаях *но* вообще неуместно по причине яркой экспрессивной окраски высказывания. Примеры из рассказов В. М. Шукшина: — *Специальность в кармане, а ты ямы рыть*; — *Едет покупать, а не знает, какой размер*; *Обидно было: пригрел человека, а он взял и унес ружье. Ну не подлец после этого!*

У каждого из сравниваемых союзов есть свои специфические сферы употребления стилистического и структурного характера. *А* преимущественно используется в эмоционально-экспрессивной сфере разговорного характера (не только в вышеназванных случаях), а стилистически нейтральное и даже слабонужное слово *но* экспрессии избегает. Структурным условием преимущественного или исключительного употребления *но* является организация предложения по модели *я* (*ты, он...*), *но я* (*ты, он...*), когда в обоих компонентах сложного предложения речь идет о предикативных признаках одного и того же лица. — *Я приехал просить руки Софьи Ильиничны, но я не уверен...* (А. Толстой); *Кровь бешенства хлынула в глаза Алексею Алексеевичу, но он сдержался и вышел в сад* (А. Толстой).

Таким образом, о синонимических отношениях адверсативных предложений следует говорить не в общем, а применительно к их частным регулярным реализациям, т. е. структурно-семантическим разновидностям. В принципе союзы *а* и *но* и предложения с ними синонимичны вследствие наличия общего широкого значения противопоставления, но синонимические отношения проявляются в определенных пределах, обусловленных совокупностью факторов семантического, стилистического и структурного характера. Эти пределы могут либо сближать оба союза, делая их взаимозаменяемыми, так и запрещать какое-либо их взаимодействие (субституцию). Взаимозамена противительных союзов, несомненно, является следствием и формой проявления синонимичности языковых единиц в речи. Однако она возможна, но не обязательна, поскольку наталкивается на ряд запрещающих ограничений.

«О сочинении частей слова» М. В. Ломоносова:

к вопросу о выделении синтаксических архаизмов в русском литературном языке

С. А. Важник

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

waznik@yandex.ru, wazhnik_s@tut.by

Синтаксические архаизмы, устаревшие синтаксические конструкции, грамматические (синтаксические) нормы русского языка

Summary. Syntax of times of M. Lomonosov has a number of specific features. From positions of modern syntactic norms of a Russian literary language all syntactic structures noted in the publication should be qualified as become outdated – as indicators of out-of-date syntactic norm. They make “gold fund” of the national syntactic idiomatics of Russian. It is that basis on which basis the basic lineup of Russian simple sentence further is formed.

1. В университетском курсе русского литературного языка выделяются только **фонетические, лексические, морфологические и семантические** архаизмы. **Синтаксические архаизмы** остаются «вне игры», хоть есть все основания для их выделения в конструкциях типа: *Я к вам пишу; И долго, будто сквозь тумана, // Она глядела им вослед...*; 412

Куда но нём свой быстрый бег // Стремит Евгений? (см. квалификацию подобных примеров в [2: 209–210]). Под **синтаксическими архаизмами** предлагаем понимать ранее активно употребляемые конструкции (модели), которые в процессе развития литературного языка были вытеснены из употребления другими конструкциями (моделями).

2. Центральное место среди филологических трудов Ломоносова занимает «Российская грамматика», которая состоит из шести «наставлений». Синтаксису посвящено последнее: «Наставление шестое. О сочинении частей слова». Выделяется пять глав: «О сочинении частей слова вообще»; «О сочинении имен»; «О сочинении глаголов»; «О сочинении вспомогательных частей слова»; «О сочинении частей слова по разным обстоятельствам». Вопросы синтаксиса в грамматике М. В. Ломоносова разработаны, пожалуй, хуже всего. Однако и здесь прослеживается четкая система. Синтаксическая часть, как, впрочем, и все предыдущие, содержит **практические правила (рекомендации)**, выведенные ученым из фактов живого употребления. Построение грамматики русского языка с учетом живой речевой практики — таков основной принцип работы Ломоносова как лингвиста. В таком — **практическом** — подходе нет ничего удивительного: идея создания грамматики русского языка, по признанию Ломоносова, была вызвана прежде всего практической **потребностью в хорошем руководстве**, излагающем важнейшие **правила формо- и словоупотребления** (*Тула оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики*), а также заботой об **установлении грамматических норм русского языка** (язык для того, кто отчасу далее в нем углубляется, с точки зрения *общего философского понятия о человеческом слове* представляет собой *безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море*).

В докладе будут рассмотрены отдельные типы синтаксических архаизмов, отмеченные нами в «Российской грамматике» Ломоносова.

2.1. **Изменение управления знаменательных слов** (прежде всего **глагола**). За прошедшие два века управление изменялось в основном у глаголов. Ср.: *Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, италиянским — с женским полом говорить прилично* (Предисловие); *Страдательный глагол требует родительного с предлогом отъ или творительного без предлога: Дарю побъждень отъ Александра, но убить отъ своих рабовъ* (§ 506); *Предлог о или обь предложному падежу свойственен: сказывать о дѣлахъ славныхъ; радоваться обь общемъ добрѣ. Сверх сего сей предлог кратко показывает число частей какого-нибудь животного: о двухъ рогахъ, о четырехъ ногахъ. Обь одномъ сынѣ вместо у него одинъ сынъ весьма развратно* (§ 557).

2.2. **Изменение управления русских предлогов**. В основном подобные случаи зафиксированы с предлогом *по*. Ср.: *С дательным сочиняются ко или къ и по: къ дѣлу способенъ, приду по данному слову. Ко употребляется больше для того, чтобы избежать стечения согласных: ко всѣмъ ласковъ, ко рву блиско. По требует иногда предложного, когда значит после: по разговорахъ разѣхались, по печали радость* (§ 552).

2.3. **Выгеснение одного предлога другим**. Этот тип наиболее ярко представлен в случае замены предлогов *из, между, на* и др. Ср.: *Когда многие вещи одного рода между собою уравниются, употребляют степень превосходный с*

родительным падежом и с предлогом изъ: Апеллесъ изъ живописцовъ преискусный, Волга изъ рѣкъ Россійскихъ превеликая (§ 499); *Вместо предлога изъ с родительным в равной силе употребляется предлог между с творительным падежом: превысокое между древами больше подвержено стремленію вътровъ* (§ 500); *Предлог чрезъ хотя в недавних временах введен был вместо отъ, однако на то не свойственное и со французского языка принужденное употребление* (§ 509); *Имена городов, по рекам проименованных, полагаются в предложном падеже с предлогом на: на Дону жить прохладно, на Москвѣ — весело* (§ 572).

2.4. **Изменение порядка слов**. Изменения порядка слов прежде всего касаются случаев употребления согласованного определения в постпозиции к определяемому слову. Ср.: *Когда к сим числительным прирѣженное существительное будет со своим прилагательным, тогда существительное по обыкновенію полагается в родительном падеже единственном, а прилагательное — в родительном множественном: четыре корабля военныхъ, три человека сильныхъ или в именительном множественном: четыре корабля военные, два человекъ сильные. Хотя сие и бывает в именительном противно общему правилу о согласии существительных с прилагательными, однако в косвенных согласие содержится: четыремъ кораблямъ военнымъ, въ четырехъ корабляхъ военныхъ* (§ 487). Отмечены также случаи постпозиции предлога: *Предлог ради наперед и назади имени полагается и ту же силу в обоих местах имеет: ради бѣдности и бѣдности ради помиловать* (§ 551).

2.5. **Замена в СРЛЯ родительного падежа прямого дополнения при отрицании транзитивного глагола винительным падежом**. Во времена Ломоносова правило замены винительного падежа на родительный при отрицании переходного глагола было обязательным. Ср.: *Всякий глагол действительный требует винительного падежа сверх именительного: кто хранитъ законы — законы сохранять его взаимно* (§ 501); *Когда ж пред ним присовокупляется отрицательная частица не, винительный падеж обращается в родительный: не давай воли языку въ пированіи* (§ 502).

3. Синтаксис времен М. В. Ломоносова имеет ряд специфических особенностей. Все они составляют «золотой фонд» национальной синтаксической идиоматики русского языка. Это тот базис, на основе которого в дальнейшем формируется основной модельный ряд русского простого предложения. Описанные выше конструкции должны квалифицироваться в настоящее время как *устаревшие* — как маркеры *устаревшей синтаксической нормы*. Изучение и описание синтаксических архаизмов позволит современному русисту лучше понять и объяснить те процессы, которые происходили в последующие эпохи. Более того, настало время создания словаря «забытых» конструкций русского синтаксиса, который охватывал бы все основные периоды функционирования русского литературного языка.

Литература

1. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Архив петербургской русистики: www.ruthenia.ru/apr/textes/lomonos/lomon01.htm.
2. Муравенко Е. В. О синтаксических архаизмах // Изменения в языке и в коммуникации: XXI век. М., 2006. С. 209–224.

К вопросу о предложных сочетаниях с согласованным определением как компоненте парадигмы предлога

М. А. Валуева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
maria.valueva@gmail.com

Предлог, предложные единицы, согласованное определение, функционально-коммуникативная грамматика

Summary. Our research is dedicated to prepositions in functional-communicative grammar; the prepositions are seen not just as a morphological class, but as a functional-grammatical field with a center and a periphery. This allows having a broader understanding of prepositions and its functions, e. g. the possibility of its use with coordinated attribute.

Категория предлога в русском языке — сложное и многофакторное явление. Утрачивая присущие исходной части речи лексическое значение и изменяемость, производные предлогу сохраняют все же некоторую связь с мотивирующим словом, которая проявляется, в частности, в синтагматике. Так, например, отыменные предлоги находятся в зоне пересечения с категорией имени существительного (далее —

ИС). Относительно свойств ИС и отыменного предлога традиционная грамматика (в частности, «Русская грамматика» 1980 года) говорит о возможности присоединять согласованное определение (далее — СО) только к имени существительному, тогда как предлог в случае присоединения СО теряет свой грамматический статус, например: *в условиях севера — в северных условиях* (пример из Русской грамматики).

Однако путем исследования были получены примеры, свидетельствующие, что существуют случаи, которые нельзя трактовать столь однозначно. В качестве методологической основы исследования нами принята концепция функционально-коммуникативной грамматики [1]. В рамках ФКГ предлог представлен не просто как категория морфологическая, но и как категория синтаксическая. Кроме того, «в определенных условиях под эти определения попадают и единицы, выполняющие функции предлога, но не потерявшие связи со своей частью речи» [2]. Поэтому логично, что в данной концепции предлог рассматривается как функционально-грамматическое поле с ядром и периферией. В связи с расширенным представлением о категории предлога оказалось возможным описать ранее не отмеченные особенности употреблений предложных единиц, в частности их сочетаемость с СО. Включение СО в состав предложной единицы рассматривается нами как компонент ее парадигмы. Таким образом, во-первых, СО может входить в состав предлога (предложного сочетания) и, во-вторых, иногда оно является в таких образованиях обязательным. Например, в предложении (1а) сочетание *в непосредственной близости от*, на наш взгляд, тоже является предлогом, а не предложно-падежным сочетанием имени с СО, в частности потому, что СО *непосредственный*, включенное в состав предлога, является семантически обязательным. Ср., например, разницу в значениях между (1а) и (1б):

(1а) *Мой дом находится в непосредственной близости от метро.*

(1б) *Мой дом находится в близости от метро.*

Были найдены и структурно обязательные определения. Например, в сочетании *в правую сторону от* в предложении:

(2) *Нам надо повернуть в правую сторону от развилки.*

То есть: *направо от развилки*.

Таким образом, СО в приведенных примерах является органичным компонентом предлога. На данный момент были выявлены два типа употреблений СО в составе предложного образования:

1) во-первых, конструкции, где СО употребляется в составе именной предложной словоформы с первообразным предлогом как компонент текстовой парадигмы предлога. СО в таком случае является именем актанта, выраженным местоимением в функции анафоры:

(3) *На это обратили внимание американские конгрессмены, и под их давлением правительство Нетаньяху приняло решение,*

или адъективизированным собственным именем актанта:

(4) *Большая наука не может долгое время обходиться без мощной государственной поддержки.*

2) и, во-вторых, это конструкции, когда СО в составе предложного сочетания является конкретизатором:

(5) *Мой дом находится в непосредственной близости от метро.*

Понятие **конкретизатора** предлога сейчас еще не является широкоупотребительным и общепринятым в отечественной лингвистике, в том числе по отношению к предлогам. Однако анализ предлогов показал, что нужно ввести понятие конкретизатора как не грамматически, а семантически обусловленного компонента. С точки зрения семантики конкретизаторы можно разделить на скаляр, вектор и авторизатор (термины М. В. Всеволодовой).

Скаляр — это выражение количественной характеристики:

(6) *О приведении белорусских экономических механизмов в большее соответствие с российскими.*

Вектор — выражение направления или сферы действия, например:

(7) *Перемещает курсор в прямом направлении к последнему символу.*

Авторизатор — выражение авторской оценки, например:

(8) *Каждый четвертый житель Среднего Урала живет в недопустимой близости к промышленным предприятиям.*

Среди конкретизаторов можно также выделить две разновидности употребления. Во-первых, это случаи, когда СО употребляется в конструкциях, где именная часть полнознаменательна, образовавшийся вторичный предлог сохраняет свое значение, например, в предложении (1а) принципиально важным здесь является «близость». Конкретизатор здесь структурно факультативен, но семантически необходим. А вот в предложении:

(9) *А по левую руку сидит князь Олег — он держит всех бояр и руководит экономикой (= т. е. «слева»).*

предложный компонент не называет отношение, а является десемантизированным в смысловом отношении, то есть выражен классификатором. Конкретизатор здесь несет основную смысловую нагрузку и не может быть убран.

Решение вопроса о том, являются ли вышеуказанные словоформы собственно предлогом или нет, остается ли единица предлогом при присоединении согласованного определения или возвращает себе предметный статус, не является для нас определяющим. Язык имеет полевую устроенность, и грамматический, морфологический, частеречный статус единицы в ходе функционирования может меняться. Поэтому гораздо более актуальным сейчас является описание функционирования данных единиц, так как оно системно.

Литература

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
2. Всеволодова М. В., Виноградова Е. Н., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А., Чекалина В. Л. Материалы к словарю «Предлоги и средства предложного типа в русском языке. Функционально-коммуникативные аспекты реального употребления». Выпуск 1. В печати.

Из истории изучения синтаксического статуса вводных предложений и вставных конструкций в русском языке

Н. Л. Васильев

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Саранск)

nikolai_vasiliev@mail.ru

Вводное предложение, вставная конструкция, полипредикативность, простое предложение, сложное предложение

Summary. The paper is devoted to a history of study of this question in Russian grammatical tradition.

Объектом нашего внимания являются высказывания с вводными предложениями и вставными конструкциями, трансформирующими простые предложения в полипредикативные единицы (см. [4]). Предметом анализа — представления отечественных лингвистов о синтаксическом статусе подобных предложений.

Языковеды XIX в. рассматривали вводные предложения как компоненты сложных. Так, А. Х. Востоков писал: «Между частями главного предложения может вставлено быть особое предложение, называемое вводным <...> напр.: *Он, я думаю, скоро возвратится*» ([5]; цит. по: [12: 201]). Ф. И. Буслав считал подобные фразы разновидностью «слитных» предложений, построенных по способу подчинительной связи [2: 281]. А. А. Шахматов, выделяя «вводные слова», понимал под ними аналоги односоставных и дву-

составных предложений [16: 265]. А. М. Пешковский, разграничивая вводные слова, словосочетания и предложения, по существу тоже признавал полипредикативность высказываний, содержащих вводные предложения [10: 410].

В первой академической грамматике, в соответствии с традицией, сообщалось: «Вводными называются предложения, включенные в другое (основное по отношению к ним) предложение и выполняющие в нем те же функции, что и вводные слова и вводные сочетания слов» [7: 161]. Последующие академические грамматики [7]; [8] игнорируют проблематику этой сложной темы.

Едва ли не единственным исследователем, пытавшимся обосновать отнесение высказываний с вводными элементами к простым предложениям, был Н. М. Баженов: «По отношению к вводным предложениям любого состава (то же

коснется далее и предложений вставочного типа) необходимо отметить также возможность введения их в основное предложение с помощью подчинительных союзов, что делает такие предложения внешне похожими на придаточные <...>; «Наличие в предложении вводных или вставных элементов не делает это предложение сложным» [15: 551, 553]. А. Г. Руднев считает, что вводные элементы являются особыми членами предложения, связанными с ним специфической связью, которую можно назвать «соотношением», — но подразумевает, что подобные высказывания являются простыми по структуре [12: 201, 205, 218]. А. Н. Гвоздев, рассматривая вводные элементы как «грамматически не связанным с предложением», отмечает, например, что «вводные предложения могут связываться союзными словами <...> сближаясь в этом отношении с придаточными предложениями...» [6: 192–195]. Н. С. Валгина пишет, что вводные предложения «воспроизводят те или иные схемы простого предложения <...>, «...включаются в основное при помощи союзов или союзных слов <...>» [3: 252–253]. Е. С. Скобликова говорит о полноценной предикативности вводных предложений: «...конструкции с самостоятельным предикативным центром — со своими главными членами...»; отмечает, что вставные конструкции «прерывают начатое предложение добавочными предложениями»; но анализирует те и другие в теме «Простое предложение» [14: 236, 237]. В. В. Бабайцева констатирует: «Осложняющие слова и сочетания слов не похожи на члены предложения... Однако исследования последних лет показали лексико-семантические и грамматические средства, осуществляющие связь вводных и вставных компонентов с основной частью высказывания»; «В препозиции вводные единицы сохраняют многие свойства предложений <...> поэтому иногда трудно отграничивать сложные предложения от предложений с вводными единицами»; «В наиболее полной мере предикативны вводные предложения»; «От типичного придаточного <...> вставное предложение отличается большей смысловой, структурной и интонационной самостоятельностью» [1: 179, 184–186]. А. Ф. Прияткина полагает, что «считать вводные слова одним из видов осложнения нет достаточных оснований. Они функционируют как в осложненном, так и в неосложненном предложении...», «...не являются членами предложения» [11: 8]. Отмечаются и иные черты вводных элементов, подтверждающие их особый синтаксический статус, например: «Вводное предложение — конструкция, формально соотносимая с предложением, но функционально аналогичная вводному слову...»;

«Союзные средства, участвующие в оформлении В. п., не выражают отношений, реализуемых аналогичными союзами в сложных предложениях...»; «В. п. характеризуются специфической интонацией» [9: 64].

Сделаем выводы. В трудах многих ученых XIX–XX вв. прямо или косвенно выражена мысль, что высказывания с вводными и вставными предложениями являются полипредикативными, т. е. сложными предложениями. Инерция представления о наличии лишь трех типов сложных предложений, преодолевается, как правило, с помощью компромиссного термина «основное предложение», а то, что части полноценного сложного высказывания обычно синтаксически связаны между собой, — указанием на наличие ослабленной связи между «основным» и вводным предложением. Следовательно, есть основания говорить о четвертом типе сложных предложений.

Литература

1. Бабайцева В. В. Русский язык: Синтаксис и пунктуация. М., 1979.
2. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика. М., 1959.
3. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка: Учебник для вузов. М., 1973.
4. Васильев Н. Л. Простое — осложненное — сложное (к типологии предложений с вводными и вставными элементами) // Русский язык: ист. судьбы и современность: III Межд. конгресс исследователей рус. яз. М., 2007. С. 757–758.
5. Востоков А. Х. Русская грамматика по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831.
6. Гвоздев А. Н. Современный русский язык: Учеб. пособ.: В 2 ч. 3-е изд. Ч. II. М., 1968.
7. Грамматика русского языка: В 2 т. Т. II. Ч. 2. М., 1960.
8. Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1970.
9. Ляпон М. В. Вводное предложение // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 2003. С. 64.
10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
11. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990.
12. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка: Учеб. пособие. М., 1963.
13. Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. II. М., 1980.
14. Скобликова Е. С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения: Учеб. пособие. М., 1979.
15. Финкель А. М., Баженов Н. М. Курс современного русского литературного языка. Киев, 1960.
16. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941.

О принципе «обманутого ожидания» в concessивных предложениях (на материале русского и сербского языков)*

Дойчил Петрович Войводич

Новисадский университет (Сербия)

dojcilv@mail.ru

Concessive предложения, принцип «обманутого ожидания», семантический инвариант, средства и способы реализации, русский и сербский языки

Summary. In this paper, based on the Russian and Serbian language material, we analyze complex sentences with concessive clauses. Special attention is being paid to their semantic interpretation, which implies establishment of basic components of the semantic invariant category *concessiveness*. We also offer an explanation of the principle «failed expectations», on which the concessive construction is based.

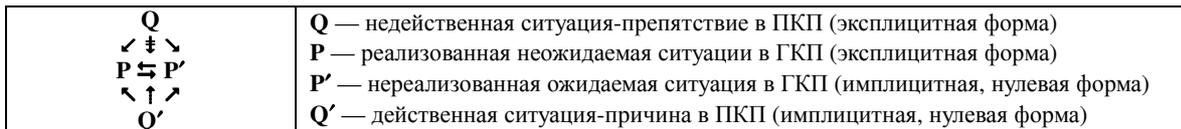
1. Придаточная часть concessивных предложений (КП), с помощью которых, наряду с общим значением уступительности («указание на условие, не являющееся достаточным основанием для того, чтобы воспрепятствовать совершению действия в главном предложении»), реализуются и различные частные (под)значения, чаще всего вводятся (синонимичными друг с другом) следующими семантическими союзами, играющими между главной (ГКП) и придаточной (ПКП) частями настоящих предложений связывающую и организующую роль, на основании которой определяется и атрибутивное значение предложения в целом: (рус.) *хотя (и), пусть, несмотря на (то что), вопреки (тому что), как*

ни, сколько ни, что бы ни; (серб.) *иако, мада, макар, премда, без обзира на (то што), упркос (томе што), ма (ко / како / колико / где).* Ср.: (1) *И этого секретарь представить себе не мог, хотя и хорошо знал прокуратора (Булгаков) // Повјереник то није могао замислити, иако је добро познавао прокуратора.*

2. Concessiveные, как и все генеративно детерминированные, асимметричные, биситуативные отношения (каузальные, консекutiveные, кондициональные и финальные), обладают общим, «надкатегориальным» признаком «обусловленности». Кроме того, они, обладая «двойственной ориентацией», основываются на принципе «обманутого ожидания», так

* Исследование выполнено в рамках проекта «Опис и стандардизација савременог српског језика» (подпроект «Синтакса савременог српског језика II: Сложена реченица»), поддержанного Министерством науки Республики Сербии (грант 148002).

как модели регулярных логических отношений противопоставляется реальный факт (действие-следствие как актуальный результат), опровергающий ожидаемое следствие (действие как априорный, предполагаемый результат). Несмотря на то что данное ожидаемое, предполагаемое следствие при реализации уступительных отношений не имеет своего эксплицитного, формального выражения, оно все-таки (хотя и имплицитно) участвует в семантической организации КП, так как двухкомпонентную формально-синтаксическую структуру трансформирует в трехкомпонентную семантическую структуру, где в противоречивые отношения вступают не результат и его причина, а два следствия, проистекающие из одной и той же причины, а именно: (1) **ожидаемое (априорное)** и (2) **неожиданное (апостериорное, актуальное)** следствие, с тем что ожидаемое никогда не вербализуется (ср., в частности [8: 585–593], [4], [3, 170–174], [2], [12], [10], [13]).

В качестве иллюстрации «двойственной ориентации», принципа «обманутого ожидания» и всех упомянутых отношений можно привести следующий пример с его парафразами: (2) *Иван закончил / не закончил университет (P), хотя для этого у него не было условий / были условия (Q): 'у Ивана не было условий / были условия, чтобы закончить университет (Q), следовательно, существовало обоснованное ожидание, что он его не закончит / закончит (P'), но он его все-таки закончил / не закончил (P), так как обладал / не обладал сильной волей (Q')*.

Добавим, что имплицитная причина преодоления / преодоления субъектом препятствия является, как правило, субъективной категорией, так как совершение или несвершение действия зависит от внутреннего состояния субъекта (воли, настроения, степени желания, понимания и восприятия обстановки в целом и т. п.). Отметим также, что в организации уступительных отношений присутствие (участие) говорящего является обязательным.

Литература

1. *Александрова С. А.* Структурно-семантические особенности конструкций с детерминантами уступки // Вестник университета Российской академии образования. 2008. № 4. С. 29–32.
2. *Апресян В. Ю.* Уступительность в языке и слова со значением уступки // Вопросы языкознания. 1999. № 5. С. 24–44.
3. *Евтюхин В. Б.* Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссессионность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1996. С. 138–174.

3. Таким образом, выясняется, что исходная, неблагоприятная ситуация (**Q**) является недействительной, так как ситуация (**P**), вопреки всему, реализуется благодаря сосуществованию и активизации более сильной, благоприятной (действительной), хотя и имплицитной причины (**Q'**). К этим трем компонентам, традиционно выделяющимся в славынских грамматиках, следует причислить и четвертый — нереализованную (ожидаемую) ситуацию (**P'**), также (как и преодолевающая препятствие причина **Q'**) никогда не вербализующуюся (ср., в частности: [9], [6], [11], [7: 826 и сл.], [1], [5]).

Данные уступительно-противительные, на первый взгляд, парадоксальные (взаимо)отношения компонентов, характеризующиеся «обратной» обусловленностью и представляющие собой семантический инвариант КП, можно иллюстрировать следующим образом:

4. *Ляпон М. В.* Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.
5. *Мусатова Г. А.* Семантика уступки / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
6. *Николаева Т. М., Фужерон И.* Некоторые наблюдения над семантическим статусом сложных предложений с уступительными союзами // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 17–36.
7. *Пунер П., Антонович И., Ружиж В., Танасић С., Поповић Љ., Тошовић Б.* Синтакса савременог српског језика: Проста реченица / Уред. М. Ивић. Београд, 2005.
8. *Русская грамматика. Т. II: Синтаксис* / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
9. *Теремова Р. М.* Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке. Л., 1986.
10. *Типология уступительных конструкций* / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 2004.
11. *Урысон Е. В.* К типологическому описанию служебных слов с противительной и уступительной семантикой // Четвертая типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии (Специальная сессия: Типология дискурсивных категорий и средств организации дискурса в японском, армянском и русском языках, Ереван, 21–28 сентября 2005 г.). М., 2005. С. 328–331.
12. *Храковский В. С.* Универсальные уступительные конструкции // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 103–122.
13. *Черникова Н. С.* Уступительные конструкции: отклонение от стандарта? (на материале английского языка) // Язык, коммуникации и социальная среда. Сб. науч. трудов. Вып. 3. Воронеж, 2004. С. 163–169.

О взаимодействии языковых средств выражения семантики отрицания в сложноподчиненном предложении

Г. Ф. Гаврилова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

pozn-galina@yandex.ru, ngreg25@rambler.ru

Summary. The paper deals with the problem of interaction of the linguistic means expressing modal and nego-positive semantics in the complex sentence.

Проблема выражения семантики категорий модальности и негопозитивности привлекала и привлекает внимание многих ученых. В результате ее исследования обнаружено, что семантика средств отрицания и значение ирреальной модальности сослагательного наклонения в какой-то мере пересекаются. Так, авторы «Русской грамматики–80» считают возможным включение утверждения / отрицания в круг модальных значений наряду с семантикой реальности / ирреальности.

Думается, однако, что факты языка позволяют сделать и несколько иной вывод, хотя и более частный, о возможности включения значения категории ирреальности в сферу семантики отрицания.

Об этом свидетельствуют утверждения ряда ученых о том, что ирреальная ситуация, выраженная формой сослагательного наклонения, всегда содержит и семантику отсутствия соответствующей реальной ситуации, антиподом которой она является. Другие ученые, например Е. В. Гулыга (1976), указывают, что частица «бы» в ряде случаев передает отсутствие действия в реальной действительности, то есть в основном имеет значение, присущее частице «не».

В силу недостаточной изученности функционирования средств выражения рассматриваемых категорий в составе предикативных частей сложноподчиненного предложения (СПП) целесообразно рассмотреть в нем их взаимодействие.

Так, в изъявительных сложноподчиненных предложениях (СПП) значение негации может одновременно присутствовать как в главной части (ГЧ), так и в придаточной. При этом согласование семантики предикативных частей осуществляется за счет отрицания «не» в ГЧ и формы сослагательного наклонения в придаточной (ПЧ). Эта форма также обозначает отсутствие факта в реальной действительности, но предполагает наличие в когнициях адресата или адресанта знания о возможности его реализации. В ПЧ в этом слу-

чае присутствует союз *чтобы*: — *Я не верю, чтобы эти большевики, так вдруг исчезли* (А. Толстой). Такие конструкции синонимичны предложениям с союзом *что* и формой будущего времени в ПЧ. Ср.: *Я не верю, что эти большевики так вдруг исчезнут*. Когда ГЧ не имеет показателя отрицательной семантики, вариант с союзом «*чтобы*» невозможен в силу того, что нарушены присутствующие ранее условия согласования семантики главной и придаточной частей. Ср.: *Я верю, что эти большевики вдруг исчезнут*.

Соответствие употребления частицы «*бы*» когнитивным знаниям говорящего об отсутствии ирреального факта в действительности наблюдается также в определительно-качественных СПП. Такие СПП образуются по устойчивой схеме: в ГЧ слово *нет* или частица *не*, в ПЧ — союзное слово + *бы*. Такие СПП равны одной пропозиции-умозаключению обобщающего характера с отрицательным значением: *Нет и не может быть условий, которые заставили бы нас пойти на соглашение* (А. Толстой). Ср.: *Никакие условия не заставят нас пойти на соглашение* (А. Толстой).

При наличии же отрицательного сказуемого и в ПЧ происходит процесс отрицания отрицанием: *Нет человека, который не стремился бы к счастью*. Ср.: *Все люди стремятся к счастью*.

Погашение отрицания отрицанием наблюдается и в ирреально-сравнительных ПЧ с союзами *будто*, *как будто* и др., в которых союз обычно осложнен частицей *бы* (ПЧ имеет значение воображаемой отсутствующей причины того, о чем сообщается в ГЧ, и метафорично по своему содержанию): *Мать ребенка была энергична и деятельна, как будто бы и не было бессонных ночей*. Погашение отрицания отрицанием, выраженным союзом с частицей *бы*, переводит ПЧ в разряд конструкций, близких по семантике к утвердительным.

Своеобразно взаимодействие категорий ирреальности и негации в условных СПП. Когда ирреальный факт сориентирован на план прошедшего, они соотносятся с когнитивными знаниями говорящего об отсутствии действия в реальной действительности и присутствию его как желаемого или возможного лишь в сознании адресанта. В качестве

согласующихся в СПП условия выступает как сема отсутствия факта, так и сема ирреальной модальности в ГЧ и ПЧ: *Если бы он* (Иван Ильич. — Г. Г.) *сделал еще одно усилие, все бы изменилось, стало иным* (А. Толстой).

При появлении в предикативных частях условного СПП отрицания *не* сослагательное наклонение активно взаимодействует с выраженной *не* семантикой отрицания, в результате чего отрицание погашается отрицанием: *Мне кажется, если бы я его тогда не оттолкнула, он бы не погиб* (А. Толстой). Ср.: *Я его оттолкнула, и он погиб*, т. е. данный факт лишний раз свидетельствует о функционально-семантическом общем в категориях негации, с одной стороны, и ирреальной модальности, с другой.

Избыточность в способах выражения семантики отрицания иногда ведет к изменению средств связи ПЧ с главной частью. Так, в современном русском языке расчлененный союз «*потому, чтобы*» фактически уходит из употребления. Между тем он активно употреблялся в XIX веке при однородных придаточных причины (схема «*не потому, чтобы, а (но) потому что*»): *Она, очевидно, не конфузилась и не потому, чтобы она потеряла стыд или память, а просто потому, что света от нее отошла* (И. Тургенев).

Место уже ставшего архаичным союза (*не*) *потому, чтобы* в XX веке занял союз (*не*) *потому, что*. Объяснить это можно только тем, что частица *не* выражает здесь само отсутствие факта, изложенного в ПЧ, что ведет к избыточности сослагательного наклонения: *Этим людям приходилось отказываться от личного и вовсе не потому, что они были аскетами, а потому, что этого требовала обстановка* (В. Озеров).

Таким образом, результаты изучения функций сослагательного наклонения в СПП показывают, насколько значение негации, присутствующее в семантической структуре сослагательного наклонения, важно для формирования сложного единства, а также лишний раз свидетельствуют об активном взаимодействии в языке и речи разных функционально-семантических категорий, в частности категорий ирреальности и негации.

Синтаксические конструкции со значением возраста в русском языке

Н. А. Герасименко

Московский государственный областной университет

nataly@lsm.ru

Семантика возраста, бисубстантивные предложения, субъективная оценка

Summary. The paper deals with syntactic structures which express the semantics of human age and grammatical means of expression of subjective age estimation.

Возрастная характеристика человека является важной и востребованной обществом характеристикой. Поэтому языковые средства выражения семантики возраста не раз становились предметом исследования ученых. Специальные работы посвящены концептам «возраст», «детство» и др., однако до сих пор основное внимание исследователей уделялось лексическим средствам выражения семантики возраста.

Для русского языка характерны определенные синтаксические конструкции, в которых лексические средства реализуют семантику возраста. Наиболее распространенной формой обозначения возраста является конструкция: *Ему двадцать лет*. Спорной в традиционной грамматике до сих пор является грамматическая квалификация этих предложений — односоставное безличное предложение? односоставное номинативное? двусоставное с подлежащим в форме дательного падежа? двусоставное с подлежащим, выраженным количественно-именным словосочетанием, и нулевой связкой? Ответ на этот вопрос связан с определением типовой семантики предложения и ее грамматического выражения: *Ей было шестьдесят пять лет, но если он — ее ровесник — в этом возрасте еще выглядел крепким, бодрым и молодежь, то ее жизнь давно превратилась в доживанье* (Д. Быков).

Отмечается стремление многих предложений к фразеологизации: *Всяко бывало. Восьмой десяток отсчитываю* (П. Бажов); *Этому чернорабочему человеку уже пошел двадцать второй год* (А. Мариенгоф).

Одним из продуктивных синтаксических способов выражения возрастной характеристики лица являются бисуб-

стантивные предложения. Это предложения, грамматическое ядро которых составляют два имени существительных при обязательном участии связки: *Светлана Петровна была пятидесятилетняя женщина с очень молодым лицом* (В. Алексеев); *Настя — тридцатилетняя вдова* (А. Мариенгоф); *Тетушка Василиса Каширорвна в это время имела лет около пятидесяти* (Н. Гоголь). Особенностью бисубстантивных предложений является оценочность (в том числе и нейтральная, нулевая), заложенная в них конструктивно. Предикативный признак, выраженный именем существительным, — это признак, приписываемый на основе знания, в результате логических операций отождествления, сравнения, уподобления и др., что и способствует формированию оценочных значений: — *Да что вы, Захар Миронович, вы еще, простите, па-ца-ан!* — Ну-ну... если пятый десяток — пацанство — давайте будем жить хотя бы до ста двадцати (Д. Рубина); *Все герои книги — мальчики и девочки, всех жалко, над всеми — даже над самыми отворотительными — «плачет Господь, рукава прижимая к очам»...* (Д. Быков); *Я был в том возрасте, когда для человека в мире живо все и у всего есть язык* (В. Бианки).

Обращает на себя внимание субъективность оценки возраста. В бисубстантивных предложениях в выражении этой субъективности принимают участие связки: *Анюта была выше всех на голову, в свои пять лет она выглядела школьницей* (В. Токарева); *На вид он казался двадцатилетним юношей* (В. Катаев).

Субъективная оценка возраста выражается в русском языке при помощи частиц: *уже, только, еще, чуть-чуть, всего*

и др.: — Ты, Нюшка, молодая женщина, а я... — И поправила очки на носу. Она еще не привыкла к ним. — А я еще молодая женщина (А. Мариенгоф); Виктору было чуть-чуть за сорок (В. Маканин); Ленечке был всего месяц, когда они уехали (Т. Полякова). В разговорной речи частицы могут сочетаться с междометиями: Лет ей [Люське] было за 25, если быть честной, то далеко за 25, а приди мне фантазия повредничать, я бы сказала: *ох как* за 25, но так далеко моя вредность никогда не заходила (Т. Полякова).

Отмечается стилистическое расщепление средств выражения семантики возраста. Так, ярко выраженная субъективная оценка возраста, характерна для разговорной речи и языка художественной литературы.

Активно функционируют в русском языке предложнопаладежные формы синтаксически неделимых количественноименных словосочетаний: *около сорока лет, не больше два-*

дцати лет, которые проявляют тенденцию к утрате существительного *лет* и фразеологизации: *около сорока, не больше двадцати; за пятьдесят, хорошо за пятьдесят, чуть-чуть за пятьдесят*. Такие «усеченные» конструкции также характерны для разговорной речи.

Возрастная характеристика лица может быть смещена в предложении в полупредикативную позицию — позицию приложения. Это тоже один из продуктивных способов выражения семантики возраста в русском языке: *Дед Иван, восьмидесятилетний старик, жил через дорогу и любил заглянуть вечером на чаек* (В. Алексеев).

Анализ языкового материала позволяет видеть, насколько разнообразно выражается в русском языке возрастная характеристика человека. На наш взгляд, грамматические способы и средства выражения семантики возраста, а также их стилистическая квалификация требуют специального исследования.

Модель предложения и модель высказывания

В. Гладров

Берлинский университет им. Гумбольдта
wolfgang.gladrow@rz.hu-berlin.de

Модель предложения, модель высказывания, парадигма предложения, парадигма высказывания

Summary. The paper points out that not only the sentence, but also the utterance with its semantic, pragmatic and information structure has a model character.

1. Последовательная дифференциация понятий предложения и высказывания, имеющая плодотворную традицию в синтаксисе русского и других славянских языков (ср. [6]), позволяет также продемонстрировать их модельный характер. Как известно, модельный статус предложения является общепринятым с момента введения понятия структурной схемы предложения в Грамматике–70. Термин «высказывание», который, как правило, рассматривается с включением предложения в речевую ситуацию, с понятием модели связывается не всеми лингвистами. Только в ряде исследований порядка слов и интонационного контура уже в 70-х годах прошлого века встречаются убедительно обоснованные указания на системный характер линейно-интонационной структуры высказывания (ср., напр., [8]; [3]; [2]; [9]; [4]). Значительно реже обсуждается модельный характер семантического устройства высказывания (ср., напр., понимание структурной схемы как номинативного минимума, предложенное В. А. Белошапковой [1: 101–117] и систему прагматического устройства высказывания (ср., напр., понятие модусной аранжировки высказывания у [12] или регистры речи у Г. А. Золотовой [7]). Поэтому в данном докладе ставится задача, исходя из структурной схемы предложения, раскрыть также и модельный характер семантического, информативного и прагматического устройств высказывания.

2. Предложение является самостоятельной грамматической единицей языка, рассматривающейся в абстракции от текста и ситуации ее употребления. Грамматический признак предложения, предикативность, выражается в русском и других индоевропейских языках переменными формами морфологических категорий времени и склонения.

Высказывание, в свою очередь, является минимальной единицей речевого общения, в котором присутствуют говорящий, слушающий и цель сообщения. На основе высказывания можно совершить речевое действие. Параллельно с предикативным характером структурной схемы предложения высказывание характеризуется моделями семантического, информативного и прагматического устройств. Другими словами, в рамках речевой ситуации можно определить конкретное семантическое значение высказывания, определенное актуальное членение и интонационный контур, а также специфическую позицию говорящего к сказанному.

3. При рассмотрении высказывания следует учесть его «широкую» и «узкую» дефиницию. В отличие от «широкого» понимания, определяющего высказывание как «любой линейный отрезок речи, в данной речевой обстановке выполняющий коммуникативную функцию и в этой обстановке достаточный для сообщения о чем-то» [11: 84], «узкое» понимание характеризует его как коммуникативную единицу, не имеющую предикативной основы. К последним относятся, напр., реплики, междометия, грамматически не завершенные сообщающие единицы. Данное исследование мо-

дельного статуса высказывания сосредоточивается, естественно, на коммуникативных единицах, имеющих предикативную основу.

4. Дифференциация четырех уровней устройства коммуникативной единицы является методическим приемом, позволяющим продемонстрировать, с одной стороны, автономность и системный характер конструктивно-грамматической, пропозиционально-семантической, актуально-информативной и прагматической структур, и, с другой стороны, взаимосвязь средств выражения при функционировании цельного предложения-высказывания в процессе общения. В зависимости от речевой ситуации коммуникации говорящий выбирает из форм реализации предложения-высказывания нужные варианты грамматического, семантического, информативного и прагматического устройств.

5. Совокупность всех вариантов четырех уровней предложения-высказывания составляет понятие парадигмы. Но в то время как синтагматические отношения в структуре языка представляются глазам языковеда, парадигматические отношения как бы скрываются от него (ср. [10: 17–29]). Поэтому в докладе осуществляется попытка раскрыть понятие парадигмы не только на уровне конструктивно-грамматической, но и пропозиционально-семантической, актуально-информативной и прагматической структур и, таким образом, продемонстрировать модельный характер высказывания.

Литература

1. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. Москва, 1977.
2. Белошапкова В. А., Шмельёва Т. В. Деривационная парадигма предложения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. «Филология». 1981. № 2. С. 43–51.
3. Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М., 1977.
4. Всеволодова М. В., Деметьева О. Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложения. М., 1997.
5. Грамматика современного русского литературного языка / Ред. Н. Ю. Шведова. М., 1970.
6. Дьмарский М. Я. Высказывание и коммуникативность // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Ред. А. В. Бондарко. СПб., 2005. С. 292–323.
7. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
8. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
9. Падучева Е. В. Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1984. № 10. С. 25–32.
10. Панов М. В. О парадигматике и синтагматике // Известия академии наук СССР. Сер. лит. и яз. 39. 1980. № 2. С. 128–137.
11. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис / Ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
12. Шмельёва Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1994.

Дискретность и континуальность в свете осмысления этапов текстопорождения

Л. А. Голышкина

Новосибирский государственный технический университет

Ludmila200273@mail.ru

Дискретность, континуальность, селекция, комбинация, коммуникативный регистр речи

Summary. The text-formation consists of stages of selection and combination of text units which reflect such text properties, as a discontinuity and continuity.

1. Текстопорождение стало актуальным объектом изучения еще во времена расцвета античной теории риторики, предлагавшей свою технологию создания текста — риторический канон. За более чем два с половиной тысячелетия изучение процессов текстопорождения, или текстообразования, не потеряло своей привлекательности. Сегодня на знание законов текстообразования претендуют лингвистика текста, неориторика, лингвопрагматика, психолингвистика, когнитология и другие области лингвокоммуникативного знания. Популярным становится сегодня и междисциплинарный синергетический подход к тексту, рассматривающий последний как самоорганизующуюся систему, которая функционирует как «природный объект» и обладает такими свойствами материального, как дискретность и континуальность.

2. Мысль о континуальности и дискретности текстовой природы является концептуальной для теории текста. Об этом свидетельствует устойчивая исследовательская традиция выделять в качестве категориальных свойств текста, с одной стороны, связность и цельность, а с другой — членимость.

Осмысление последней категории сопряжено с поиском адекватной структурной единицы текста прежде всего сверхфразового уровня. Стоит отметить, что сегодня в арсенале лингвистики накоплено немало концепций членения текста, обосновывающих те или иные единицы его структуры. Об этом свидетельствуют работы О. А. Нечаевой, Н. Д. Бурвиковой, С. Г. Ильенко, Г. А. Золотовой, М. Я. Дымарского и других авторов.

3. Текстопорождение базируется на этапах селекции и комбинации текстовых единиц, представляющих собой своеобразные **модели представления действительности**, являющиеся следствием концептуализации и вербализации мира человеком. При этом селекция, с нашей точки зрения, коррелирует с таким свойством текста, как дискретность, а комбинация, соответственно, с континуальностью. Текстобразование начинается уже на этапе селекции сверхфразовых единиц из парадигматического ряда текстовых составляющих. Следующим этапом создания текста является комбинация этих конститутивных единиц, результатом которой становится создание композиционной структуры речевого произведения.

4. Методологической основой данного исследования выступает концепция функционального синтаксиса Г. А. Золотовой, в рамках которой единицей композиции текста признается **коммуникативный регистр речи**. Монологические коммуникативные регистры речи (репродуктивный, информативный, генеритивный и их подвиды) есть определенные способы ментальной и сенсорной фиксации фрагментов картины мира. В том или ином типе речи проявляются разные степени участия сознания индивида в процессе отражения действительности, разные степени абстрагирования говорящего от самой действительности [2]. По сути, процедура регистрового анализа оказывается нацеленной сначала на дискретизацию текстового континуума, а затем на осмысление процедур его создания.

5. С целью рассмотрения механизмов текстообразования мы обратились к тексту Нобелевской лекции (далее НЛ. — Л. Г.) Иосифа Бродского.

Ведущую текстообразующую роль в НЛ И. Бродского играют блоки информативного и генеритивного регистров речи.

(1) Информативный регистр содержит сообщение об известных говорящему явлениях действительности в отвлечении от их конкретно-временной длительности и от пространственной отнесенности к субъекту речи. В информативных блоках могут фиксироваться как узальные, повторяющиеся события и признаки, так и познавательные, квалификативные сведения о свойствах и связях предметов, явлений, абстрактных понятий. В тексте НЛ И. Бродского получает актуализацию особый подтип информативного регистра — информативно-логический, демонстрирующий концептуальное осмысление события, сопровождаемое нередкой оценочной реакцией говорящего.

(2) Генеритивный регистр представляет собой обобщение, осмысление информации, соотнесение ее с жизненным опытом, с универсальными законами мироустройства, с фондом знаний, которое достигается посредством абстрагирования от событийного времени и места. Частотность этого типа речи создает высокую афористичность текста И. Бродского: *Если искусство чему-то и учит (и художника — в первую голову), то именно частности человеческого существования; Язык и, думается, литература — вещи более древние, неизбежные, долговечные, чем любая форма общественной организации* [1: 7–8].

(3) Репродуктивный регистр, ориентированный на воспроизведение событий действительности как непосредственно воспринимаемых говорящим и локализованных в едином с ним хронотопе, в тексте НЛ практически не представлен. Этот тип речи не актуален для данного жанра: выраженное стремление автора обобщить свой философско-эстетический и социальный опыт не требует фиксации происходящего.

(4) Основным текстообразующим принципом формирования НЛ И. Бродского выступает монтаж информативного регистра речи с генеритивным: *...Писатель не может говорить за писателя, особенно — поэт за поэта* (генеритивный); *<...> окажись на этой трибуне Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Роберт Фрост, Анна Ахматова, Уинстон Оден, они невольно бы говорили за самих себя, и, возможно, тоже испытывали бы некоторую неловкость* (информативный) [1: 5]. Взаимодействие текстовых конститuentов показывает важнейшую тенденцию формирования данной НЛ — доминирование именно генеритивного регистра речи. При этом нередко генеритивные высказывания изобилуют средствами выражения эпистемической модальности (*кажется, вероятно, возможно, может быть* и т. п.), что обнажает стремление лауреата вербализовать одно из качеств рефлексивной интеллигенции — сомнение: *Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека всегда можно* [1: 10].

6. Регистровый анализ позволил вскрыть механизмы текстобразования путем осмысления этапов селекции и комбинации текстовых единиц, детерминированных авторской интенциональностью и демонстрирующих такие изоморфные свойства текста, как дискретность и континуальность.

Литература

1. Бродский И. Стихотворения. Таллинн, 1991. С. 5–18.
2. Золотова Г. А., Ошпенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Сравнение в динамической модели языка

Н. М. Девятова

Московский городской педагогический университет

E-mail: Deviatovan@mail.ru

Сравнение, динамическая модель языка, диктумно-модусная структура, реальное и гипотетическое сравнение

Summary. The report examines the dynamic model of Russian comparison and the principles of its organization.

В познавательной деятельности человека важная роль принадлежит сравнению. Сравнивая, человек устанавливает

связи между явлениями — близкими и отдаленными. Результаты сравнительной деятельности находят отражение в

разнообразных сравнительных конструкциях. Сравнительная конструкция представляет реализацию сравнительной модели, в которой различаются объект сравнения (то, что сравнивают), эталон сравнения (то, с чем сравнивают), общий признак сравнения, показатель сравнительного отношения.

В сравнительной конструкции отражается не только сравниваемая действительность, но и сам сравнивающий субъект. Динамическая связь отражаемой действительности и сравнивающего субъекта находит отражение в диктумно-модусной структуре сравнительной конструкции. Диктумно-модусной конструкции выражается такими ее компонентами, как объект, эталон, общий признак сравнения. Выразителем модуса сравнительной конструкции является показатель сравнительного отношения — союз, предлог или особая грамматическая форма.

Изучение системы сравнения как отражение деятельности сравнивающего субъекта определяет взгляд на систему сравнения как систему динамическую. Центр динамической системы составляет сравнивающий субъект. Разнообразие его целей и задач, реализованных в сравнительных конструкциях, объясняет их разнообразие и вариативность. В сравнительных конструкциях варьируются не только компоненты сравнительной модели, но и модальные и модусные значения.

Модальное значение противопоставляет два класса сравнительных конструкций — конструкции реального и гипотетического сравнения. Ср.:

Слушал музыку, не понимая, / Как ветер слушают, или волну (Г. Иванов) — реальная модальность.

На голых, обледенелых ветвях берез сидели звезды, как будто бы сам Бог внимательной рукой украсил деревья (А. Куприн) — гипотетическая модальность.

Реальная модальность реализуется конструкциями с показателями реальной модальности — в конструкциях с союзами *как, подобно тому как* (и другими грамматическими вариантами), в конструкциях со сравнительными предикатами *быть похожим, смахивать, напоминать* и выражается при помощи вневременного значения, узуально-процессуального или качественно-характеризующего, а также актуального значения. Гипотетическая модальность выражается в конструкциях с модальными союзами *будто, как будто, точно, словно* с опорой на имперфективно-фактическое видо-временное значение.

В рамках гипотетического сравнения противопоставляется модальность возможности, выражаемая с опорой на союз *как если бы* и модальность невозможности, характеризующая конструкции с другими модальными союзами. Например:

Любовь к мужчине, бывает, застит весь свет, как если взять кусок пирога и поднести его к самым глазам. Глаза съедутся к носу, все сойдется в одной точке — и уже ничего, кроме пирога не увидишь (В. Токарева).

Монахов вспомнил все, сразу, весь вечер, словно все, что в нем было, произошло не последовательно, а одновременно, в одной плоскости (А. Битов).

В рамках сравнения разные аспекты сравнительной деятельности объясняют варьирование таких компонентов сравнительной конструкции, как объект и эталон сравнения, общий признак сравнения.

В выборе объектов сравнения отражается познавательная установка сравнивающего субъекта. Характер соотносимых объектов является классификационным признаком, на основании которого различают сравнение логическое, образное, модальное. Сравнивая объекты одного онтологического класса, сравнивающий субъект устанавливает тождество объектов относительно избранного признака и выражает результат сравнительной деятельности посредством логического сравнения. Сравнивая объекты разных онтологических классов, сравнивающий субъект дает образную характеристику объекту сравнения и реализует операцию сравнения в виде образного сравнения. В модальном сравнении представлено сравнение признака объекта с нормой его проявления. Например:

Левитан, так же как Пушкин, Тютчев и многие другие, ждал осени как самого дорогого и мимолетного времени года (К. Паустовский). — логическое сравнение.

Ему показалось вдруг, что черная туча заслонила небо, что налетел какой-то вихрь и смыл всю жизнь, как страшный вал смывает пристань (М. Булгаков) — образное сравнение.

Как всегда бывает белой ночью, лица девушек казались бледными от волнений, печальными и красивыми (К. Паустовский).

Варьирование такого компонента сравнительной модели, как признак сравнения, объясняет различия в значении сравнительных конструкций реального сравнения.

Отличие конструкций с союзом *как* от конструкций с *подобно* (и его грамматических вариантов) объясняется тем, что *как*-конструкция производит сравнение на основании разных признаков — как составляющих сущностные характеристики объектов сравнения, так и случайных, в то время как конструкции с *подобно* сравнивают объекты на основании сущностных характеристик.

Отличие моделей с предикатом *быть похожим* составляет сравнение объектов на основании достаточного количества признаков, которое мыслится больше, чем один, тогда как *как*-сравнение может ограничиваться одним признаком.

Различие моделей со сравнительными предикатами *быть похожим* и *смахивать* объясняется наличием оценочного значения у модели с предикатом *смахивать*, а также разной временной ориентацией разных компонентов сравнительного значения.

Конструкции с предлогом *вроде* сопоставляют объекты сравнения на основании приблизительного признака.

В рамках сравнительной системы различаются конструкции, представляющие реализации разных концептов — концептов сходства и подобия. Концепт подобия реализуется в сравнительных конструкциях со сравнительными показателями подобия. Концепт сходства реализуется разными синтаксическими структурами, в том числе особым сравнительным предикатом *сходство*. Предикат *сходство* не только обобщает внешние признаки, но и затрагивает более существенные признаки объекта: привычки, манеры и т. п. Конструкции с предикатом *сходство* занимают промежуточное положение между похожестью и подобием. Предикат *сходство* выявляет более важные характеристики объектов, нежели предикат *похож*, однако *сходство* не поднимается до выявления сущности явления.

Об одном структурно-семантическом варианте безличного предложения в русском языке

М. В. Дегтярева

Московский государственный областной университет

nathalik@mail.ru

Аналитическая форма, грамматическая форма безличного предложения, модальность предиката, безлично-предикативные слова

Summary. The structure sorts of main basic member of single impersonal sentence are observed in this paper.

1. Многообразие структурно-семантических вариантов односоставного безличного предложения наглядно представляет особые «способы обнаружения мышления в слове» [5: 19]. Продуктивность этого типа простого предложения имеет морфологической опорой не только сложную и богатую систему безличных глаголов-омонимов, отходящих от личных форм, и личных глаголов в безличном значении, но и безличные формы предикатива, безличные формы крат-

ких страдательных причастий, тяготеющих к категории предикативов, предложно-падежные формы существительных — многообразные фразеологизмы и фразеосхемы, входящие в аналитические безличные конструкции: *Стеля стихов злчѣные рогожи, Мне хочется вам нежное сказать* (С. Есенин); *Боже, как вралось ради мамы* (Г. Щербакова); *Когда настанет расставаться — Тогда слетает мишура* (Д. Самойлов); *С галереи плеснуло смешком, а Бен-*

гальский вздрогнул и выпучил глаза (М. Булгаков); *Правды надо держаться — истину надо искать* (М. Пришвин); *В комнате было жарко натоплено и накурено* (Б. Пастернак); [Черкун] *Ну, здесь не место кричать...* (М. Горький); *Мне по крайности вначале Днем соваться не с руки* (А. Твардовский).

2. Компонентами грамматической формы всех структурно-семантических вариантов безличных предложений являются грамматическая бессубъектность («бесподлежащий» тип «предложений, в которых подлежащее устранено не только из речи, но из мысли» [4: 316]) и форма безличности, представленная формантами *-ет, -ит, -ло (бы)* безличных глаголов, безличных форм личных глаголов и глаголов-связок (*было / будет / было (бы) весело, стало (бы) / станет весело*), «безличным *-ся*» возвратно-безличных глаголов, а также нулевой формой «идеальной» связки *быть*, совмещающей грамматические значения настоящего времени изъявительного наклонения с грамматическим значением безличности [3: 105].

3. Среди многообразных аналитических форм главного члена безличного предложения, в частности, аналитических конструкций, включающих инфинитив и вспомогательные безличные — синтетические или аналитические — компоненты, различные по своей морфологической природе и модальной семантике; ср: [Великотов] *Кому же в голову придет актрису грамматику учить* (А. Н. Островский). *Вот квартира, и даже не заперто. Нас хватило добраться хоть замертво!* (Г. Семёнов); *Неимоверных усилий стоило Николке разбудить Мышлаевского* (М. Булгаков), особое положение занимают безлично-инфинитивные конструкции со связочными формами безлично-предикативных слов типа *лень, пора, время, грех, досада, срам, стыд, утеха, охота* и др.: *Время ли разгуливать?* (Б. Пастернак); — *Срам смотреть, как выезжаете со двора на бурой кобыле: точно нищие!* (И. Гончаров); *Однако пора кофе пить* (И. Тургенев). В. В. Виноградов, отмечая распространение в русском языке «нового типа слов и форм в категории состояния», связывал «грамматическое перерождение» формы именительного падежа существительных «качественной характеристики», ее «сближение по своим функциям с безлично-предикативными словами» с регулярным употреблением последних в сочетании со связкой *быть* [1: 417–418]. Связка *быть* в безличной форме (и нулевая форма) является грамматическим показателем значения безличности: *За две недели не упало ни капли дождя, а хлебом было время зреть* (А. Н. Толстой); *Уже и милиционер отвалил, исполнив свой же завет: «Всем драпать пора»* (Г. Владимов); *Из Веймарна к нему приехать / Мне нравилось в рассветный час, / Когда, казалось мне, утеха / Искать в траве росы алмаз* (И. Северянин). Грамматическая «метаморфоза» существительных — утрата предметного значения и морфологических категорий падежа, числа и рода — обуславливает и семантическое перерождение этих слов: они пополняют корпус аналитических модально-субстантивных компонентов, выражающих разнообразные модальные значения (морально-этическая оценка действия *грех, стыд, смех, каторга, мука* и др., возможность, долженствование, необходи-

мость действия *пора, время*) — «модальность, включенную в форму предиката» [2: 67].

4. Представленные субстантивные формы переходного разряда, выражающие модальную оценку действия, утрачивают и одновременно сохраняют связь с существительными. Последнее проявляется, во-первых, в «согласовании» в роде некоторых утративших предметность субстантивных форм, омонимичных существительным мужского и женского рода, со связкой *быть*, с глаголами *прийти / приходиться, наступить / наступать, настать / настывать* и др. в структуре безличного предложения переходного типа для передачи «генеральных» — возможность, желательность, необходимость — и «узких» (определение П. А. Леканта [3: 110]) модальных оценок действия — своевременность / несвоевременность, долженствование, естественность / неестественность, предосудительность и др.: *Эта постель представляла собой бесформенный некрасивый ком, почти такой же, какой торчал на голове Савелия всегда, когда тому приходила мысль мастиль свои волосы* (А. Чехов); *Трава борец — сердитое зелье. Без нужды — обойди стороной, а пришла нужда собирать — надень рукавицы* (М. Семенова); *Много позже, когда нам с Яруном настала пора вспоминать свое путешествие — оказалось... оба ждали: вот стихнет метель, и другой, глядя в землю, тихоно скажет — вернемся* (М. Семенова); *Он знал, настал черед мечтать по креслу, мучиться от стыда и думать о Петербурге* (А. Н. Толстой); *Ему сразу захотелось уйти в отрыв — охота была тратить время на цирлихи-манирлихи* (Б. Акунин). Во-вторых, исходные частеречные морфологические признаки отдельных модально-субстантивных форм и стремление выразить тончайшие эмоциональные оттенки проявляются в особенностях их сочетания с оценочными согласованными определениями; ср.: *Невелика честь домучить израненного врага...* (М. Семенова); *Я думаю, невелик был стыд заболеть* (М. Семенова); *Самая пора, кажется, рассказать про злую березу и про то, почему наш род ушел с берега моря* (М. Семенова); *Жуть одна с тобой говорит* (разг. речь). Данные конструкции, по выражению В. В. Виноградова, свидетельствуют об «идиоматичности части лексического материала, подводимого под категорию состояния», о представлении безличных форм в современном языке как «категории живой и продуктивной», о «колебании, смешении и взаимодействии форм безличного употребления» [1: 421, 463].

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
2. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
3. Лекант П. А. О грамматической форме безличного предложения в русском языке // Проблемы изучения односоставных предложений: Коллективная монография. М., 2005.
4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
5. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М., 2001.

К проблеме модели синтаксического описания

М. Я. Дымарский

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

dym2005@list.ru

Синтаксис русского языка, коммуникативность, высказывание, предложение

Summary. A new model of the description of Russian syntax based on principally new understanding of communicativity is proposed.

Сегодня нет недостатка в обобщенных описаниях синтаксического строя русского языка, в особенности если учитывать не только работы второй половины XX в., но и классические труды А. А. Шахматова и А. М. Пешковского. Однако нет и удовлетворенности существующими описаниями — несмотря на известные неоспоримые достоинства многих из них.

Одна из причин неудовлетворенности — отсутствие ясности в базовых положениях, на которых строится все здание описания синтаксического строя, и отсутствие целостной модели последнего, без которой и описание его вряд ли

может нести черты целостности. Достаточно сказать, что даже в известной работе Г. А. Золотовой, Н. К. Ониненко и М. Ю. Сидоровой, которая называется «Коммуникативная грамматика русского языка», определяющее свойство высказывания — коммуникативность — не охарактеризовано и не раскрыто; читатель (как и во всех других случаях) должен опираться лишь на самое общее представление о том, что коммуникативность есть способность служить единицей (со)общения. Что же касается отсутствия целостной модели синтаксического строя, то недаром Н. Д. Арутюнова пишет о совмещении в синтаксисе «двух самостоятельных,

внутренне не объединенных разделов: учения о сочетательных потенциях слова и учения о предложении» (ЛЭС).

Между тем изучение коммуникативности с опорой на материал коммуникативных неудач приводит к довольно неожиданному заключению: существуют условия, несоблюдение которых лишает этого свойства даже абсолютно правильные и полные высказывания. Эти условия столь важны, что представляется целесообразным ввести их в онтологическую интерпретацию коммуникативности. Тогда приходим к пониманию коммуникативности как **свойства высказывания служить единицей общения, обеспечиваемого соотносительностью коммуникативной интенции и вещественного содержания высказывания с базовыми параметрами коммуникативной ситуации.**

Очевидно, что такое понимание коммуникативности ведет к пересмотру взаимоотношений этого свойства и ведущей грамматической категории предложения — предикативности. Глубинная связь этих категорий, осознававшаяся и раньше (но, скорее, интуитивно — вследствие чего ее не столько раскрывали, сколько декларировали), получает существенно более ясное осмысление. Однако эта ясность влечет за собой перемещение акцентов: в центр синтаксического описания вместо предложения (как формально-грамматической единицы) выдвигается высказывание — как единица коммуникативная.

Такое смещение акцентов не умаляет ни роли предложения как центральной единицы синтаксического строя языка, ни, разумеется, роли предикативности в его организации. Однако оно диктует иную модель синтаксического описания. В его центре — типология высказываний по признаку способа и характера реализации в них качества коммуникативности. Основу типологии составляет оппозиция двух

базовых типов: «междометных» и «предикативных» высказываний (термины условные). Таким образом многочисленные факты, составляющие заметную долю речевой продукции любого говорящего (*Ну, вот тебе и на...; Ага, как же...; Вот еще!* и мн. под.), не исключаются из синтаксического описания (что неизбежно при ориентации на категорию предложения), а занимают в нем определенное место.

Предложение (грамматическая модель) рассматривается как основа «предикативного» высказывания. Способы реализации коммуникативности подразделяются на **досистемные** (в «междометных» высказываниях), **системные** (предикативная структура) и **сверхсистемные** (актуальное членение, отдельные виды обособления, вводность, эллипсис, обращения, парцелляция). При рассмотрении системных средств реализации коммуникативности вводятся понятия семантической структуры предложения и тесно связанного с ней распространения базовой конструкции, типов синтаксических связей, моделей словосочетаний как средств, с помощью которых осуществляется распространение и реализуется желаемая семантическая структура, и т. д. В идеале такое построение описания должно вести к преодолению разобщенности крупных блоков, возникающей при аспектном описании предложения (структурный, семантический и коммуникативный аспекты).

Синтаксис русского языка представляет собой сложнейшую систему, внутренние связи которой изучены отнюдь не до конца. Предлагаемая модель (описания) синтаксического строя русского языка, обрисованная здесь лишь в самых общих чертах, безусловно, далека от искомого идеала стройности и целостности; однако движение в этом направлении представляется не только необходимым, но и возможным.

Семантико-синтаксические трансформации: лингвокогнитивный аспект

Е. Г. Жидкова

Казахская академия транспорта и коммуникаций имени М. Тынышпаева (Алматы, Казахстан)

Zhidkova_elena85@mail.ru

Семантико-синтаксическая трансформация, многозначность, синтагматическое членение, парадигма

Summary. Some cognitive aspects of transformations are analysed in the paper. Attention is paid to semantic and syntactical peculiarities of converted expressions. Transformational processes are examined as discursive activities.

1. Проблемы, связанные с семантико-синтаксическими трансформациями, относятся к неразработанным областям русского языкознания. Понятие трансформации чаще всего связывалось с изменениями в формальной структуре языковых единиц. В настоящее время на первый план выходит семантический аспект. Современная лингвистика приобрела новый облик, характеризующийся общей направленностью на исследование языка как репрезентанта знаний человека о мире. Под влиянием новых общенаучных и собственно лингвистических принципов, прежде всего принципов антропоцентризма и неофункционализма, изменились парадигмы исследования, лингвисты уделяют больше внимания рассмотрению языка как манипулятора поведением и сознанием социума и, в то же время, пытаются изучить механизмы манипулирования самим языком. Ведущими становятся когнитивно ориентированные и лингвопрагматические отрасли гуманитарного знания. Система знаний и употреблений делает актуальным и важным изучение использования языка с целью достижения какого-то прагматического эффекта. Одним из таких эффектов является обыгрывание языковых единиц с намерением столкнуть в пределах одной единицы неожиданные смыслы, результатом чего является возникновение семантико-синтаксических трансформаций. Семантико-синтаксическая трансформация — процесс преобразования смысла путем реорганизации синтаксических единиц, а также результат этого процесса.

2. **Семантические особенности трансформируемых единиц.** Семантический аспект является одним из важнейших при рассмотрении проблем семантико-синтаксических трансформаций. Семантические процессы накладываются на процессы синтаксические, что позволяет высказыванию не просто изменить свой синтаксический статус; в нем полностью трансформируется смысл. В основе смысловых ассоциаций, широко используемых при актуализации определенных семантических компонентов дискурсивных единиц, лежит явление семантической деривации. В научной литературе ис-

следование семантической деривации чаще всего проводится с опорой на лексическое значение слова, его многозначность (см. [1: 73–115]), которая служит основой для различного рода трансформаций.

Тем не менее, сложный механизм семантической деривации, порождающей всевозможные смысловые ассоциации, требует таких лингвистических объяснений, в которых учитывалась бы способность слов входить в парадигматические отношения как на уровне семантики и морфологии, так и синтаксиса.

3. **Семантико-синтаксические трансформации и синтагматическое членение.** Трансформации, протекающие внутри предложений, возможны благодаря способности одной части предложения вступать в синтаксические и логико-смысловые отношения с другими частями того же предложения, причем не с одной из его частей, а с несколькими одновременно. Такая разнонаправленность частей предложения, особенности синтагматического членения способствуют реализации парадигматических отношений (имеются в виду смысловые парадигмы). В этом случае смысл высказывания зависит от того, каким образом реципиент распределяет отношения между словами и сочетаниями. Возможность различных семантических записей предоставляет предложению возможность иметь несколько смыслов, которые вступают в парадигматические отношения.

Например, предложение *Шуба с капюшоном до колена* может иметь два смысла. Первый из них логичен и выявляется следующим образом:

[(Шуба с капюшоном) до колена]

а) 'существуют шубы с капюшонами'

б) 'такие шубы имеют длину до колена'.

Второй способ отражает смысл, заключающийся в себе сознательное положение вещей:

[Шуба (с капюшоном до колена)]

а) 'существует капюшон до колена'

б) 'шуба с таким капюшоном'.

Мерцание двух смыслов является результатом семантико-синтаксических трансформаций.

4. **Парадигма предложения как источник трансформаций.** Одной из причин возникновения семантико-синтаксических трансформаций является способность предложений вступать в парадигматические отношения. В данном случае речь идет о парадигме предложения в широком понимании данного термина, когда в парадигму предложения включаются словосочетания, сложные предложения, части сложного предложения, а также номинализации [2].

Причиной смысловых ассоциаций является наложение — явление, при котором одни значения (область семантики) и парадигмы (область синтаксиса) накладываются на другие значения и на другие парадигмы. Наложение бывает двух типов: 1) когда парадигма предложения накладывается на номинализацию (как результат синтаксической трансформации) и 2) когда одна парадигма накладывается на другую парадигму. В первом случае семантико-синтаксическая трансформация возможна в силу того, что в определенном контексте синтаксическая единица может выполнять две функции: обозначать одно из явлений действительности и одновременно вступать в парадигматические отношения. В результате эта единица, с одной стороны, результат процесса, а с другой, — сам процесс (например, номинализация *перелом*). Второй случай отражает трансформации, при ко-

торых одно действие накладывается на другое, и является более типичным.

5. Изучение семантико-синтаксических трансформаций, причин их возникновения является приоритетным в современной науке о языке, направленной на рассмотрение когнитивных способностей человека. Трансформационные процессы в данном аспекте рассматриваются как речемыслительная (или дискурсивная) деятельность, при которой в сознании говорящего происходит взаимодействие различных семантических феноменов, начиная от наложения разных семантических структур, которые на языковом уровне проявляются в способности языковых единиц вступать в парадигматические отношения (явления многозначности, омонимии), кончая логико-смысловым преобразованием исходного смысла. Такие семантические феномены отражаются в речевой деятельности благодаря особенностям функционирования языка в речи и, главным образом, благодаря синтаксическим особенностям русского языка.

Литература

1. *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
2. *Ли В. С.* О семантико-синтаксической парадигме языковых единиц. // Филология: вчера, сегодня, завтра. Сборник научных трудов памяти Е. А. Седельникова. Павлодар, 2008. С. 225–232.

Семантика предиката как фактор реализации творительного падежа в стихийной конструкции: глаголы *испортить* и *повредить*

Р. А. Зорин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

zorin-ra@mail.ru

Творительный падеж, стихийная конструкция, семантика предиката, испортить, повредить

Summary. These are devoted to the problem of finding such semantic components of the predicate, which predetermine the ability of the instrumental case form to appear in impersonal constructions of type *Лодку унесло ветром* ('The boat was taken away by the wind'). In the view of this problem two predicates are considered: *испортить* ('spoil') and *повредить* ('cause damage').

1. Объектом исследования является форма тв. п. в стихийных конструкциях (СК) вида *Лодку унесло ветром*. Задача состоит в выявлении семантических компонентов предиката, влияющих на реализацию тв. п. в СК (= реализацию СК).

В тезисах рассматриваются предикаты *испортить* и *повредить*. Согласно нашей языковой интуиции, подтверждаемой некоторыми информантами, глаголы различаются способностью образовывать СК, ср.:

- (1) а. *Проселочную дорогу испортил осенний дождь.*
б. ^{??*}*Проселочную дорогу испортило осенним дождем.*
- (2) а. *Он шел, опираясь на палку: ногу ему слегка повредил бетонный осколок*
б. *Он шел, опираясь на палку: ногу ему слегка повредило бетонным осколком* [модифицированный пример из МАСа, где для глагола *повредить*, в отличие от *испортить*, выделяется отдельное — безличное — употребление]

Данная интуиция подтверждается материалами Рунета. Для каждого глагола были заданы запросы на точную фразу вида «испортило дождем», при этом для запроса выбирались такие ИГ, которые были бы наиболее частотны в коррелирующих личных конструкциях (ЛК) (частотность определялась по запросу «дождь испортил»). В итоге оказалось, что из 100% найденных для обоих глаголов СК доля СК с *повредить* составляет 85.08%, а с *испортить* — всего 14.92%. Процентное соотношение ЛК и СК с испортить еще более показательно: из 100% найденных ЛК и СК доля ЛК составляет 93.10%, доля СК — всего 6.90%.

Наличие грамматичной конструкции (3) *Проселочную дорогу размыло осенним дождем* доказывает, что причина сомнительности СК в (1) не в семантике ИГ — и в (3), и в (1) ИГ идентичны — но в самом глаголе *испортить*.

Повредить семантически максимально близок к *испортить*, но при этом способен образовывать грамматичную СК. Тем самым, сформулировав семантические различия между глаголами, мы автоматически определим факторы, влияющие на реализацию СК.

2. Согласно МАС, *испортить* имеет несколько значений. Нас будет интересовать первое: 'привести в негодность, в не-

исправное состояние; причинить повреждения'. Компонент 'привести в негодность / в неисправное состояние' специфицирует объект как имеющий определенные функции и онтологически предназначенный для использования / эксплуатации человеком. Анализ контекстов из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) показал, что среди таких объектов фигурируют инструменты и приспособления (*испортить пилу*), здания и сооружения (*испортить мост*), еда и напитки (*испортить молоко*).

Однако а) в качестве объекта могут выступать сущности, онтологически не предназначенные для использования человеком: это сущности культурно-эстетического характера (*испортить памятник / картину / прическу*), природные объекты (*испортить дерево / куст*); б) даже в случае объектов первой группы не всякая порча ведет к неисправности: поврежденное лобовое стекло автомобиля хотя и может квалифицироваться как испорченное, не приходит автоматически в негодность.

Толкование для *испортить I*: 'X воздействовал на Y, в результате чего свойства Y-а изменились; изменения неблагоприятны для Y-а'.

3. В МАС толкование *повредить* имеет сходную с *испортить* формулировку, ср.: *повредить 2* — 'нарушить целостность, исправное состояние чего-л., испортить'. *Повредить* употребим с объектами как из первой, так и из второй группы, ср. *повредить деталь / памятник архитектуры*. В итоге мы экстраполируем значение *испортить* и на *повредить*: данная семантика признается инвариантной.

Повредить накладывает ограничение на тип объекта. Из разряда предметных имен *повредить* не может употребляться с пространственными именами типа *улица, площадь, проспект*, ср.: *Проспект был окончательно испорчен (*поврежден) новой стройкой*. Тем самым *повредить* требует, так сказать, более материальных, конкретных предметных имен.

Кроме того, объектом при *повредить* не может быть жидкость (ср.: **повредить молоко / квас / сок* при возможности *испортить молоко / квас / сок*) или сыпучее вещество (ср.: **повредить (стиральный) порошок / сахар / соль* при допустимости *Вода залила кладовую, испортив порошок / сахар /*

соль). Однако, если вещество достаточно жесткое / плотное, сочетания с *повредить* возможны, ср.: *повредить древесину / ткань мозга*. Тем самым *повредить* требует имен **материальных объектов, имеющих жесткую / плотную структуру**.

Все остальные предметные имена с *повредить* засвидетельствованы.

Повредить также ограничивает тип результата, к которому приводит воздействие: анализ контекстов НКРЯ показал, что это может быть утрата целостности объекта (*Осколок повредил ему ногу*), деформация (*Машина повреждена: кузов и бампер сплюснены*), нанесение объекту царапин (*Диск может повредить любая царапина*), смещение составных частей объекта (*Резко повернув ключ, он сломал замок*). Обобщая, можно сказать, что это **нарушение физического строения объекта**.

Наличие данной семантики верифицируется неуместностью *повредить* в таких случаях, когда нарушение строения объекта не предполагается. Это может быть изменение внешнего вида объекта, ср.: *Неудачно подобранный цвет*

*может испортить (*повредить) фасад дома*: неприемлемость *повредить* связана с тем, что изменение цвета дома не предполагает утрату его целостности; ср. также *Скатерть была залита вином и безнадежно испорчена (*повреждена)*: пятно не предполагает утраты целостности скатерти.

Толкование для *повредить* 2: 'X воздействовал на Y, являющийся **материальным объектом жесткой / плотной структуры**, в результате чего (1) Y *перестал иметь исходное физическое строение*; (2) свойства Y-а изменились; изменения неблагоприятны для Y-а.'

4. Компоненты толкования, выделенные курсивом, указывают на **таксономию объекта**, а также **тип результата** воздействия (т. е. для *повредить* характерна большая, чем для *испортить*, конкретность результата). Тогда неспецифицированность типа результата и таксономии объекта **ограничивает** образование СК для *испортить*; специфицированность типа результата и таксономии объекта становится **условием успешной реализации** СК для *повредить*. Ни тип результата, ни таксономия объекта не фигурировали в литературе в качестве факторов, влияющих на реализацию СК.

Утверждение и отрицание в условиях гипотетической модальности

А. А. Калинина

Марийский государственный университет (Йошкар-Ола)

kalinina.07@inbox.ru

Категория утверждения / отрицания, модальность предположения, градация в сфере отношений утверждения / отрицания

Summary. The paper reviews the correlation of affirmation and negation in the semantic structure of the statements that have indicators of hypothetical modality. It defines the position of the given type of construction on the semantic axis "affirmation / negation".

Предположительность — одно из значений субъективной (в терминах последних лет — эпистемической) модальности. Предложения, включающие показатели предположительной модальности, содержат сообщения, основу которых составляет вероятностно-гипотетическое знание. В условиях гипотетичности предметом обсуждения является вероятность бытия или небытия объекта в мире действительности, что сопряжено со взвешиванием альтернатив *P* / не-*P*. В предположительных высказываниях говорящий высказывает мнение об эпистемической возможности одной из альтернатив. Ср.: *Быть может, чувствий пыл старинный им на минуту овладел...* (А. Пушкин); *Он нашел работу, где неплохо платили... встретил будущую жену и, кажется, полюбил ее, что ли...* (Т. Устинова).

«Пропозиция, высказанная в качестве гипотезы» (Е. В. Падучева), лишена статуса достоверности. В теории речевых актов гипотеза рассматривается как самостоятельный речевой акт, противопоставляемый утверждению.

Утверждение / отрицание, осуществляющееся при активном смысловом взаимодействии с модальностью предположения (субъективной модальностью), — категория модального плана высказывания. В составе высказываний-гипотез категория утверждения / отрицания участвует в соотношении высказываемого с действительностью, мыслимого с реальным.

Утверждение или отрицание, реализующееся в составе предположительных высказываний (ср.: *Он, может быть, согласится на это предложение — Он, вероятно, не согласится на это предложение*), имеет существенные отличия от утверждения или отрицания, высказываемого в предложениях-констатациях, ср.: *Он согласится на это предложение. — Он не согласится на это предложение*. Следует иметь в виду, что при выражении предположения имеет место принципиально иная семантическая структура высказывания, тип мысли и тип речевого акта.

Предположение — тип умозрительной мыслительной операции, основанной на логическом выводе. В предложениях, отображающих «мир идей», грамматически утверждаемое или отрицаемое становится объектом модальной оценки в плане степени его соответствия реальной действительности. Маркеры предположительности (вводно-модальные слова и модальные частицы, относимые к разряду показателей недостоверности) свидетельствуют о неполной уверенности говорящего в реальности высказываемого.

Вероятностная оценка неизбежно затрагивает возможность обеих альтернатив: наряду с возможностью эксплицитно выраженной альтернативы и параллельно с ней ос-

мысливается возможность обратного. Противоположная пропозиция содержится в семантике высказываемого в качестве имплицитного сознания: *Он, может быть, согласится на это предложение (а может быть, не согласится)*; *Он, наверное, не согласится на это предложение (а может быть, и согласится)*. Этим обуславливается семантическая двойственность высказываний, содержащих маркеры предположительности, в плане их утвердительности / отрицательности: *Он, может быть, (не) придет* = 'может быть, придет, может быть, не придет'.

В семантике гипотетического высказывания утверждение и отрицание уже не отменяют друг друга, а как бы сосуществуют (совмещены). Оценка изображаемого как вероятного означает, что в реальной действительности оно может быть, а может и не быть. Это накладывает отпечаток на соотношение утверждения и отрицания в семантической структуре высказывания: ни одна из альтернатив не рассматривается в качестве единственно возможной, противоположная альтернатива не исключается, а допускается как более или менее вероятная: *Он, может быть, согласится* = 'возможно, согласится, но не исключено, что не согласится'. В результате проблема бытия / небытия обозначенного в предложении явления в мире объективной действительности остается до конца не разрешенной, границы между утверждением и отрицанием утрачивают четкость, оказываются размытыми.

Указанные особенности предопределяют место предположительных высказываний на семантической оси «утверждение / отрицание». Предложения с маркерами предположительности располагаются на смысловом отрезке между утверждением и отрицанием. Широко известна концепция О. Есперсена, установившего тройственное деление «утверждение — сомнение — отрицание». В данной системе сомнение выступает в качестве связующего звена между полярно противопоставленными значениями утверждения и отрицания.

В условиях предположительной (гипотетической) модальности степень силы высказываемого утверждения или отрицания не достигает степени полноты и силы нейтрального или же «решительного» утверждения и отрицания. По аналогии с понятиями «слабое предположение» и «сильное предположение», используемыми А. М. Пешковским, для описания сферы смыслов утверждения и отрицания, реализуемого в рамках предположительной модальности, мы прибегаем к понятию «слабое» (= модально ослабленное) утверждение и отрицание.

Слабое, «нерешительное» утверждение и отрицание противопоставлены как нейтральному, так и категорическому

(«сильному», «решительному») утверждению и отрицанию. Нейтральное (= полное) утверждение и отрицание имеет место в предложениях-констатациях, репрезентирующих факт наличия или отсутствия чего-либо в объективной действительности. Категорическое, усиленное утверждение и отрицание реализуется в предложениях, содержащих показатели уверенности типа *конечно*, ср.: *Я в деле собственном моем, конечно, не судья* (Н. Некрасов). В результате в системе отношений утверждения / отрицания устанавливается трехчленная оппозиция: «нейтральное (полное) — ослабленное — усиленное утверждение и отрицание».

В системе средств выражения ослабленного утверждения / отрицания в зависимости от способа представления этих значений могут быть противопоставлены прямо-предположительные (содержащие собственно предположение) и обратно-предположительные (закрывающие в себе сомне-

ние) высказывания. При высказывании сомнения (*вряд ли Р, едва ли Р*) говорящий расценивает эксплицитно выраженную позитивную альтернативу как маловероятную, что обуславливает высокую степень вероятности обратного («скорее всего не-Р»): *Он вряд ли согласится на это предложение* («скорее всего не согласится»).

Форма гипотетического высказывания может быть использована для выражения полного, сопряженного с уверенностью утверждения или отрицания. Так, высказывания-сомнения в контексте иронии могут функционировать в качестве средства обратной констатации, ср.: *Но даже самый горячий поклонник Сары вряд ли станет утверждать, что она — красавица: неправильные черты лица, «выдающийся» нос* («Вечерний клуб», № 2, 2006 г.), где в форме «предположения обратного» фактически содержится уверенная констатация обратного: «разумеется, не станет...»

О прагматическом принципе приоритета: «имплицитные» модели в художественном тексте

Г. В. Ким

Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

artyom5552002@yahoo.com, klm008@mail.ru

Прагматический принцип приоритета, «имплицитные» структуры, подтекст, реплика-акция, реплика-реакция

Summary. The report shows the presentation of the “pragmatic principle of priority” for analyzing some implicit models including the maximum compressive sense of under-text in the artistic structure of A. P. Tchekhov’s plays.

Исследование текста с учетом антропоцентрического фактора предполагает решение вопроса о его восприятии по определенным ориентирам. Наиболее эффективным анализом художественного текста с точки зрения его порождения и понимания представляется «прагматический «принцип приоритета», механизм которого «выделяет, усиливает коммуникативно значимые компоненты смысла в процессе речевой деятельности. Именно экспликация этого принципа позволяет автору донести до читателя необходимую информацию, свою коммуникативную интенцию. С позиции прагматического «принципа приоритета» важно, в какой степени устройство языковых фактов детерминировано основными стратегиями автора.

Прагматический эффект текста, его экспрессия рассматриваются как «производная величина», возникающая за счет сложной комбинации разных конститuentов текста, особенно средств синтаксического уровня. В художественном тексте языковые единицы получают образно-эстетическое осмысление. В нем являются собственно речевые и семантические связи, эксплицируя подтекст повествования, внутренний смысл текста, выводящий на поверхностный уровень интенции автора и персонажа.

Подтекст как «подводное течение» проходит через всю смысловую структуру текста, а его «всплески» выходят на поверхность внешнего текста в виде компонентов, актуализаторов подтекста, выражающих основные субсмыслы произведения. Именно с помощью «выдвижения» средств языка можно декодировать подтекст, «иерархию образов, идей и эффект чувств». Единица любого языкового уровня, поддерживая подтекстовое значение, способна обогащаться новыми оттенками, связанными с этапами развития сюжета, погружая читателя в атмосферу психологических ассоциаций, «отголосков и смысловых переключек», из которых рождается подтекст. Он непрерывно течет «под словами текста», все время «оправдывая и оживляя их».

Имплицитный, глубинный смысл может выходить на внешний текст и быть эксплицитным. Эксплицированный подтекст проявляется непосредственно из вербальных языковых средств, лежащих на поверхности текста.

В современной лингвистической парадигме в качестве формальной экспликации связи отдельных реплик диалога предлагается термин «иллокутивное вынуждение» — одна реплика иллокутивно вынуждает другую (или другой речевой акт). Сама внутренняя форма этого термина подчеркивает основную особенность диалога — динамический характер речевого взаимодействия, формирующий общие законы функционирования художественного диалога.

В художественном диалоге «психологическая вынужденность» нередко вызывает появление «имплицитной» конструкции, обусловленной ситуацией общения, назначением реакции (по Л. П. Якубинскому) — ответной реплики. диа-

лога, несут в ней заданную автором экспрессивно-стилистическую функцию, являясь реакцией и выражая независимый речевой акт с оценкой внутреннего и душевного состояния персонажа.

В пьесах А. А. Чехова «Дядя Ваня», «Три сестры» оценочные высказывания, реплики-реакции типа *Это ужасно, Это нехорошо, Это нелепо, Это страшно* и т. п. разлиты на смысловом пространстве текста, актуализируя эксплицитно «имплицитные» структуры, как сигналы позиции автора и персонажа, их мироощущения как вербально «указующий жест», как «ядерный элемент оценочной ситуации».

Авторская идея передается через диалог, выражается через речевое поведение действующих лиц: речевые факты, которые «вводятся» художником представлены на основе прагматического «принципа приоритета» и мотивируют концептуальную значимость «имплицитных» моделей в смысловой структуре пьес А. П. Чехова и пользуются драматургом в двух аспектах: в плане света и в плане тени (в репликах положительных и отрицательных персонажей). Создается такое соположение реплик, когда речевые отношения становятся определителями, источниками, появляющихся в сознании по поводу самих переживаний: реплика-акция (по Л. П. Якубинскому) вызывает необходимость появления оценочной реплики-реакции, по-чеховски лаконичной и емкой. Синтаксическая имплицитность ее состоит в том, что компоненты (смысловые и грамматические) акции не повторяются в реакции — «экономия языковых средств», так необходимая в посредственной речи (термин Л. П. Якубинского), вмещающим и семантическим элементом выступает в «имплицитной» конструкции местоимение *это* как «указующий жест», как оценивающая «отсылка» к предшествующей реплике.

Такие реплики в современной теории диалога называются иллокутивно вынуждающей и иллокутивно вынуждаемый.

Реплики-реакции *Это ужасно, Это неприятно, Это страшно, Это невыносимо, Это жестоко* и др. — «имплицитные» структуры, представляющие двусоставное предположение с анафорическим местоимением с конструктивно-синтаксической стороны и эмоционально-оценочное с коммуникативно-прагматической стороны. Предикат — слово категории состояния на -о с оценивающим, характеризующим значением (слова из лексико-грамматической группы, как *ужасно, страшно, нехорошо, противно, тошно* и др.). Сама синтаксическая модель *это + слово категории состояния* характерна для разговорной и непринужденной речи, в посредственном диалоге по-особому семантически сгущена и эмоционально окрашена, подтекстно значима.

Иллокутивно вынужденно синхронизирует каузальную связь, т. е. реплика-стимул является вынуждающей, а реакция — вынужденной. В чеховском диалоге синтаксическая имплицитность один из способов выражения модальных зна-

чений, грамматической предикативности, подтекста, «всплесков», выходящих вербально на поверхность текста, — «иерархия образов, идей и эффекта чувств».

Функциональная значимость «имплицитных» структур вытекает из художественного контекста автора, из семантики и прагматической цели самого речевого акта в диалоге.

В последних актах пьесы «Три сестры» оценочная конструкция *Это ужасно* прагматически выдвинута «светлое поле сознания читателя» и достигает стилистической достаточности, так как эта реплика-акция несет конкретную значимость, подтекстное значение: не случайно третье действие

происходит на фоне пожара, побеждает, воцаряется Наташа. Дом сестер сгорел: *Это ужасно!* Все погибает, а их Андрей — их Андрей не обращает внимания... Андрей ужасен. Эта мечта сестер тоже погибла в «страшной прозе жизни».

Актуализация прагматически «приоритетных» имплицитных конструкций оценочного характера выводит читателя на концептуальный уровень пьес «Дядя Ваня», «Три сестры» А. П. Чехова: на одну из основных идей творчества драматурга — противоречивость красоты мироздания и трагического существования в нем человека, который не может найти смысл и счастье в жизни.

Основные положения семантико-функционального сопоставительного синтаксиса разноструктурных языков

В. Ю. Копров

Воронежский государственный университет
koprov@mail.ru

Семантико-функциональный синтаксис, русский язык, английский язык, венгерский язык, инвариантная семантическая структура

Summary. The paper deals with principles of semantic-functional syntax of Russian simple sentence in comparison with English and Hungarian. The sentences are grouped and compared according to their invariant semantic structures.

Функциональный подход к описанию языка имеет прямой выход в практику перевода и преподавания языков как иностранных, поскольку овладение навыками создания высказываний и текстов на иностранном языке путем усвоения семантико-функциональных комплексов происходит быстрее и эффективнее, чем при объяснении отдельных форм, категорий и конструкций. К сожалению, несмотря на актуальность, несомненные достоинства и довольно длительный период развития, нельзя сказать, что в функциональной лингвистике исчерпывающим образом решены все теоретические и прикладные проблемы. Как отечественные, так и зарубежные разновидности функционализма неоднократно подвергались критическому анализу, и во всех концепциях находились те или иные недостатки в вопросах теории и практики описания языков. Сформулируем основные положения, на которые мы опирались при разработке «Семантико-функционального сопоставительного синтаксиса».

1. Практические потребности (обучение иностранным языкам и переводу) выдвинули на передний план необходимость выявления механизмов, обеспечивающих адекватное оформление языковыми средствами вычлененных языковым сознанием предметных ситуаций.

2. В процессе коммуникации говорящий часто стоит перед проблемой выбора той вариантной единицы, которая более всего соответствует как его речевой интенции, так и ситуации общения. То, что носитель языка получает в ходе своей социализации, носитель языка должен получить в виде схемы выбора той или иной вариантной формы. Поэтому одной из задач семантико-функционального синтаксиса является моделирование условий выбора наиболее адекватной единицы из того вариантного ряда, который имеется в данном языке.

3. Создание практически ориентированного семантико-функционального синтаксиса требует, прежде всего, разработки типологии устройства предложения, которая давала бы представление о том, какие конструкции обеспечивают тот или иной участок семантики в синтаксической системе данного языка.

4. Специфика семантико-функционального синтаксиса русского языка может быть выявлена только при его сопостав-

лении с другими языками, что обуславливает сопоставительно-типологический характер исследования.

5. Ориентация на коммуникацию обусловила ведущую роль синтаксиса в семантико-функциональной грамматике как системы, интегрирующей все другие уровни и единицы языка.

6. В семантико-функциональном синтаксисе востребованы идеи о взаимодействии грамматики и лексики, о частеречной классификации лексики и о выделении лексико-грамматических разрядов слов внутри частей речи.

7. Поскольку в результате функционирования системы грамматических категорий одно и то же номинативное содержание может быть реализовано несколькими синтаксическими конструкциями, важно выявить и описать существующие между конструкциями отношения (вариантность, синонимия, дополнительность).

8. Отбор и минимизация учебного материала для изучения в аудитории предполагает тщательное предварительное осмысление фактов родного и изучаемого языков с целью выявления наиболее значимых различий между ними, существующих в рассматриваемой сфере.

9. Предложения объединяются в классы и подклассы с опорой на их семантику: инвариантная семантическая структура → вариант семантической структуры.

10. Внутри полученных классов предложения разграничиваются по принадлежности признакового компонента их семантической структуры к той или иной части речи (номинативный, адъективный, нумеративный, вербальный, партиципальный и деепричастный типы предложений).

11. В семантико-функциональной типологии предложения отражены семантика и формы выражения ряда грамматических категорий: личности / безличности, залоговости, определенности / неопределенности актантов.

12. За основу сопоставления взят русский синтаксис, поэтому в качестве примера даются сначала русские предложения, затем английские и венгерские.

Результаты сопоставительного анализа предложений русского, английского и венгерского языков представлены в таблице.

№	Инвариантные семантические структуры	Количество семантико-синтаксических типов пр-ий		
		Рус. яз.	Англ. яз.	Венг. яз.
1.	Субъект и его опредмеченный признак	2	1	1
2.	Субъект и его качественный признак	6	1	3
3.	Субъект и его количественный признак	3	1	1
4.	Субъект и его действие / состояние	6	1	3
5.	Субъект и его качественный процессуальный признак	1	1	3
6.	Субъект — сравнение — объект	3	1	2
7.	Субъект — действие / состояние — объект	17	7	8
8.	Субъект — possessивность — объект	4	2	1
9.	Субъект — локализация — локализатор	3	1	2
10.	Субъект — действие — объект — адресат	9	7	3
11.	Субъект — действие — объект — локализатор	12	4	3
12.	Субъект — действие — объект — локализатор — локализатор	11	6	5
		77	33	35

В разрабатываемой типологии на первом этапе отражают только важнейшие типологические параметры простых предложений сопоставляемых языков. Не учитываются формы выражения многих вариантов семантических структур, наличие / отсутствие в предложении связки, а также возможные варианты порядка слов.

О конструкциях с именем действия в позиции подлежащего

И. В. Космарская

Московский государственный лингвистический университет

kosmarsky@mail.ru

Имя действия (девербатив), неизосемический подкласс слов, формальные и реальные функции, полипредикативные конструкции

Summary. The aim of this paper is to show not formal, but real functions of special group of Noun — deverbatives — in semantic structure of sentence.

1. Современная семантика важнейшими типами значения, которые можно положить в основу разделения классов слов, считает предметное и признаковое. В классе существительных различие этих значений позволяет выделить самостоятельные подклассы имен действия, имен качества и т. д. Признание за этими подклассами категориальной семантики действия, качества, состояния, количества имеет прямые и значительные последствия для синтаксиса. Предметные и признаковые имена принципиально различны не только по своей семантике. Различия эти проявляются и в плане сочетаемости, и в реальной синтаксической роли в предложении. Проблема находит свое решение в идее Г. А. Золотовой о дифференциации в языке двух оснований для классификации слов: 1) общеграмматической (классификации по частям речи); 2) категориально-семантической (названия предметов, действий, свойств и т. д.).

2. Принадлежность слова к классам категориально-семантическим определяет его семантико-синтаксическое назначение, ролевые позиции, которое оно, облеченное в соответствующие грамматические формы, способно занять в тех или иных моделях предложения [1].

3. Остановимся на одной из синтаксических позиций, которую может занимать девербатив, — позиции подлежащего.

Девербатив в позиции подлежащего в силу своей семантики участвует в организации иных типов предложений, чем имена предметные.

Сравним два предложения:

1. *Изменившееся поведение чужеземной красавицы говорило о том, что она ждет тебя* (А. Арканов) и 2. *Чужеземная красавица говорит о том, что она ждет тебя*.

В предложении 1 предикативно сопрягаются девербатив (*поведение*) и глагол (*говорит*), в предложении 2 — имя субъекта (*красавица*) и «тот же» глагол. Очевидна разница в значениях глагола. В предложении 1 глагол *говорит* имеет компликативное значение, он выражает логические, причинно-следственные отношения между компонентами предложения; во втором же предложении он выступает в своем основном значении рече-мыслительного действия.

Существенно то, что другая расстановка участников этих ситуаций невозможна.

Неакциональный глагол *говорит*, омонимичный акциональному, имеет ряд грамматических особенностей: 1) не обозначая действия как такового, он не обладает способностью обозначать его «правую границу» и поэтому не имеет противопоставления по виду: **поведение красавицы сказало*; 2) временные формы не обозначают времени действия в общепринятом понимании. Употребление глагола в будущем или прошедшем времени относит в план прошлого или будущего осмысление отношений между участниками: *поведение красавицы говорило о том, что она ждет тебя*; [...] *поведение красавицы будет говорить о том, что она ждет тебя* [...] означает, что необходим левый определитель, без него предложение ушербно); 3) не имеет фазисных и модальных модификаций: **поведение красавицы начинает (заканчивает) говорить*; **поведение красавицы хочет говорить*...; 4) функционирует только с предлогом *о* + проpositивное имя или придаточное предложение: *поведение красавицы говорит о ее любви, ненависти, уважении; о том, что она любит, уважает, ненавидит тебя* и т. д.; но **поведение красавицы говорит с братом, вместо тебя, по теле-*

Как видим, среди сопоставляемых языков русский синтаксис отличается наибольшим разнообразием семантико-структурных типов предложений, используемых для выражения двенадцати основных инвариантных семантических структур. В дальнейшем, по мере расширения и углубления анализа фактического материала, отдельные характеристики и типы синтаксических конструкций могут уточняться.

фону и т. п.; 5) не имеет дериватов с другими приставками: **поведение красавицы заговорит, наговорит, переговорит* и т. д.; 6) не образует отглагольного имени, причастия, деепричастия; 7) не имеет залоговых форм: **в ее поведении говорится о том, что она ждет тебя*.

Анализ этих конструкций показывает существенные различия в их семантических структурах. Предложение 2 создается предикативным сопряжением двух изосемических единиц — «имя субъекта + акциональный глагол речи» (*красавица говорит*), в результате чего создается предложение с типовым значением «субъект и его речевое действие». Гораздо более сложная картина в предложении 1, и сложность эту создает имя действия, занимающее позицию имени субъекта, предикатируемого компонента предложения. Созданное неизосемическими единицами, предложение выходит из круга первичных изосемических моделей, занимая более высокую ступень синтаксической иерархии.

4. Находясь в позиции подлежащего, девербатив участвует в организации каузативных конструкций, выполняя при этом роль каузатора.

Действие, названное девербативом, может каузировать другое действие: *Крик этот заставил Новикова поднять голову* (А. Рекемчук); эмоциональную реакцию лица: *Эта вынужденная опека раздражала Ольгу* (Л. Левин); признак предмета или лица: *Гнев преобразил его: он даже выше стал* (Д. Гранин).

5. Девербатив в позиции подлежащего принимает участие в создании авторизованных конструкций, вводя второй субъектно-предикатный план.

Сопряжение имени предмета и имени действия осложняется введением авторизирующего глагола — глагола восприятия. Лицо воспринимающее может быть не выражено, в его экспликации лексическими средствами нет необходимости: лицо воспринимающее совпадает с лицом говорящим. Ср: *Слышится крик*.

6. Девербатив как номинация действия, процесса, состояния естественно входит в оценочные конструкции, сочетаясь чаще всего с этической, эстетической и прагматической оценкой действия. Субъект оценки также может не эксплицироваться, но его отсутствие синтаксически релевантно.

7. Характеристика действия (состояния) по интенсивности лежит в основе моделей типа: *Людской шум немного притихает* (Д. Быков). Реально происходящее действие выражено девербативом, а традиционное сказуемое не более чем характеристика этого действия по интенсивности.

8. Анализ номинативных предложений, состоящих из ряда девербативов, показывает, что подобные конструкции служат для характеристики места, времени, среды, состояния по действиям, названным девербативами. В пользу характеризующего значения исследуемых конструкций говорит и то, что они «впускают» слова категории состояния, которые «усиливают» роль субъекта восприятия, эксплицируя результат воздействия среды. Вполне естественно предположить здесь и наличие оценочного плана.

9. Рассмотренный материал дает все основания утверждать, что девербатив, занимая те же позиции в предложении, что и имя конкретно-предметное, организует качественно иные конструкции. Эти конструкции представляют собой единицы более высокого ранга синтаксической иерархии и связаны не с конкретно-предметным миром, а с ми-

ром логического мышления и оценок, и, следовательно, с типом познавательной-мыслительной деятельности человека.

Литература

1. Золотова Г. А. О характере взаимодействия синтаксиса и семантики: лексикографические аспекты // Словарные категории. М., 1988.

2. Золотова Г. А. О главных членах предложения: дискуссионные вопросы // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. М., 2000.
3. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Статус синтаксической фразеологии в языке

Л. В. Ксенофонтова

Курганский университета

ksenofontova_l@mail.ru

1. В теории языка существует немало исследований, объектом которых является синтаксическая фразеология — достаточно большой языковой массив, место которого недостаточно определено ни по отношению к фразеологии, ни по отношению к синтаксису. Синтаксическая фразеология оперирует такими единицами и понятиями, как синтаксический фразеологизм, синтаксическая идиома, фразеосхема, фразеомодель, фразеологическое построение, несвободная схема, несвободная конструкция, фразеологическая конструкция, фразеологизированное предложение, предложение фразеологизированной структуры, а в сфере семантики — связанное значение, идиоматическое значение, фразеосинтаксическое значение и др.

Специфика единиц синтаксической фразеологии осознается исследователями языка на протяжении длительного времени. По свидетельству В. В. Виноградова, уже в 60–70 годы XIX в. шло накопление наблюдений над строем народно-разговорной речи и «даже в широких педагогических кругах раздаются призывы к широкому, всестороннему изучению национально-синтаксических своеобразий русского языка, его «идиотизмов», которые не укладываются в готовые, наиболее обобщенные и наиболее распространенные логико-грамматические формулы [1: 280]. Пешковский в разделе «Инфинитивные предложения» пишет: «совершенно особым и своеобразным видом инфинитивных предложений являются одиночные инфинитивы, тавтологичные по отношению к следующему за ним глаголу, например: *Что к родным писать? Помочь они мне не помогут...* (Тург.)» [5: 350]. В разделе «Назывные предложения» при описании разновидности «Указательные предложения» он рассматривает наряду с предложениями *Вот мельница. Она уж развалилась...* (Пушк.) и те, «в которых при слове *вот* имеется дат. пад. (*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Вот вам и поездка!*)... дательный кажется нам зависимым не от опущенного глагола, а от самого слова *вот*» [5: 345].

3. Существенный вклад в исследование языковых особенностей фразеологических конструкций внес Д. Н. Шмелев, который ввел в оборот термины «фразеосхема» и «фразеомодель», отражающие существо номинации рассматриваемых явлений в большей степени, чем общепринятый термин «синтаксический фразеологизм». Кроме того, он расширил круг языковых фактов, которые в основе имеют синтаксически связанную схему предложения, исследовал факторы

возникновения фразеологического значения у разных видов схем и показал, что в отличие от свободных схем предложений фразеосхемы имеют парадигматические ограничения [7].

4. В современных лингвистических исследованиях в качестве термина для единицы фразеологии и синтаксической фразеологии используется термин «фразема» и «синтаксическая фразема» (И. Мельчук, Ю. Апресян, Л. Иомдин и др.), чем, по-видимому, подчеркивается большое сходство в закономерностях организации семантики той и другой единиц. Л. Л. Иомдин статью о фраземе «все равно» назвал очень показательно: «Многочисленные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом». В ней как раз он и определяет «то место, которое занимают синтаксические фраземы в общей синтаксической системе языка» [2]. Термин «малый синтаксис» вводят в научный оборот и другие исследователи — Ю. Д. Апресян, И. Б. Левонтина.

5. Один из авторов теории коммуникативной грамматики русского языка Н. К. Онипенко, рассуждая о системности русского синтаксиса, квалифицирует фразеосхемы как неизоморфные модели предложения, которые занимают периферию синтаксического поля.

6. В докладе предлагается коммуникативно-прагматический подход, в рамках которого можно объяснить многие особенности готовых формул речевой коммуникации.

Литература

1. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М., 1958.
2. Иомдин Л. Л. Многочисленные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог'2006». М., 2006. С. 202–206.
3. Мельчан В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленитого предложения: Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2004.
4. Онипенко Н. К. Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 107–121.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
6. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи М., 2003.
7. Шмелев Д. Н. Синтаксическая членитость высказывания в современном русском языке. М., 2006.

Структура предложений с подлежащим, имеющим квантификативную характеристику

Е. М. Лазуткина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Lazutkelen@yandex.ru

Русский язык, грамматика, согласование подлежащего и сказуемого, категория числа глагола

Summary. The correlation between the subject (with a count component) and the predicate depends on the semantic structure of the sentence and on the communicative type of the text.

1. В докладе показываются способы согласования подлежащего, имеющего квантификативную характеристику, с глагольным сказуемым в числе; предикативные отношения в данных предложениях и особенности морфологической категории числа глагола. Рассматриваются предложения типа *Пять туристов были размещены в местной гостинице; Большинство участников дискуссии согласилось с мнением докладчика; Несколько экспериментов описано в учебном пособии.*

2. История изучения данных предложений начинается с «Исторической грамматики» И. Буслаева. К этой проблеме обращался также А. А. Потебня, К. С. Аксаков, А. М. Пешковский. Так, А. М. Пешковский ввел термин «согласование по смыслу». Этот термин давал понять, что первая часть счетного оборота (числительное или существительное с количественным значением) не имеет самостоятельного значения, которое прежде, в древнерусском языке, предсказы-

вало форму единственного числа глагола, что соответствовало «формальному согласованию» [5: 187].

А. А. Потебня данный тип предложений считал «первоначально субъектными», в которых согласование сказуемого было с формой женского рода числительного. Появление формы среднего рода глагола (напр. *Пять человек уехало на конференцию*) он связывал с переходом количественных числительных в средний род и образованием собирательных существительных среднего рода (*двое, трое* и пр.), которые в современном русском языке входят в класс числительных. Форма среднего рода глаголов страдательного залога, по мнению А. А. Потебни, связана с образованием безличных предложений: «Страдательная форма здесь не имеет вполне страдательного значения» [6: 204–205; 244–246].

3. Предлагается метод анализа семантико-синтаксической структуры подобных предложений на уровне текста: как высказываний с определенным видом актуального членения в различных коммуникативно-смысловых типах речи. Основанием для подобного подхода является тот факт, что выбор говорящим формы числа сказуемого зависит от ее текстовых функций, которая обусловлена лексическим значением предиката и значением предикатируемого компонента. Форма единственного числа сказуемого обычно связана с его текстовой функцией сообщить предложению статическое значение, значение констатации факта, итогового состояния, результата действия. Это соответствует содержательным характеристикам коммуникативно-смыслового типа речи описание. Наоборот, выбор формы множественного числа сказуемого происходит в том случае, если глагол принадлежит к классу акциональных глаголов, имеет функцию обозначения в тексте смены событий, если говорящий подчеркивает активность субъектов действия. Такого рода предложения уместны в коммуникативно-смысловом типе речи повествование.

4. Данный подход предполагает анализ предикативных отношений в различных моделях предложений: в бытийных

предложениях, в пассивных конструкциях, в предложениях с процессуальными предикатами.

5. Исследование позволяет сделать вывод о специфике морфологической категории числа глагола. Формы единственного и множественного числа глагола-предиката представляют собой не бинарную оппозицию, а корреляцию с ассиметричным отношением. Маркированным членом оппозиции является форма множественного числа глагола: она согласуется по смыслу с предикатируемым компонентом со значением «расчлененное (дискретное) множество». Немаркированным членом является форма единственного числа глагола: она согласуется и с подлежащим, называющим единичный предмет, и с подлежащим, называющим множество предметов. В данном типе предложений она согласуется с предикатируемым компонентом со значением «нерасчлененное (недискретное) множество». Таким образом, подтверждается вывод К. С. Аксакова о том, что «единственное число общее, неопределенное, более имеет в себе *родового*, так сказать, характера; поэтому более может переноситься в другие отношения» [1: 569].

Литература

1. Аксаков К. С. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. Булаева // Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. II. М., 1875.
2. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
3. Булыгина Т. В. Грамматические оппозиции // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
4. Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М. 2009.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956.
6. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.; Л., 1941.

Межфразовые скрепы, формирующиеся на базе стандартизованных предикативных единиц

Н. Н. Лапынина

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

kafedra_rus@mail.ru

Русский язык, асимметрия, связность, полифункциональные единицы

Summary. Standard grammar auxiliary units which remain in a predicative form in spite of playing a working function are considered. Besides, conditions of connection forming, their structural organization, meaning, and functioning in the speech are analysed.

1. Связность является категориальной характеристикой текста и может оформляться не только с помощью **скреп в широком понимании термина** (лексико-семантических повторов, разного рода синонимов, ассоциативно связанных лексем, анафорических элементов и т. д.), но и с помощью **скреп союзного типа** (аналитических показателей связи, основная функция которых состоит в выражении определенного рода отношений между соединяемыми частями). Среди скреп союзного типа особое место занимают межфразовые скрепы, которые призваны связывать самостоятельные предложения или более крупные фрагменты текста и оформлять логико-смысловые отношения между ними.

2. Одной из характерных особенностей функционирования системы русского языка на современном этапе развития является привлечение к выполнению связующей функции за пределами самостоятельных предложений некоторых многокомпонентных соединений, которые хотя и сохраняют форму синтаксических конструкций с явно выраженными или эллиптизированными предикативными ядрами, но выполняют при этом сугубо служебную роль. К ним могут быть отнесены, в частности, такие образования, как *дело в том, что...*; *что касается...*, *то...*; *если говорить о...*, *то...*

3. Формируются данные служебные единицы в рамках сложного предложения, предпосылкой их возникновения служит так называемый дуализм языкового знака. Сопоставительный анализ плана выражения и плана содержания предложений, построенных по фразеомоделям *дело (заключается / состоит / было) в том, что* + предикативная единица; *что касается* + N_2 + *то* + предикативная единица;

если говорить о + N_6 + *то* + предикативная единица, показывает, что все они представляют собой ассиметричные синтаксические построения с соотношением 2:1 — на уровне означаемых находим одну единицу, а на уровне означающих — две [1]; [2]. Такая ассиметрия в каждом конкретном случае является результатом разных грамматических процессов: десемантизации и прономинализации лексем, сокращения синтагматической цепи высказывания за счет элиминации модусного звена, утраты предикативной единицей пропозитивной семантики, фразеологизации и др. В результате формируются нецельнооформленные полифункциональные служебные единицы, характеризующиеся несвободным соединением составляющих слов-компонентов, единством значения, воспроизведением в речи как неразложимых целых. Сравните: *А Клеопатра в дальнейшем тоже покончила с собой. Дело в том, что Октавиан собирался отправить ее в Рим в качестве трофея* (М. Зощенко); *О масштабах жертвы мы можем только догадываться. Что касается самого выбора, то он формулируется нами так: сытое прозябанье на задворках человечества или участие в мессианском пути России...* (В. Аксёнов). *К архивам меня и до смерти, наверно, не подпустят. Если говорить о чистой бумаге, то уж бересту или сосновую кору найду я в тайге* (А. Солженицын).

4. Значение этих своеобразных служебных единиц не поддается одномерной детерминации. Их семантическое наполнение требует разноаспектного толкования.

Все три единицы в коммуникативном аспекте выполняют функцию грамматикализованного средства акцентного вы-

деления наиболее важной части высказывания. Функциональное значение актуализации наиболее ярко проявляется в стандартизованных формулах *что касается...*, *то...* и *если говорить о...*, *то...*, чему в большой степени способствует лексическое наполнение соотносимых синтаксических позиций первой и второй частей построений, включающих эти многокомпонентные служебные образования.

Важнейшим функциональным значением описываемых стандартизованных единиц является значение межфразовых скреп союзного типа, диапазон семантических возможностей которых достаточно широк. Значение скрепы *дело в том, что...* и ее многочисленных вариантов в широком смысле может быть квалифицировано как причинно-пояснительное. Скрепы *что касается...*, *то...* и *если говорить о...*, *то...* обычно эксплицируют сопоставительно-противительные отношения.

Весьма существенно, что рассматриваемые многокомпонентные единицы участвуют в текстообразовании не только как межфразовые скрепы союзного типа, но и как межфразовые скрепы несюзного типа, осуществляя, например, возврат к ранее обозначенной, но недостаточно раскрытой теме, введение новой темы или подтемы (скрепы *что касается...*, *то...*; *если говорить о...*, *то...*), все три скрепы обеспечивают переход от одного сложного синтаксического целого к другому, начинают абзац, оформляют вопросно-ответные единства. Это их третье функциональное значение.

5. Типичной чертой исследуемых служебных образований является вариативность (самой высокой модификационной способностью отличается скрепа *дело в том, что...*, которая образует разнообразные парадигматические цепочки лексических, морфологических и синтаксических вариантов, самой низкой — скрепа *если говорить о...*, *то...*), а также способность выполнять связующую функцию не только самостоятельно, но и с опорой на сочинительные союзы.

6. Анализ современных языковых фактов и практика преподавания русского языка как иностранного убеждают в актуальности изучения данных стандартизованных единиц

как с лингвистической точки зрения, так и в методическом плане в силу того, что они получили широкое распространение во всех книжных стилях, а также в передачах радио и телевидения. Усвоение таких межфразовых скреп важно и для овладения грамматическим строем русского языка, и для передачи разнообразных смысловых отношений, и для постижения закономерностей порождения связного текста. Решить эти задачи наиболее эффективно можно, по нашему мнению, на продвинутом и высшем этапах овладения русским языком: при обучении студентов-старшекурсников, магистрантов, аспирантов, зарубежных преподавателей русского языка. Могут быть предложены задания аналитического характера, предполагающие функциональную дифференциацию служебных единиц, определение их семантики, отработку навыков их употребления в устной и письменной речи [3: 57, 66, 81].

7. Таким образом, в современном русском языке наблюдается активизация синтаксических текстовых структур, включающих стандартизованные служебные единицы *дело в том, что...*; *что касается...*, *то...*; *если говорить о...*, *то...*, которые могут быть квалифицированы как межфразовые (текстовые) скрепы, совмещающие в себе функции союзных и несюзных средств связи, а также выполняющие при этом роль актуализаторов определенных речевых звеньев. В конкретной речевой ситуации эти полифункциональные единицы обычно реализуют одну или две свои функции, но могут проявить и всю совокупность значений.

Литература

1. Карцевский С. Об асимметричном дуализме языкового знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. 2. С. 85–90.
2. Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Новосибирск, 2008.
3. Лапынина Н. Н., Ковалева Л. В. Русский язык для будущих инженеров-строителей: Учеб. пособие для иностр. студ. Воронеж, 1999.

Интенсив

как синтаксическая форма субъективности и экспрессии

П. А. Лекант

Московский государственный областной университет

TShapovalova@gmail.com

Аналитизм, предикативная форма, интенсив, формальное слово

Summary. Syntactical form of intensive is presented in Russian language by a combination of words with formal words: *such, which, like, that*.

Аналитизм как явление и как тенденция характерен для современного состояния грамматической системы русского языка. В. В. Виноградов неоднократно отмечал рост аналитизма в грамматике. Он обосновал наличие аналитических форм времени и наклонения в системе кратких прилагательных и в категории состояния. Этому соответствовала его плодотворная идея формальности связи *быть*: «связка *быть* — не глагол». Безличные формы связки *быть* значительно расширили грамматический потенциал безличного предложения.

Важным источником формальных средств аналитичности являются местоименные слова. В систему компаратива, где давно уже укоренилось *самый*, уверенно входит *все: все короче, все ближе, все теплее*. Грамматизация *как, так; какой, такой* сформировалась в *интенсиве*. Эта синтаксическая форма, благодаря участию *как, так; какой, такой* — операторов субъективности, — осложняется семантикой полноты, предельности, оценки: *Как долго телефон молчит. Как громко тикают часы* (Р. Рождественский).

Субъективность *как, какой* и *так, такой* функционально различается: у первых она имеет эмоциональный характер, у вторых — рациональный. Субъективность тех и других, формы интенсива в целом фиксируется и дифференцируется интонацией: *Как весною мой север призывает! — Так лужезарна жизнь и радостей так много!* (В. Набоков).

Близость *как* и *так, какой* и *такой* проявляется в аналогичном употреблении: они «оттеняют», «усиливают», по

А. А. Шахматову, слова одних категорий: первые — глаголы, предикативы (личные и безличные), качественные и количественные наречия: *Как верен дому каждый шаг* (Б. Пастернак); *Как я на мир смотрю влюбленно* (И. Северянин); *Так мало пройдено дорог, так много сделано ошибок* (С. Есенин); вторые — существительные, прилагательные: *Я остановился наконец. Какая страшная тишина!* (И. Тургенев); *Я усталым таким еще не был* (С. Есенин); *Какое счастье: и ночь, и мы одни* (А. Фет).

Установление категориальной сущности самих «словечек» *как — какой, так — такой* затруднено тем, что «их лексико-грамматические значения подвижны; они находятся во власти синтаксического употребления» (В. В. Виноградов). Их «восклицательность», отмеченная А. М. Пешковским, В. А. Богородицким, А. Н. Гвоздевым, ассоциируется отчасти с семантикой градации, характерной для формы интенсива в целом. Поэтому указанные грамматисты, включая Виноградова, склонялись считать *как — какой, так — такой* «полными» словами. Однако со временем стало складываться понимание их как частиц — формальных слов (С. И. Абакумов, Е. М. Галкина-Федорук). Мы полагаем, что местоименное прошлое данных единиц не должно оставаться аргументом в пользу их знаменательности — *как — какой, так — такой* — это формальные слова, частицы — интенсификаторы. Синтаксическая форма **интенсив** — это продуктивная аналитическая категория субъективности, средство представления личного отношения говорящего.

Функционально-семантическая организация категории вопросительности

А. В. Логинов

Мичуринский государственный педагогический институт

loginov13av@mail.ru

Вопросительное предложение, категория вопросительности, функционально-семантическое поле вопросительности, моноцентрический тип функционально-семантической категории

Summary. The thesises deals with field organization functional and semantic category interrogativity, which is defined as monocentral category of the mixed type.

Категория вопросительности (КВ) — часть общей антропоцентрической установки языка, двустороннее единство семантики запроса о неизвестном и системы разноуровневых средств ее выражения, представленное в виде функционально-семантического поля (ФСП) и опирающееся на коммуникативную ситуацию запроса информации.

КВ организует поле, ядром которого является синтаксическая парадигма, выступающая в качестве специализированного средства и понимаемая как «система синтаксических структур, обладающих общим смысловым и / или функциональным синтаксическим признаком, модификации которого представлены в структурах, образующих систему» [1: 120], и опирающаяся на синтаксическую общность, основанную на близости выражаемых синтаксическими конструкциями синтаксических значений, представляющих собой обобщенное отражение отношений объективной действительности.

Обладая самым широким спектром функциональных характеристик, вопросительное предложение (ВП) характеризуется своей собственной категориальной семантикой, которая стоит в оппозиции семантике других коммуникативных типов предложений. Это, во-первых, то, что отличает один тип языковой конструкции от другой на семантическом уровне, который реализует свое грамматическое оформление с помощью конкретных лексико-грамматических и интонационных средств; во-вторых, то, «что связывает настоящие вопросы с вопросами, обращенными к самому себе, или так называемым медитативным вопросам» [4: 261].

При отнесении вопросительного высказывания к ядру или периферии ФСП учитывается степень выражения категориального значения, форма ее представления, прагматическая установка говорящего в коммуникативной ситуации. Синтаксическая структура КВ определяется фундаментальными признаками: имеет собственную синтаксическую единицу — вопросительное предложение — для выражения вопросительной семантики; четкое противопоставление ядра и периферии, основанное на разграничении первичных и вторичных функций; инвариантным значением для всех компонентов ядра и ближней периферии является значение запроса; взаимодействие с другими ФСП.

КВ представляет собой моноцентрический структурный тип поля. Это подтверждается тем фактом, что вся система разноуровневых средств выражения вопросительного значения (вопросительная интонация, лексико-грамматические компоненты) реализуется только в вопросительном высказывании.

На фонетическом уровне средством создания вопросительности выступает интонация. Не относясь к формализованным средствам языка, она распространяется на всю категорию, играя разную роль в организации вопросительной семантики.

На лексико-грамматическом уровне вопросительное значение формируется в виде полевой структуры. Ядро и периферию составляют лексемы со значением познания, которое осуществляется в три этапа: от незнания через узнавание к знанию (см.: [2]). К ядерным компонентам относятся те лексические единицы, в которых сема «узнавание» выражена эксплицитно: вопросительные местоимения и наречия, вопросительные частицы, глаголы и идиоматические сочетания, обозначающие активные познавательные процессы, отдельные группы существительных, наречий и слов категории состояния, в семантике которых уже «заложено» вопросительное значение.

Ближнюю периферию формируют лексемы со значением активной познавательной деятельности, в которых сема «запрос информации» выражена имплицитно и проявляется только при определенном положении дел в особым образом лексически организованной изъяснительной придаточной частью.

Лексемы, сема «запрос информации» которых очень слаба и реализуется только при комбинации с эксплицитными вопросительными показателями, «расположились» на дальней периферии.

Характеристика ФСП вопросительности по признаку системных связей является наиболее сложной и неоднозначной. Это связано с тем, что категория вопросительности «слишком коммуникативна». Эта «излишняя» коммуникативность проявляется в том, что в ВП реализуется весь огромный спектр человеческих потенций, связанных с модальной оценкой положения дел, «устремленностью» на адресата, желанием, с одной стороны, получить новую информацию и, с другой стороны, желанием показать, какой информацией владеет адресант и т. д.

Классификация, представленная в трудах А. В. Бондарко, не позволяет отнести нашу категорию к какому-то определенному типу [3: 315]. Причина этого — в сложном характере взаимоотношений разнородных семантических компонентов, «переплетенных» в одной понятийной категории.

Во-первых, вопросительность является одним из компонентов модальности предложения. В этом случае ее следует относить к ФСП с предикативным ядром.

Во-вторых, вопросительная конструкция формирует коммуникативную перспективу высказывания, нацеленную на устранение неопределенности и неизвестности. А это требует реализации определенных субъектно-объектных отношений, т. е. налицо признаки ФСП с субъектно-объектным ядром.

В-третьих, вопросительная конструкция несет в себе определенную долю информации, что в некотором роде сближает ее с повествовательным бытийным высказыванием, участвующим в формировании категории бытийности, относящейся к ФСП с предикативно-обстоятельственным ядром.

Мы считаем, что по своей сути ФСП вопросительности является ФСП смешанного (интегративного) типа, в котором проявляются признаки различных ФСП, т. е. находится в зоне пересечения нескольких ФСП, а категория вопросительности участвует в организации семантического пространства других языковых категорий. Большая или меньшая зона пересечения с другой категорией зависит от конкретной коммуникативной обстановки, от того, каково намерение говорящего и чего он ждет от адресата.

Таким образом, КВ — полевая моноцентрическая организация с синтаксической парадигмой в качестве ядра, по признаку системных связей относящаяся к категориям смешанного типа.

Литература

1. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988.
2. Акимова О. Б. Семантика неизвестности и средства ее выражения в русском языке. М., 1999.
3. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
4. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.

Еще раз о понятии основы предложения

В. П. Малащенко, Т. В. Милевская

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

tmilevsky@yandex.ru

Модель предложения, семантическая структура, валентность, предикатно-актантный минимум, ситуант

Summary. The report is determined to cover basic tendencies of investigating and describing the syntactical units in the current linguistics. The authors have attempted to synthesize the diversity of the existing. Points of view on the problem with the aim analyse uncontradictorily the syntactical theories in the process of the russian language teaching in the higher school.

В трудах по синтаксису предложения наметилась тенденция к пересмотру традиционных представлений о формальной и семантической структуре этой единицы. Одним из дискуссионных вопросов является определение минимума простого предложения, тесно связанное с проблемой распространения предложения.

Нам представляется, что понятие распространения предложения приобретает большую объяснительную силу, если трактовать его не как «расширение состава предложения» («Русская грамматика»), а как формально или семантически осложненную реализацию его основы. Введение подобного толкования указанного явления обуславливает необходимость уточнения и понятий «предикативной основы» и «семантической модели» предложения. Речь идет прежде всего об *объеме* минимума предложения.

Факты языка свидетельствуют о том, что структурно-семантическая схема не должна ограничиваться только главными членами. Довольно регулярно позиция глагола в структурной схеме N1 — Vf представлена и такой формой, которая не употребляется без зависимого компонента. В частности, перфектная форма переходных глаголов исключает их абсолютное употребление. Заданными являются и употребление при переходных глаголах объектных словоформ в форме винительного падежа, и употребление субъектной словоформы в форме творительного падежа при глаголе страдательного залога. Однако даже эти синтаксемы традиционно не включаются в основу.

При решении вопроса о предикативной основе и шире — о предикативной и номинативной достаточном минимуме — нельзя не учитывать тесной взаимосвязи структурно и семантически значимых компонентов формального и семантического уровней предложения. Типовая семантическая модель должна представлять собой оптимальный минимум, т. е. конструкцию, не допускающую никаких сокращений и являющуюся автосемантической, самодостаточной. Оптимальные варианты семантических моделей представляют собой так называемую пропозициональную базу предложения, или его предикативно-номинативное ядро. Номинативному аспекту этого минимума соответствует **пропозиция**, обладающая определенным синтаксическим строением, изоморфным по структуре определенной ситуации, которая отражена в высказывании. Взаимодействие позиционных валентностей субъекта и предиката играет ведущую роль в предопределении количества и формы не только объектных актантов, но и ситуативных компонентов.

Структурно-семантический инвариант той или иной разновидности предложения состоит из определенного набора (от одного до трех-четырех) элементарных компонентов семантической структуры предложения: предиката, субъекта и объекта (объектов), иногда и сирконстанта. Эти компоненты в вербализованной структуре представлены лексемами, **обязательное употребление** которых задано реализацией в большинстве случаев соответствующей валентности предикативной лексемы.

Общепринятой классификации структурно-семантических основ предложения, или их типовых значений нет. Одни признают обязательным актантный (субъект, объекты), дру-

гие сирконстантный распространитель. Мы склонны к тому, чтобы учитывать то, что многие лексемы реализуют и так называемые ситуативные валентности, обычно выражаемые обстоятельственными (сирконстантными) синтаксемами.

Приводим примеры высказываний, в семантической структуре которых имеются обязательные сирконстанты, или ситуанты места, времени, цели, относящиеся в целом либо к предикатно-субъектному (в том числе диффузному) ядру, либо к предикатно-субъектно-объектному: *Сижусь у стола* (локативный ситуант). *Он просидел весь день* (временной ситуант) *в библиотеке* (локативный ситуант). *Лучше бы они отправили сына учиться* (ситуант цели).

Как видим, варианты семантической структуры предложения характеризуются: а) качественным и количественным разнообразием компонентов, участвующих в формировании диктуемой пропозиции; б) употреблением в актантных позициях компонентов, заданных обязательными валентностями лексем в позиции предикатной синтаксемы; в) участием этой синтаксемы в выражении синтаксических категорий объективной модальности и времени, репрезентирующих грамматические значения предложения — предикативность.

Модели семантической структуры могут не совпадать с формальными структурами предложений, разделяемых традиционно на двусоставные и односоставные. Ср., например, предикатно-субъектную модель и ее реализацию как в двусоставном *Я не могу спать*, так и в односоставном *Мне не спится*. Семантический критерий дает основание квалифицировать обе конструкции как семантически двусоставные.

Механизм образования структурно-семантической модели, или предикатно-актантного минимума предложений состоит в одновременном образовании и воспроизведении в речи определенного стереотипа, и в заполнении лексическим материалом той или иной абстрактной конструктивной схемы.

Основные компоненты формальной структуры обеспечивают способность модели, оформленной с помощью интонации сообщения, в автономном, изолированном виде выполнять функции и обозначения одного из вариантов глубинной структуры и передачи сообщения. Такой минимум представляет собой ничем не осложненную реализацию структурно-семантической основы, т. е. то, что, по существу, и называется нераспространенным предложением или нераспространенной предикатной конструкцией.

Поэтому к нераспространенным следует отнести не только предложения лишь с главными членами типа *Смеркалось* (А. Пушкин); *Шаги затихли* (А. Чехов); но и высказывания с обязательными объектными и ситуантами *Боясь не смерти я* (М. Лермонтов); *Я виноват перед тобою* (М. Лермонтов) и подобные.

По способу распространения, не приводящего к осложнению формальной и синтаксической структуры, можно выделить 3 типа распространенных предложений: 1) предложения с моделью, компоненты которой распространены на основе слабых словосочетательных связей; 2) единицы с моделью, распространенной как целое на основе присоставных связей; 3) высказывания с моделью, распространенной на основе присловных и неприсловных связей.

Проблема дифференциации сложного синтаксического целого и сложного предложения

Н. В. Малычева

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

nmalycheva@rspsu.edu.ru

Текст, сложное синтаксическое целое, сложносочиненное предложение

Summary. The report is devoted to the definition of complex syntactic unity and compound sentence with a coordinating conjunction as the different communicative items and structural distinctive features.

Наряду с большой группой сложных синтаксических целых (далее — ССЦ), аналогичных сложносочиненному 432

предложению (далее — ССП), существует группа ССЦ с сочинительным союзом, неаналогичных ССП. Это объясня-

ется тем, что отсутствие координации коммуникативных регистров (признак общий для ССП и ССЦ), тем не менее, в тексте и в предложении осуществляется по-разному. Взаимопроницаемость предикативных частей на грамматическом и семантическом уровнях, обязательная для сложносочиненного предложения, не является обязательной для коммуникативного единства, и поэтому некоторые ССЦ не синонимичны ССП, хотя в таких структурах сочинительные союзы сохраняют свое значение и имеют место в своей основе те же семантико-синтаксические отношения, что и в сложносочиненном предложении. Отсутствие же взаимопроницаемости предикативных единиц сложного синтаксического целого может быть обусловлено разными причинами.

Известно, что ведущей категорией текста, определяющей селекцию языковых средств является образ автора речевого произведения. Важнейшее особенностью сложносочиненного предложения является то, что «автором» всех его предикативных частей является одно и то же лицо, поэтому все речевые планы в ССП скоординированы по отношению к лицу говорящего. Текст же представляет собой контаминацию субъектно-речевых планов автора и персонажа, лежащих в разных смысловых плоскостях и взаимно не проницаемых. На их пересечении образуются лишь коммуникативные единства — ССЦ. В тексте отражается динамизм экстралингвистической действительности и множественность точек зрения на нее. Одна реальная ситуация представляется в тексте с точки зрения внешнего (автор) и внутреннего (персонаж) интерпретаторов, что и создает полифонию повествования. В ССЦ подобного типа налицо разные точки зрения, и они не могут совместиться в ССП, требующем одного авторства. Трансформировать такие ССЦ в сложносочиненные предложения невозможно, что является свидетельством наличия специфики тех и других построений.

Принадлежность компонентов ССЦ разным субъектно-речевым планам нарушает их взаимопроницаемость, что проявляется в семантической некоординированности компонентов ССЦ в целом ряде смысловых аспектов: в пространстве, во времени, в масштабе событий, отраженных в компонентах ССЦ, в предметном и ментальном аспекте, в модальности и т. п.

В силу полифонии текста контактно расположенные и связанные своим содержанием компоненты ССЦ представляют реальную действительность, отраженную разными сферами человеческого мышления — репродуктивной, информативно-логической с одной стороны, и сферой образного метафорического мышления, с другой. Предикативные единицы, выражающие в ССЦ факты реальной действительности, и предикативные единицы, соответствующие воображаемому или воспроизводимому в памяти факту, не могут находиться друг с другом в таксисных отношениях, то есть обозначать одновременные действия или действия, непосредственно следующие друг за другом. Они находятся в разных плоскостях сознания человека — мыслительно-логической и образной (актуальной и виртуальной), и, следовательно, образовать ССЦ, для которых таксисные отношения обязательны, не могут. Разные модально-субъективные оценки содержания предикативных единиц лишают

коммуникативную единицу структурно-семантического единства.

Закономерности расположения предикативных частей ССП не тождественны закономерностям расположения предикативных единиц ССЦ. Нарушение взаимопроницаемости компонентов ССЦ на лексическом и грамматическом уровнях, отсутствие таксисных отношений между ними, а, следовательно, их большая самостоятельность ведет к свободе линейного расположения компонентов сложного синтаксического целого.

Сочинительные союзы, сохраняя свое основное значение и выражая основное семантико-синтаксические отношения, свойственные им в ССП, приобретают способность соединять в коммуникативное единство предикативные единицы, некоординированные в ряде семантических аспектов, и единицы, расположенные дистантно.

Круг союзных конкретизаторов, использующихся в функции средств связи в ССЦ, заметно шире, чем в сложносочиненном предложении. Выделяется большая группа специфических союзных сочетаний, специализирующаяся на потренировании в ССЦ.

Ряд конкретизаторов, использующихся и в ССП, и в ССЦ, изменяет свое значение, сообщая второй предикативной единице коннотации неожиданности, внезапности.

При этом в ССЦ союзные конкретизаторы, в отличие от ССП, часто полностью теряют свое знаменательное значение. В силу этого и ряда других фактов, утвердившееся в науке мнение, рассматривающее ССЦ как особую коммуникативную единицу, представляется несколько односторонним. ССЦ следует рассматривать не только с точки зрения коммуникативной, но и как единицу, имеющую особые структурно-семантические признаки.

В ССЦ с имплицитным звеном союзы также сохраняют свою семантику, но приобретают дополнительную функцию — функцию маркера вербально не выраженной пропозиции, а также способность соединять предикативные единицы, содержание одной из которых фактически выражено имплицитно. Отношения же между эксплицитно выраженными частями можно назвать отношениями синтаксического соприкосновения, которые невозможны в ССП.

Специфика ССЦ проявляется и в объеме семантико-синтаксических отношений, которые выражаются с помощью сочинительного союза. Так, в ССЦ возможны соединительные отношения включения (частного события в более общее), отношения внезапного (неожиданного) переключения статического на динамическое описание, отношения парцеллирования и ряд других.

Кроме того, в ССЦ невозможны некоторые отношения (собственно градационные), свойственные ССП, что также свидетельствует о своеобразии их коммуникативного и структурно-семантического регистров.

В ССЦ, неаналогичных ССП, не только по возможности полно выявлен специфический инвентарь союзных конкретизаторов, использующихся в функции средства связи компонентов в поликоммуникативной единице, но и впервые обнаружены специфические союзные сочетания, возможные только в сложном синтаксическом целом: и действительно, и в самом деле, и уже, и тут, и здесь и т. д.

Актуальные процессы русского синтаксиса (на материале современного прозаического дискурса)

И. А. Мартянова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

mira56@list.ru

Синтаксис, аналитичность, русский язык, речь, текст.

Summary. The report is devoted to a problem of analytical progress of the Russian syntax trend on a material of Modern prose (L. Petrushevskaya, A. Korolev, V. Sorokin V. Makanin, T. Tolstaia, V. Pelevin). The modern prosaic discourse stimulates development of the new syntactic phenomena and units. The actual syntactic processes are considered in the aspects of language, speech and text.

Актуальные синтаксические процессы: изменения в структуре словосочетаний, в употреблении односоставных номинативных предложений; появление новых разновидностей бессоюзных сложных предложений и синтаксических объединений на базе диалогических сцеплений; усиление сегментации и парцелляции — приобретают особую наглядность в прозе последнего двадцатилетия (в произве-

дениях А. Королева, В. Маканина, Т. Толстой, Д. Рубиной, Л. Улицкой, В. Пелевина, Л. Петрушевской, М. Палей, С. Болмата и др. авторов).

Для эффективности их анализа необходим выход в культурную и социальную проблематику, но при этом тенденции синтаксического развития не могут интерпретироваться как непосредственное отражение тенденций социокультурных.

Обращаясь к проблеме синтаксических инноваций, следует учитывать аспекты диахронии и синхронии, синтаксической нормы, дифференцировать общие языковые факторы (например, взаимообусловленность экономии / избыточности языковых средств) и тенденции развития русского синтаксиса.

Его ведущая аналитическая тенденция не должна пониматься упрощенно, только как «дробление» предложения (высказывания) и текста. Она демонстрирует диалектику расчлененности / интеграции, стимулирует развитие средств компенсации, в качестве которых выступают разнообразные скрепы: сочинительные и подчинительные союзы, союзные слова, дейктические элементы, частицы, их сочетания с наречиями (*и вот уже, вдруг* и т. п.). Они живут в современной прозе особой жизнью, нередко выступая в роли самостоятельных высказываний или их частей (коммуникем), получающих абзацное выделение.

Традиционный подход к исследованию аналитической тенденции в определенной мере себя исчерпал. Следует дифференцировать языковой, речевой и текстовый аспекты аналитизма. В первом случае речь идет о собственно грамматических закономерностях, во втором — о влиянии на литературный язык устно-разговорной стихии. В текстовом же ракурсе на передний план выступают делимитационные процессы, обусловленные не только задачей изображения звучащей речи, но и более глубинными факторами (типологическими, жанровыми, идиостилевыми).

Рассматривая актуальные процессы русского синтаксиса в речевом аспекте, необходимо различать новации и собственно нарушения нормы, подчас имеющие взаимообусловленный характер. Влияние устно-разговорной стихии расширяет литературную норму, что находит отражение в разнообразных синтаксических «неправильностях» Л. Петрушев-

ской, В. Сорокина, В. Маканина и др. авторов. Но на этот процесс можно смотреть и шире — как на стремление современных прозаиков «заставить работать» аномалии текста, демонстрирующие сдвиги в мировосприятии автора и читателя.

Несомненным фактором, повлиявшим на развитие синтаксического строя русского языка в целом, является диалогизованность, которой пронизаны разнообразные единицы синтаксиса (от словосочетания — до многокомпонентного сложного предложения). В текстовом плане новации в изображении многоголосия окружающего мира связаны с изменением оппозиции *свой / чужой*. Чужая (и другая) речь иначе, не как в классическом тексте, входит в современный прозаический дискурс и взаимодействует с окружающим контекстом. В анализе способов синтаксической передачи чужой речи необходимо учитывать изменение ролей автора, персонажа и читателя.

Аналитическая тенденция, демонстрирующая диалектику расчлененности и интеграции, остается важнейшей тенденцией развития современного русского синтаксиса. Она проявляется с наибольшей полнотой в прозе тех авторов, трагикомический дискурс которых отмечен дисгармонией миро- и самовосприятия, иронией и самоиронией (Л. Петрушевская, В. Сорокин, В. Пелевин, С. Болмат и др.).

Сегодня одновременное упрощение (аналитическая дробность) и усложнение синтаксиса (создаваемое, в частности, комплексным использованием новых явлений) выступает на передний план как специальная забота автора. Современные прозаики если и не исповедуют принцип «не лексика, а синтаксис», то в полной мере ощущают измененную пластику фразы. Новации элитарной литературы становятся отработанными приемами литературы массовой.

Таким образом, современный прозаический дискурс стимулирует развитие новых синтаксических явлений.

Текстообразующая полифункциональность полипредикативных сложных предложений

Е. П. Марченко, А. С. Коломийцева

Кубанский государственный университет (Краснодар)

moderus@phil.kubsu.ru

Полипредикативное сложное предложение (ПСП), синтаксическая единица, сверхфразовое единство (СФЕ), ПСП-СФЕ, ПСП-абзац, ПСП-микротекст

Summary. Polypredicative composite sentences — polyfunctional language and speech units which reveal diversified abilities to form a text.

1. Полипредикативное сложное предложение как синтаксическая единица и как единица текста

Полипредикативные сложные предложения (ПСП) — синтаксические единицы высшего уровня, состоящие из трех и более предикативных частей, объединенных на основе неодинаковых видов синтаксической связи в блоки и компоненты на основном и второстепенном (или второстепенных) уровнях членения. Комплексное многоаспектное изучение ПСП и как единицы языка, и как единицы речи позволяет наиболее полно охарактеризовать предложение. *Человек страшится только того, чего не знает; знанием побеждается всякий страх* (В. Г. Белинский). *Создать язык невозможно, ибо его творит народ: филологи только открывают его законы и приводят в систему, а писатели только творят на нем согласно с семи законами* (В. Г. Белинский). ПСП выполняют в тексте разные функции: предложенческие (с присущей им предикативностью, модальностью, типовой принадлежностью и др.), функции сверхфразового единства, микротекста или абзаца, который рассматривается как комплексное структурно и тематически организованное предложение-высказывание, характеризующееся специфическим интонационным рисунком, регулярно маркируемыми границами и представляющее собой единое смысловое, структурное и интонационное целое.

2. Функции ПСП-абзаца в тексте

При совпадении границ ПСП и абзаца предложение приобретает признаки абзаца и выполняет его функции в тексте. Средства организации ПСП-абзацев (лексическая наполняемость, порядок слов, лексические и синтаксические средства связи компонентов и др.) обуславливают реализа-

цию таких текстовых категорий, как ретроспекция и проспекция, автосемантия и синсемантия. Инициальные ПСП-абзацы направлены на проспекцию и синсемантичны. Медиальные — ретроспективно-перспективные и контекстуально связанные. Финальные ПСП-абзацы чаще ретроспективны и могут быть как автосемантичными, так и синсемантичными. Очевидно, что ПСП-абзацы выполняют **текстообразующую и текстоорганизующую функции** и участвуют в формировании композиции произведения в целом. Потенциал ПСП-абзаца проявляется в реализации названных функций в текстах разных типов. ПСП-абзац — явление субъективное, обусловленное прагматической установкой автора, конкретными коммуникативными задачами. Реализуя эти задачи, он приобретает статус коммуникативной единицы высшего уровня, коммуникативная структура которой отображается в актуальном членении, что составляет основу для передачи новой информации. Тема текста является гипертемой, рема текста — гиперремой, которые реализуются через частные темы и ремы компонентов ПСП-абзаца. Так ПСП-абзацы выполняют **коммуникативную функцию**, которая проявляется в текстах разных стилей. Для ПСП-абзацев характерны и **специфические функции**. В художественных текстах инициальные ПСП-абзацы реализуют функцию завязки: содержат характеристику героев, описание времени и места действия и др. В медиальных ПСП-абзацах уменьшается экспрессивность, содержится оценка автором происходящего, подчеркивается основная мысль произведения. В публицистических текстах специфические функции обусловлены жанром произведения. Для таких текстов характерна функция воздействия, совмещаемая с информативной, а для художественных — коммуника-

тивная и эстетическая функции. ПСП-абзац полифункционален.

3. Полипредикативное сложное предложение в функции сверхфразового единства

В тексте наиболее полно проявляются функции потенции и функции реализации ПСП. Суперкоммуникативный уровень, на который выходит полипредикативное сложное предложение, сближает функции ПСП с функциями текста и реализует художественный замысел автора. Предложение проявляет такие свойства, которые создают в структуре текста единицы, формирующие текст. Под реализацией этих свойств понимается **текстообразование**. ПСП способно выполнять и функции сверхфразового единства (СФЕ). При этом с функциональной точки зрения средства организации ПСП и СФЕ совпадают на синтаксическом, лексико-грамматическом, композиционном уровнях. Очевидна взаимосвязь внешней структуры ПСП-СФЕ и внутреннего смыслового наполнения: плана выражения и плана содержания. Специфику обусловленности внешней и внутренней структуры ПСП отражает его принадлежность к определенному композиционному типу (линейно-ступенчатому, многоступенчатому и др.). Общая функция компонентов в составе ПСП-СФЕ направлена на реализацию информации, заключенной в тексте. Полнота коммуникативной насыщенности ПСП-СФЕ как единицы текста обусловлена таким соотношением компонентов актуального членения, при котором грамматическая структура предложения при включении в речевую ситуацию приспосабливается к задачам коммуникации. ПСП-СФЕ может совпадать с границами абзаца, быть его частью или объединять несколько абзацев, но при этом выполнять **текстообразующие функ-**

ции, участвуя в организации смысловых и коммуникативных центров. ПСП-СФЕ обладает такими текстообразующими потенциями, которые проявляются в разноплановом повествовании, неодинаковой персональности, разной модальности.

4. Полипредикативное сложное предложение как малоформатный текст

Полипредикативное сложное предложение обладает высокой способностью к функционированию в речи. Под влиянием неодинаковых коммуникативных задач формируется цельное содержание в структуре ПСП-микротекстов в виде афоризмов, пословиц, поговорок, загадок, мудрых изречений, лозунгов, сентенций и др. *Не довольно того, что просвещение приносит народу и благосостояние, и могущество: оно доставляет человеку такое душевное наслаждение, с которым ничего не может сравниться* (Н. Г. Чернышевский). *Кто раньше встает, тот грибки себе берет; а сонливый да ленивый идут после за крапивой* (поговорка). Для ПСП-микротекстов характерны такие признаки, как смысловая симметрия, прямой и переносный смыслы, участие тема-рематического членения в коммуникативной организации. Сильные внутренние связи обуславливают автосемантизм ПСП-микротекстов, обладающих ярко выраженной текстообразующей функцией, коммуникативной самодостаточностью, повышенными экспрессивными потенциями. Ретроспекция и проспекция формально не проявляются, но потенциально присутствуют в общем пространстве фоновых знаний автора и читателя. Полипредикативные сложные предложения — полифункциональные как языковые, так и речевые единицы, в которых обнаруживаются многообразные текстообразующие возможности.

Ориентиры на синтаксическом и текстовом уровнях как опора при восприятии отношений обусловленности в тексте

Т. А. Мурадова

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ)

tatmur@yandex.ru

Декодирование, ориентиры, отношения обусловленности, уступительные конструкции, парентетические свойства

Summary. The problem of determining orientators in order to identify the relations of conditionality on the syntactic and text levels is studied in the aspect of interaction of a complex sentence and a text. The paper is illustrated with an example of determining orientators to identify concessive relations and their formulation in the discourse text is generally based on a complex sentence of corresponding semantics.

Для адекватного декодирования текста необходимо осуществить две задачи: 1) направить внимание на существенные моменты высказывания и 2) сегментировать речевой поток. Данная проблема применительно к учебному тексту-рассуждению может быть решена с помощью ориентиров на синтаксическом и текстовом уровнях, которые позволяют идентифицировать виды отношений обусловленности, составляющих основную семантическую категорию данной разновидности текста. Их оформление в учебно-научном рассуждении опирается, главным образом, на сложноподчиненное предложение (СПП) соответствующей семантики.

Ориентиры выполняют подсказывающую функцию, создают направленность мысли, помогают ускорить переработку информации, воспринимать в единстве форму и смысл [3].

СПП обусловленности, согласно классификации структурных функций синтаксических единиц, данной Г. А. Золотовой [2], и типологии видов коммуникативных единиц текста, предложенной Г. А. Вейхманом [1], в указанном типе текста могут функционировать 1) как самостоятельный конституент текста — автосемантическое предложение; 2) как компонент максимальной коммуникативной единицы текста — сложного синтаксического целого или линейно-синтаксической связи предложений; 3) как компонент конструктивного компонента максимальной коммуникативной единицы — сложной синтаксической конструкции.

На уровне сложного предложения основой восприятия становится тип синтаксической связи, маркируемый в СПП «логической» группы семантическими союзами с недифференцированным значением — во всех трех структурных функциях — и союзами дифференцированных значений — во второй и третьей функциях.

Для выявления ориентиров важен также тот фактор, что придаточным причины, условия, цели, уступки, следствия в силу разслесенного характера отношений между частями СПП присущи в той или иной степени парентетические свойства. Наиболее ярко они проявляются у придаточных уступительных.

Придаточные уступительные имеют парентетический (вставной) характер, так как уступительная часть, как правило, несет в себе менее важную информацию, возникающую в сознании говорящего не сразу, а уже по ходу рассуждения. Именно в силу этого факта содержание придаточной части не оказывает существенного влияния на развитие основной мысли. Придаточное уступительное является в большинстве случаев факультативным с точки зрения формально-грамматического построения предложения. Союзы совместно с коррелятами, лексическими опорами, которые входят в главную часть, с одной стороны, помогают удерживать в памяти отдельные сегменты предложения, а с другой стороны, способствуют целостному восприятию конструкции, ее смысла.

Наиболее употребительны уступительные конструкции с союзом недифференцированного значения *хотя*, который не закрепляет позицию придаточной части. В основном отмечена постпозиция придаточной части. Препозиция подчеркивает уступительную квалификацию отношений: *Хотя некоторые нормативные пособия все еще считают ударным первый слог, на наших глазах изменяется место ударения в формах мн. ч. кратких прилагательных*. Союз *хотя* может оформлять СПП совместно с противительным союзом *но*, который нередко сопровождается конкретизаторами *зато*, *все-таки*, *тем не менее*, *однако*, *все же*: *Хотя слова*

с разбегу, на миг, на лету являются наречиями и отвечают на вопрос *как?*, тем не менее они пишутся так, как писались тогда, когда были существительными.

В учебных текстах используются, главным образом, СПП с собственно-уступительными отношениями, оформленными союзами *хотя, несмотря на то что*, а также с обобщенно-уступительными отношениями, оформленными местоименным словом в сочетании с частицей *ни*. В первых придаточная часть содержит контраргумент, корректив, опровергающий или ограничивающий истинность утверждаемого в главной части (*хотя*), неблагоприятствующее условие, препятствующее обстоятельству (*несмотря на то что*), во вторых — непроверяемость утверждаемого в главной части вопреки убедительности контраргумента: *Восклицательными чаще бывают простые предложения, хотя встречаются и сложные восклицательные предложения; Для уравнений третьей и четвертой степеней известны формулы корней. Несмотря на то что они очень сложны, формулы эти вполне применимы; Какова бы ни была прямая, существуют точки, принадлежащие этой прямой, и точки, не принадлежащие ей.*

В силу парентетического характера уступительных конструкций они очень редко употребляются в первой и третьей функциях. Наиболее продуктивным является их использование во второй функции — чаще в развертывающей части ССЦ, реже в концовке: *Имена существительные называются разными предметами... Одинаковые, однородные предметы называются одним словом, несмотря на то, что эти предметы могут отличаться друг от друга. Так, словом книга*

называются все книги, хотя сами книги могут отличаться друг от друга содержанием, размерами.

Следовательно, ориентирами на синтаксическом уровне могут быть:

- семантические союзы *хотя*, реже *несмотря на то что*, местоименные слова с частицей *ни*;
- продуктивная модель СПП с противительным союзом *но* во второй части, а также в ряде случаев «примыкающие» к нему конкретизаторы *зато, все-таки, тем не менее, однако, все же*.

На текстовом уровне чаще употребляются уступительные конструкции в развертывающей части ССЦ, реже в концовке. Параллельное или групповое употребление таких конструкций встречается очень редко, однако те единичные случаи, которые все-таки имеют место, позволяют актуализировать восприятие уступительных отношений, выраженных СПП.

Таким образом, опора на синтаксические и текстовые ориентиры позволяет идентифицировать уступительные отношения в учебном тексте-рассуждении, что способствует его адекватному декодированию.

Литература

1. Вейсман Г. А. Разговорная речь и проблема предложения // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Тезисы докладов к III республиканской научной конференции. Горький, 1968.
2. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. Изд. 2-е, испр. М., 2005.
3. Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти. М., 1966.

Глагольное предложение в русском языке

З. Н. Новоженова

Гданьский университет (Польша)

zln@o2.pl, nowozenowa@rambler.ru

Свойства предложения, функции глагола, глагольное предложение, предложение с глаголом

Summary. Russian verbal sentence is being analyzed through the perspective of basic sentence's characteristics: its propositional aspect, predicativity, copulativity (coherence). The author suggests, that in Russian there are verbal sentences and sentences with verbs. The corpus of Russian verbal sentences has field structure.

Природа глагольного предложения в русском языке определяется спецификой участия глагола в формировании фундаментальных свойств предложения: пропозитивности, предикативности, копулятивности. Глагол в предложении обладает множественностью функций, что позволяет дифференцировать его роль в формировании высказывания.

Основными глагольными функциями в предложении являются предикатно-пропозитивная, актуализационная, копулятивная и прогнозная -рующая, т. к. в единстве они позволяют глаголу быть одним из главных компонентов, формирующих высказывание и эксплицирующих предложенческие категории. Глагол, в силу своей грамматической устроенности, дающей ему возможность актуализировать пропозитивное содержание, синтезировать грамматическую и семантическую информации, стремится целиком принять в языке функцию предиката. Являясь предикатом в своем основном значении, глагол организует базовые изосемичные модели предложения. В этом случае реализуется еще одна глагольная функция — прогнозирующая.

Тенденция к закреплению предикатно-пропозитивной функции за глаголом активизирует семантические и словообразовательные процессы в области глагольной лексики.

Однако универсальной глагольной функцией являются не предикатная, а предикативная (актуализационная) и копулятивная (связочная) функции. Эти функции «обнажаются» в глаголе в том случае, когда в предложении имеется иное предикатно-пропозитивное средство. «Расщепление» и редукция функций в глаголе изменяет его статус в высказывании: утрачивая роль предиката, глагол выступает в предложении как модификатор, экспликатор, актуализатор, компенсатор, компликатор, копулятор. Предложения с глаголами, выполняющими перечисленные функции, либо не являются глагольными, либо имеют ослабленную глагольную. Таким образом, в русском языке существуют глагольные предложения и предложения с глаголом.

В русском языке действуют две тенденции: с одной стороны, стремление закрепить за глаголом предикатно-актуализационную роль, роль «конструктора» высказывания, с другой — расширить конструктивно-синтаксические возможности формирования высказывания у иных языковых средств. Этим и объясняется тот факт, что наряду с глагольными предложениями для русского языка типичными являются безглагольные простые предложения, находящие для формирования высказывания и выражения предложенческих категорий иные средства, «компенсирующие» морфологию глагола.

Следствием функционально-синтаксических процессов является возможность утраты глаголом частично или полностью лексического значения — процесс десемантизации глагола до полной его грамматизации. Данный процесс является продуктивным для русского языка.

Во взаимоотношениях типового значения предложения и значения глагола, имеющих в основе когнитивные процессы, связанные с концептуализацией и категоризацией действительности, ведущую роль необходимо признать за типовым значением предложения. Динамика взаимоотношений значения предложения и глагола (на различных уровнях абстракции) отражается в явлениях изосемизма / неизосемизма значения глагола и предложения, десемантизации (делексикализации), грамматизации и лексикализации глагола, «приращения» смыслов в глаголе до его метафорического и метонимического переосмысления.

Основными принципами организации массива глагольных предложений является системный принцип и принцип поля. Единицы поля находятся в отношении корреляции, в которой реализуются системные свойства и антропоцентрическая установка: ядерная и периферийная зоны обнаруживают разную степень и разный ракурс ориентированности на говорящего человека — «представителя рода».

Единицы ПП связаны отношениями номинативно-семантической и грамматико-синтаксической корреляции. Для семантической организации поля релевантным является регулярность проявления семантической инвариантности для группировок единиц центра и периферии. В ядерной зоне

ППП находятся предложения с простыми и аналитическими (Vf + inf) предикатами, в приядерной зоне располагаются предложения с компликаторами, на периферии с компенсаторами-экспликаторами, модификаторами, копуляторами.

Выбор конкретных глаголов для предикатной роли в определенных структурно-семантических типах предложения, находящихся в разных точках ППП, степень необходимости и шкала выявленности структурно-семантических свойств глагола определяются коммуникативно-прагматическими установками и номинативными интенциями говорящего субъекта.

Другим результатом последовательного вербоцентрического устройства ядра ППП является разнообразие мо-

делей и внутримодельных разновидностей, что в свою очередь обусловлено вариативностью лексико-семантических групп глаголов, их организующих, специализированных языком для выражения определенного пропозитивного содержания.

Изосемичность глагольного предиката и типового значения предложения фиксирует совпадения не только семантических планов, но и дает рефлексии на структурном уровне.

Литература

1. Новоженова Зоя. Русское глагольное предложение: структура и семантика. СПб, 2001.

Гермы сложного синтаксического целого

И. С. Папуша

Московский государственный областной университет

lastotchka@flexuser.ru

Сложное синтаксическое целое, герм, поле языкового напряжения

Summary. In clause such features of complex syntactic whole, as a field of a language pressure and forming it germs, through which system it is expressed intention and aimassembling of the author, microidea and the latent senses of given grammatical unit are considered.

Сложное синтаксическое целое в современной лингвистике рассматривается преимущественно как структурно-семантическая единица языка / речи, «большая, чем предложение, и являющаяся компонентом более крупных отрезков текста» [2: 15]. Сферой реализации сложного синтаксического целого является текст, где данная грамматическая единица на равных с другими грамматическими единицами проявляет собственные семантические, структурные и функциональные особенности. Как специфический показатель линейной структуры сложного синтаксического целого мы выделяем герм. Автор, отбирая языковой материал, не может не использовать единицы всех языковых уровней, но когда он выделяет определенные языковые единицы на всех (или нескольких) языковых уровнях, то в рамках ССЦ они приобретают дополнительную функцию, отражая смысловые «узлы» целеустановки автора. Такое явление, наблюдаемое только в сложном синтаксическом целом, и есть герм.

Герм (от греч. herma — межевой знак, указатель на дороге) — такой компонент сложного синтаксического целого, в котором значения и формы нескольких языковых уровней, сконцентрированные в отрезке линейной структуры (в слове, словосочетании, ряде однородных членов и т. д.), одновременно становятся сигналом особых смыслов, значимых для автора и конкретизирующих его позицию. Герм не бывает меньше слова и больше простого предложения или предикативной части сложного предложения. В каждом конкретном случае его длина определяется по смежным компонентам, по их синтаксической роли, по степени аккумуляции языковых показателей разных уровней. В связи с тем, что герм характеризуется компрессией языковых средств выражения, его нельзя уподобить речевому такту, дыхательной группе, колонну, синтагме и проч., хотя иногда он совпадает с ними по длине, но представляет явление другого плана, возникающее только в границах сложного синтаксического целого.

Гермы фиксируются и дифференцируются по количеству задействованных языковых категорий разных уровней: чем больше признаков единиц разных уровней использованы в герме, тем более значим этот компонент для автора, тем более адекватно он воспринимается реципиентом. Сигналом герма может стать любая акцентированная автором языковая категория или форма. В процессе анализа сложных синтаксических целых разных функционально-семантических типов нами были выявлены следующие частотные показатели герма:

- на фонетическом уровне — употребление в одной синтагме групп согласных (сонорных, задненебных, шипящих и т. п.); зияния; слова, содержащие большое количество слогов; ритмическая организация и др.;
- на морфемном уровне — варианты морфов в словоформах; наличие алломорфов; употребление однокоренных слов; повторение приставок и суффиксов; синонимия, антонимия, омонимия приставок и суффиксов; наличие стилообразующих суффиксов и др.;

- на лексическом уровне — необщепотребительные слова; слова пассивного запаса; использование синонимов, антонимов, омонимов; разные значения многозначного слова; фразеологизмы; стилистически окрашенные слова и др.;
- на морфологическом уровне — количественное соотношение частей речи; особенности употребления грамматических категорий частей речи; повтор словоформ; синкретичные слова и словоформы и др.;
- на синтаксическом уровне — повтор словосочетаний одного типа; особые грамматические формы главных и второстепенных членов предложения; особенность употребления ряда однородных членов предложения; специфика употребления обособленных членов предложения; наличие вводных конструкций; особенности структуры сложного предложения; взаимодействие средств синтаксической связи предикативных частей и предложений; порядок расположения частей сложного предложения относительно друг друга; типы многочленных сложных предложений и др.

В совокупности гермы сложного синтаксического целого образуют поле языкового напряжения, в котором за счет грамматических показателей актуализируются смыслы, что позволяет адекватно определить значимость выделенных языковых единиц. Поле, объективно возникая в замкнутой по строению и семантике группе предложений, имеет как зону высокого (показатели пяти языковых уровней), так и зону низкого (один-два уровня) напряжения, потому что именно сопоставление этих зон проявляет значимость определенных единиц. Без сопоставления зон поля языкового напряжения языковые единицы не могут демонстрировать приоритеты автора и обесцениваются как база приращения смыслов. Поле языкового напряжения, образуемое системой гермов, является основой вторичного синтеза, т. е. носителем не темы, а микроидеи сложного синтаксического целого. Герм — всегда сигнал особых смыслов, которые могут как соответствовать теме, так и не соответствовать ей — это зависит от интенции автора. Полагаем, что интерпретация смыслов возможна только на сопоставлении значимых семантико-грамматических форм, а их значимость измерима только в поле языкового напряжения: каждая языковая единица, входящая в сложное синтаксическое целое, имеет тот набор формальных показателей, который предписан как грамматической организацией, так и семантическим критерием конкретного сложного синтаксического целого. Звук, морфема, слово, словосочетание, синтаксический оборот и т. д., если реализуются в герме, то аккумулируют через свои языковые и грамматические категории замысел автора, отражаемый в структуре перепадов языкового напряжения.

Функциональную значимость любой языковой единицы можно выявить, исходя «из понятия сложного синтаксического целого как синтаксической единицы, служащей для выражения сложной законченной мысли, имеющей в составе окружающего ее контекста относительную независимость, которой обычно лишено отдельное предложение в

контексте связной речи» [1: 51]. Существенно то, что эта значимость возникает по языковому фактору: интегративность языковых особенностей — прерогатива не автора, а языка. Язык содержит всю множественность словоформ, вариантов словосочетаний, синтаксических структур — автор продуцирует ССЦ, используя единицы языка как данность. Но значимость языковые единицы приобретают в рамках сложного синтаксического целого в силу своей позиции и комплекта языковых особенностей, и это является

определяющими факторами для дифференциальных и функциональных характеристик герма.

Литература

1. *Поспелов Н. С.* Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Докл. и сообщ. Института русского языка АН СССР. Вып. 2. М., 1948.
2. *Реферовская Е. А.* Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. М., 2007.

Проблема грамматического статуса осложненного предложения и типологии осложняющих конструкций

Н. В. Патронева

Петрозаводский государственный университет.
kafrus@psu.karelia.ru.

Осложненное предложение, обособленные конструкции, полипропозитивное предложение, вводные конструкции, обращение, парантеза

Summary. The problem of definition of so-called “oslozhnennyye predlozheniya” and the typology of constructions that create monopredicative but polypropositive and polyrhematic structure is discussed in the report.

Термин «осложненное предложение» вошел в лингвистический обиход в конце 1950-х годов, когда была опубликована известная монография А. Г. Руднева «Синтаксис осложненного предложения» (М., 1959). Несмотря на достаточно большое количество работ, посвященных этому типу грамматических конструкций, за истекшие пять десятилетий не все способы осложнения элементарной структуры выявлены и описаны, к тому же определение взаимосвязи всех таких способов в структуре предложения остается проблемой», не существует до сих пор точной дефиниции понятия «осложнение».

По традиции к конструкциям, осложняющим простое предложение, относят однородные члены, обособленные обороты, вводные и вставные компоненты, обращения, хотя авторы многих учебников и учебно-методических пособий для вузов отмечают при этом пестроту и разнообразие явлений, связанных с осложнением элементарной предикативной структуры, отсутствие единого критерия их выделения. В научной литературе, между тем, существуют и иные толкования границ осложняющих явлений: если одни исследователи считают осложняющими синтагмами только полупредикативные обособленные обороты, то другие расширяют круг традиционно выделяемых в этом разделе синтаксиса конструкций и причисляют к ним также событийные имена, присоединительные синтагмы, сравнительные обороты, сегментированные члены предложения.

Некоторые синтаксисты (В. А. Белошапкина, З. К. Тарланов) вообще не принимают термина «осложненное предложение», предлагают отказаться от устоявшейся практики объединения столь неоднотипных по своей грамматической сущности конструкций, как однородные и обособленные члены, вводные и вставные синтагмы, обращения, под знаком осложнения предложения. К тому же, по мнению исследователей, семантическая сложность (полипропозитивность) не составляет специфики только осложненных предложений, так как семантически сложными могут быть и многие монопредикативные структуры. По нашему мнению, «осложнение предложения с грамматической точки зрения заключается не в том, что в его содержании отражена более чем одна ситуация (пропозиция), а в наличии определенного типа синтаксических связей и отношений.

По нашему мнению, осложнение элементарной структуры предложения — одно из важнейших грамматических явлений, связанное с функционированием особых типов синтаксических конструкций, образующих иерархическую систему, ядром которой являются обособленные полупредикатив-

ные синтагмы. Что же объединяет столь различные, на первый взгляд, синтаксические явления в единую систему (синтаксическое «поле», в терминологии, известной современной функциональной грамматике)?

Во-первых, все эти структуры формируются на уровне предложения, что приводит к тем или иным изменениям в общем предикативном плане (прежде всего в результате введения дополнительных модально-временных координат иной ситуации, усложнения актантно-предикатных отношений) основной синтаксической единицы, к сокращению количества форм в парадигме содержащего усложнитель предложения.

Во-вторых, введение осложняющей синтагмы обуславливает возникновение новых видов грамматических связей, значений (полупредикативных, пояснительных, присоединительных и др.). Подчинительные связи уровня словосочетания (между грамматическим центром и его присловными распространителями) при усложнении элементарной предикативной структуры дополняются связями двунаправленными, сугубо предложеческого уровня (при одновременной зависимости от двух членов предложения или соотношении со всем высказыванием в целом), принадлежащими другому уровню синтаксической иерархии. Осложняющие конструкции, не включаясь в основную линейную цепочку словоформ, образуют в предложении своего рода «надстройку», второй конструктивный план», «второй этаж», как бы накладываясь на элементарное распространение предложения и находясь в иной семантико-синтаксической плоскости. Эта «надстройка» является носителем «свернутой», «вторичной» предикативности.

В-третьих, обязательным условием существования усложняющих элементов является «неделимая синтагма», в оформлении которой важную роль играют, наряду с морфологическими показателями, интонация, порядок слов, служебные слова (например, сравнительные, присоединительные, пояснительные и другие союзы, специальные частицы и т. п.).

В-четвертых, усложняющие компоненты вводят добавочные и подчеркивают уже имеющиеся в предложении тематические центры, усложняя актуальное членение высказывания.

В-пятых, будучи связанными как с диктумом, так и с модулем сообщения, активно участвуя в авторизации и диалогизации дискурса, в создании внутритекстовой когезии, усложнители являются средствами синтаксического дейксиса, актуализируя компоненты речевой ситуации (говорящего, адресата, временную и пространственную локализацию сообщаемого факта) и денотативного содержания высказывания.

Прагматический потенциал предложений переходных коммуникативных типов

Н. А. Печникова

Московский педагогический государственный университет
natpechnikova@rambler.ru

Коммуникативные типы предложений, семантика, прагматика, переходность

Summary. The research deals with peripheral communicative types of sentences in the aspect of their pragmatic potentials.

Нетипичные, переходные явления коммуникативного синтаксиса современного русского языка (в разных терминологических системах: несобственно-вопросительные предложения, псевдопросы, вопросительно-отрицательные и воп-

росительные предложения, псевдопросы, вопросительно-отрицательные и воп-

росительно-утвердительные, вопросительно-побудительные предложения, вопросительные предложения с повествовательным и побудительным значением, косвенно-побудительные высказывания и т. д.) исследовались в разных аспектах. Уже стало общепринятым положение о несоответствии формальных свойств и функциональной направленности подобных высказываний, представлением об их периферийном расположении относительно типичных, традиционных структур, в которых употребляются специализированные языковые средства.

Вместе с тем обращает на себя внимание разнообразие нетипичных форм, их устойчивость и широкое распространение в речи. Многие стали привычными речевыми формулами, говорящие достаточно часто отдают предпочтение именно имплицитному выражению целеустановки.

Что же дает использование нетипичной формы? Каков коммуникативный, прагматический эффект употребления «несоответствующей» структуры?

Примеры взаимодействия двух значений целеустановки достаточно широко представлены в литературе: *Не хотите ли прогуляться?* (вопрос и побуждение); *Как же не помочь хорошему человеку?!* (вопрос и эмоциональное суждение); *Вот бы нам никогда не расставаться!* (желательность и побуждение) и т. д. Заметим, что оба компонента проецируются на уровень взаимодействия с собеседником и именно в сочетании оказываются значимы для прагматической направленности высказывания.

Кроме того, в реальной речевой практике не менее часто используются модели, в которых взаимодействуют три и даже все четыре типа значений: *Надо бы встретиться, поговорить* (сообщение о необходимости, желательность, побуждение); *Как бы нам побыстрее закончить?* (вопрос, желательность, побуждение); *Как вы можете над этим смеяться!* (остаточные явления вопросительности, эмоциональное суждение, побуждение); *Почему бы нам не отправиться в путешествие?* (желательность, вопрос, косвенное утверждение возможности действия, побуждение).

Здесь не просто одно значение выражается через другое, а под влиянием тех или иных обстоятельств происходит осложнение речевого намерения говорящего: изначальные интенции корректируются, сочетаются с другими, осложняя семантику высказывания и создавая на поверхностном уровне своеобразное (на наш взгляд, мнимое) противоречие.

Очевидно, что только типичные средства не удовлетворяют всем потребностям реальной коммуникации. Переходные явления, возникающие на пересечении двух и более типов, позволяют воплотить в одном высказывании целый комплекс собственно содержательных, экспрессивных и прагматических установок говорящего.

Существуют определенные закономерности взаимодействия элементов целеустановки (интенций говорящего) и, соответственно, закономерности семантического осложнения высказываний того или иного типа.

В целом употребление нетипичных средств характеризуется богатыми потенциальными возможностями в варьировании семантики высказывания и способов наиболее эффективного воздействия на собеседника. Наблюдения за их функционированием выявляют ряд преимуществ этического, экспрессивного, содержательного характера.

Таким образом, только на первый взгляд может показаться, что нетипичные, нетрадиционные способы выражения цели высказывания (переходные типы предложений, косвенные речевые акты) — это слабые периферийные средства, достигающие цели коммуникации не напрямую, а своеобразным «окольным путем» и, соответственно, уступающие по силе воздействия типичным формам. В действительности это емкие, экономные, гибко приспосабливающиеся к различным коммуникативным условиям средства, эффективно решающие несколько прагматических задач одновременно.

Литература

1. Иосифова В. Е. Употребительность в естественном диалоге прямых и косвенных речевых актов, выражающих побуждение (на материале устной речи жителей г. Калуги): К проблеме изучения языка города: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Калуга, 2005.
2. Калинина А. А. Структурные и семантические свойства синкретичных предложений, выделяемых по цели высказывания: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988.
3. Кудряшов И. А. Конструкции с косвенным императивным смыслом в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1998.
4. Малахова О. А. Функционально-семантическое поле вопросительности в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2005.
5. Москаленко Е. Н. Функционально-семантическое поле побуждения в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Таганрог, 1999.
6. Печникова Н. А. Эффективность косвенного выражения побуждения // Тезисы Международной конференции «Вызовы XXI века — поликультурный и многоязычный мир». 2–4 июля 2009 г. М., 2009.
7. Сёрль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов / Сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова; общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М., 1986. С. 195–222.
8. Цурикова Л. В. Вопрос и прагматический диапазон вопросительного предложения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1992.

Синтаксическое слияние и расчленение: генезис, динамика, современные сферы бытования

Е. А. Покровская

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

orlet16@virgilio.it

Синтаксическое слияние, синтаксическое расчленение, парадигма культуры, поток сознания

Summary. Separation and merging of syntax structures, originated in colloquial speech, have appeared in Russian literature due to the new paradigm of culture, modernism, in the early XX-th century, revealing a strong tendency to intimisation, conscious stream. Having gained the status of the language of the epoch markers, many of them are vastly used nowadays in the different functional styles, advertising, chat, E-mail and SMS spheres.

1. В актуализирующей художественной прозе [1] начала XX века возникают две разнонаправленные тенденции — к синтаксическому расчленению и синтаксическому слиянию, которые и формируют новый тип прозы, разительно отличающий ее от прозы классической, иерархической. «Обновление языка в модернистской прозе происходит прежде всего за счет обновления и работы над синтаксическими конструкциями; не над словом, а над предложением» [4: 240].

Тенденцию к синтаксическому расчленению впервые отметила Н. Д. Арутюнова в указанной выше работе. К конструкциям расчленения можно отнести: неграмматическое обособление второстепенных членов, вставные конструкции, парцелляция, неполное предложение и неполная конст-

рукция с прямой речью, сегментация. В этих конструкциях расчленение создается различными средствами:

1) Линейными — расчленение единой синтаксической единицы достигается введением структуры того же или иного семантического плана;

2) Интонационными (а следовательно, пунктуационными) — сегменты могут иметь разную степень интонационной самостоятельности:

- а) равную фразе — высшая степень;
- б) интонационное единство нарушено вставным сегментом — средняя степень;
- в) интонационное единство нарушено в минимальной степени.

3) Структурно-семантическими — полная разорванность цепочки синтаксических связей и отношений из-за отсутствия насыщающего их компонента (компонентов).

Каждая из конструкций расчленения обладает своим набором признаков, то есть набор создающих расчленение средств специфичен для каждой конструкции.

Их сопоставление, схематически представленное в таблице, позволяет наглядно представить единство всех четырех конструкций: все они создают расчленение предложения, используя те же самые средства, но в разном наборе и соотношении (см. таблицу 1).

Все они — конструкции выразительные, их экспрессивность основана на эффекте обманутого ожидания.

Тенденции к расчленению противостоят и одновременно дополняют ее, формируя своеобразный синтаксический облик современной прозы, тенденция к слиянию, которая выражается в

- использовании бессоюзной недифференцированной связи в сложном предложении для выражения причинных, изъяснительных, противительных, временных отношений без нормативных знаков препинания, приближая эти отношения к перечислению одновременно или последовательно происходящих фактов, т. е. нивелируя более сложные смысловые взаимосвязи;
- в использовании слабых связей на месте более сильных;
- в переплетении различных субъектных сфер и отказе от традиционных сигналов введения новой сферы сознания;
- в слиянии репрезентирующего и репрезентируемого компонентов конструкции с прямой речью, в слиянии форм чужой речи, в слиянии реплик различных персонажей в единое целое — иными словами, в различных деформациях, которые претерпевают конструкции с чужой речью, попадая в поток сознания повествователя, рассказчика.

Таблица 1. — Средства, создающие расчлененность синтаксических конструкций

Конструкции	Интонационные			Линейные		Структурно-семантические
	max	med	min	Одного семантического плана	Разных семантических планов	
Неграмматическое обособление второстепенных членов			+	–	–	–
Вставные конструкции		+			+	–
Парцелляция	+			±		
Неполное предложение и КГП			±			+
Сегментация			+	+		–

2. Представляется, что появление тенденций к синтаксическому слиянию и расчленению в языке художественной прозы связано с тем, что XX век принес в мировую культуру невиданный доселе взлет новой культурной парадигмы, истинную революцию эстетическую, которые современные исследователи не раз поставят в ряд с революцией социальной. «Культуру XX века не раз назовут «культурой наоборот», иначе говоря, нигилистической культурой, перемоловшей в своей дьявольской мясорубке многие традиционные ценности, которые поспешно освобождались от «слишком человеческого» и погружались в глубины иррационального хаоса» [2: 163].

Модернизм противопоставил реализму, с его установкой на художественное отражение, воспроизведение действительности, — моделирование своей картины мира, своей, авторской реальности, иначе говоря, реальности противостоит текст. Автор моделирует свою позицию как творца-демиурга, позицию читателя и, наконец, рассказчика, учителяющего позицию читателя. Реальность растворяется в аллюзиях, реминисценциях, зеркальном отражении одного в другом. На смену позитивистского понятия реальности, которая первична, приходит понятие текста, который отражает не реальность, а авторскую картину мира. Отсюда — интимизация текста (или субъективизация), преломление всего происходящего, пространства и времени сознанием автора-рассказчика — персонажа, чьим восприятием организован текст.

Процесс формирования новой парадигмы культуры порождает появление в языке художественной литературы «слабых» конструкций разговорной речи [3], таких, как конст-

рукции с плеонастическим местоимением, присоединительные конструкции, неграмматическое обособление второстепенных членов предложения (вплоть до отсутствия всех главных членов и даже всех знаменательных слов в предложении). Однако, придя в художественную литературу из разговорной речи, где они употребляются неосознанно, являются результатом ее спонтанного характера, в художественной прозе они преобразились в яркие экспрессивные средства субъективизации текста, имитации его спонтанности, разговорности, потока сознания.

3. Этот процесс был первой ступенью освоения литературным языком этих синтаксических новаций. На второй ступени они переходят в публицистику и в язык художественных произведений авторов, не тяготеющих к новаторской парадигме культуры. И наконец, явления, формирующие тенденцию к синтаксическому расчленению (парцелляция, радикальная неполнота предложения, ненормативная пунктуация), проникают уже в наше время в научный стиль, способствуя субъективизации ряда научных текстов, в такой жанр делового стиля, как деловое письмо, а также в рекламные тексты. Разумеется, они оказались востребованы в сфере интернет-чатов, e-mail, sms.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. О синтаксических типах художественной прозы // Общее и романское языкознание. М., 1972. С. 23–31.
2. Батракова С. П. Художник XX века и язык его живописи. М., 1996.
3. Левин В. Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971. С. 9–96.
4. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М., 1999.

Роль связки в выражении фазисного значения именного сказуемого

Л. В. Попова

Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск)

popov.vasily@pomorsu.ru

Именное сказуемое, связка, фазисное значение

Summary. In this report the copulas of a nominal predicate with the phase value are considered. It is emphasized, that the values of the phase of copulas are not caused by allocation of an initial, medial or final phase in a situation of a condition or possession an attribute, and determined by a reference value of «change» of an attribute or a condition.

В докладе рассматриваются связки именного сказуемого, проявляющие значение фазисной оценки предикативного признака. Подчеркивается, что значения фазисных связок опираются, прежде всего, на значение **изменения** признака или состояния, а не на выделение начальной, серединной или конечной фазы в ситуации состояния или обладания признаком.

1. Пассивный (именной) предикативный признак, несмотря на отсутствие связи с ситуацией процесса, действия, имеет аспектуальные (в том числе и фазисные) характеристики. Глагольная связка является основным средством выражения аспектуальных значений именного сказуемого. Фазисная детерминация — один из компонентов качественной аспектуальности. В именном сказуемом фазисное зна-

чение характеризуется дуплановостью и опирается на использование разных показателей: 1) фазовых формальных глаголов (*начать, продолжать, перестать, окончить* и под.) и 2) фазисных связок. Значения связок взаимодействуют со значениями фазовых глаголов.

2. Система значений связок, определяемых как фазисные (*стать, становиться, делаться, сделаться, оставаться*), складывается вокруг значения «изменения» предикативного признака. Значение изменения осознается на основе сопоставления со связкой *быть*, выражающей значение наличия признака *быть — стать, делаться*. Значение изменения предикативного признака является инвариантным значением всех фазисных связок. Различные оттенки (превращение, результативность, нарастание, уменьшение признака и др.) представляют собой варианты этого значения. Основными, нейтральными связками, обозначающими изменение признака, являются связки *стать / становиться, делаться / делаться*.

Значение изменения не отождествляется со значением начинательности. Так, например, связка *стать* может проявлять оттенок результативности, достижения цели: *Я сдал экзамены и стал студентом* или оттенок будущего отдаленного: *Будешь разумным мальчиком, станешь профессором* (В. Аксенов).

3. Значения фазисных связок представлены бинарной оппозицией «изменение — стабильность (сохранение, продолжение проявления) признака». Стабильность понимается как «отсутствие изменения»: *Дверь в вестибюль долго оставалась открытой* (В. Аксенов).

4. Кроме основных, специализированных связок, значения изменения обнаруживают интерпретационные фазисные связки (*превратиться, оборотиться, обернуться, перевернуться*). В их значении, кроме указания на изменение признака, присутствует момент оценки, экспрессивности, эмоциональности. К интерпретационным фазисным значениям отнесем значение **превращения**, которое можно определить как внезапное или необратимое изменение признака. Употребление глагола *превратиться* в ситуации, когда можно использовать основные, нейтральные связки *стать, делаться*, означает, что для говорящего становятся важными такие особенности протекания ситуации, как вне-

запность, мгновенность, неожиданность, неуследимость, бесконтрольность изменения признака: *Революция превратилась для нас в «огражающую обстановку»* (Ю. Анненков); *Зубр же, покинув уральскую лабораторию, превратился в рядового биолога* (Д. Гранин).

5. Связочные значения, в том числе и фазисные, могут взаимодействовать со значениями формальных фазовых глаголов. Фазовые глаголы (**операторы, модификаторы**) проявляют абстрактные значения начала и конца, обусловленные этапами протекающего во времени состояния, и передают аспектуально-фазовую характеристику всего сказуемого. Эти значения квалифицируются как «припредикатные» значения, главным образом, глагольного сказуемого. Применительно к семантике именного сказуемого речь может идти о начале, продолжении и конце интервала существования предикативного признака (состояния или качества). Начало и конец понимаются как крайние точки интервала ситуации проявления **одного** предикативного признака. Начало означает, что предикативный признак, не существовавший ранее, существует в данный момент. Конец означает, что признак, существовавший ранее, не существует в данный момент. Продолжение означает, что признак существует в интервале между началом и концом.

6. Употребление фазовых глаголов в именном сказуемом обусловлено степенью грамматизации глагольной связки, а также семантикой именной части. Фазовые глаголы могут сочетаться с предикатами, обозначающими длящуюся ситуацию тождества, подобия, кажимости: *Улица перестает быть улицей* (К. Бальмонт); *Первое время Бунин продолжал пребывать в глубокой депрессии* (А. Саакянц). Целостные ситуации, не проявляющие значения длительности, не могут быть представлены с точки зрения фазы. Например, связки *состоять (в), заключаться (в), составлять*, выражающие значение сущностного содержания предмета, не сочетаются с фазовыми глаголами.

Таким образом, в выражении фазисного значения именного сказуемого участвуют не только формальные фазовые глаголы, но и связки, в семантике которых актуализируется значение изменения предикативного признака. Фазисные значения являются одним из типовых связочных значений.

Фразеологизованные риторические вопросы в русском языке и их виды

Е. С. Приходько

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Московской области «Международный университет природы, общества и человека „Дубна“» (Международный университет «Дубна»)

ev.prikhodko@gmail.com

Риторические вопросы, фразеологизованные структуры, коммуникативы, аргументативные высказывания, реактивные высказывания, деонтические высказывания

Summary. Rhetorical questions are interrogative in their form but declarative in their meaning. There are certain indicators of different language levels that serve to differentiate between genuine and rhetorical questions. One of the most explicit indicators of declarative meaning is phraseology of different level and degree. Moreover, such phraseological structures express fixed meaning and specify the usage of particular rhetorical questions in the speech.

1. Риторические вопросы (далее РВ) — это вопросительные по своей форме структуры, выражающие невопросительное значение. Для различения вопросительного и невопросительного значений вопросительных предложений существуют сигнализаторы разного уровня. Среди них особая интонация РВ, несвязанность с предшествующим участком дискурса, наличие определенных лингвистических аспектных ограничений и т. д. Одним из наиболее ярких сигнализаторов является фразеологизованность разного уровня и степени. Она не только сигнализирует о невопросительном значении и позволяет отличать РВ от собственно вопросов, но и разные фразеологизованные модели выражают разные фиксированные значения и обуславливают функционирование конкретных РВ в речи.

2. В различных языках существуют разные устойчивые модели, которые используются как РВ. Во многих случаях они не имеют соответствия в других языках. Ср.: *Кто за тебя посуду будет мыть? Пушкин?* — *Who is going to do the washing-up for you? Robert Frost? И наоборот: *Is Pope Catholic? (Does fish swim?)* — *Святейший Папмуарх православный? (Рыбы плавают?).

3. Существуют разные типы клише и устойчивых моделей, которые используются для образования РВ. Степень фразеологизованности может быть разной и касаться различных уровней языка. Конвенционализованной может быть синтаксическая структура, лексико-семантическое наполнение (внутренняя форма вопроса), лексическое наполнение, а также и определенные структуры СФЕ.

4. Фразеологизованность может быть полной и представлять собой идиому с застывшим лексическим составом. *Ты с ума сошел?, Откуда мне знать?, На кого ты похож?, Что ты мелешь (несешь)?* Подобные коммуникативы [4] имеют свое собственное фиксированное значение, которое обуславливает особенности функционирования данной структуры в речи. Большая часть из них является реактивными РВ, то есть реакцией на некий стимул Q [3], который говорящий (далее Г) считает «неправильным» в широком смысле этого слова (например, ложным, неуместным, неразумным, неоправданным, несправедливым, незаконным и т. д.).

5. В меньшей степени фразеологизованы РВ, которые состоят из клишированной лексико-синтаксической части (матрицы) и переменной (Р) — прагматической пресуппо-

зиции. В реактивных РВ Р описывается через его обратную констатацию, например, *Кто (тебе) сказал, что Р? Да кто тебе сказал, что он придет?* — Г считает, что на самом деле не Р (*он не придет*). В деонтических РВ Р не отрицается, а описывается напрямую. С точки зрения Г описываемое в подобных РВ Р не должно быть, так как оно «неправильно» с моральной, этической точки зрения. Г считает, что должно быть не Р. *И какой идиот (дурак) решил (сделал, сказал), что Р? — И какой идиот решил, что приделать ручку так низко будет удобно всем? Какого черта (дьявола) Р? — Какого черта ты мне все время указываешь?*

6. Часто конвенциональность касается синтаксической структуры и ее лексико-семантического наполнения (У): *(Да) Какой он У* [профессия, выполнение которой предполагает наличие определенных способностей]? *Да какой он артист?*

7. Наименьшей степенью конвенциональности обладают фиксированные синтаксические модели. В подобных структурах могут реализовываться различные значения. Тем не менее, они продолжают выполнять свою главную функцию — служат сигнализатором невопросительного значения РВ. Чаще всего подобные структуры используются для образования аргументативных РВ, которые используются как

средство убеждения адресата в точке зрения Г. Например: *Если Р, то зачем Z? Если нет разницы, то зачем платить больше?*

8. В докладе предполагается выделить и проанализировать эти и другие фразеологизованные (конвенционализованные) типы и модели РВ в связи с закрепленными за ними значениями и функционированием в речи.

Литература

1. Бердник Л. Ф. Вопросительные предложения с повествовательным значением в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Д., 1974.
2. Дорошенко А. В. Побудительные речевые акты и их интерпретация в тексте (на материале англ. языка). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986.
3. Степанова Е. Б. О значении риторического вопроса. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. «Филология». 1986. № 2.
4. Шаронов И. А. Коммуникативы и методы их описания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог'2009». М., 2009.
5. Шатуновский И. Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения. // Агрессия в языке и речи. М., 2004.
6. Schaffer D. Can rhetorical questions function as retorts? Is the Pope Catholic? // Journal of Pragmatics. 2005. 37.

Об одном типе условно-уступительных конструкций

И. Ф. Рагозина

Международный университет природы, общества и человека «Дубна»

vadeeva@mail.ru

Импликация, антиимпликация, условие достаточное и / или необходимое, положительно-отрицательная трансформация

Summary. The paper is devoted to investigating non-indicative conditional-concessive constructions with the particle *бы*. Two basic models of such constructions have been found, these models differ by positioning negation in their different parts. The role of a third component has been determined as that of a concession operator that transforms an implication into an anti-implication without contradiction.

Объектом нашего рассмотрения являются не все условно-уступительные конструкции (УУК), а лишь неиндикативные структуры, первая часть которых объединяет в себе ирреально-условный (*если бы*) и уступительно-противительный (*даже*) смыслы, последний нередко подчеркивается посредством употребления специального наречия во второй части конструкции (*все равно бы*). Ср.: *Даже если бы не было хорошей погоды, мы все равно пошли бы гулять*. Цель работы мы видим в том, чтобы, опираясь на работы наших предшественников, разработать собственный метаязык описания подобного рода УУК.

Чаще всего о них упоминается в контексте исследования уступительности, которая трактуется как частный случай обусловленности [1]; [2]; [3]; [4]. За исходное мы принимаем толкование, предложенное В. С. Храковским: *даже если бы Р, не Q*: 'могла бы иметь место либо ситуация Р, либо ситуация не-Р; если бы реализовалась ситуация Р, то имела бы место и связанная с ней ситуация не-Q; говорящий знает, или считает, что из ситуации Р нормально должна была бы следовать ситуация Q' [4: 14]. При этом автор пользуется такими терминами, как импликация, обратная импликация со следствием, противоположным ожидаемому [4: 14], которыми будем пользоваться и мы, хотя и с некоторыми изменениями, чтобы приблизить их к их логическим прототипам.

Представляется, однако, что это толкование показывает нам две разных формулы, состоящие из двух частей: 1) исходная импликация: утвердительное условие (А) и такое же следствие (В) и антиимпликация: утвердительное А — отрицательное В (не-В), 2) исходная импликация: отрицательное А (не-А) — отрицательное же В (не-В) и антиимпликация: отрицательное А (не-А) и утвердительное В (В). Эти две антиимпликации лягут в основу следующих двух моделей наших УУК: 1) *Даже если бы и было А, то (все равно) не было бы В* и 2) *Даже если бы не было А, то было бы В*. Такое распределение отрицаний зависит от того, как сам говорящий воспринимает условие А в исходной импликации, выражающей «нормальную» связь ситуаций, предельно или как достаточное. Так, формулируя предложение (исходная импликация 1): *Если бы ты нас пригласил (А), мы пошли гулять (А)*, автор привлекает хранящуюся в памяти «норму», согласно которой А — достаточное условие (ДУ) для реализации В (приглашения достаточно, чтобы

состоялась прогулка). Если условие рассматривается как необходимое (НУ): прогулка состоится, только если будет приглашение, то возникает и вторая исходная импликация: *Если не будет приглашения (не-А), не будет и прогулки (не-В)*.

Каким образом нарушается гармония А и В в отношении отрицания, то есть возникает атиимпликация, а, значит и уступительный компонент «даже если бы»? Представляется, что в момент порождения УУК говорящий «вдруг» перестает рассматривать условие А как достаточное (ДУ), полагая, что и при реализации А В все равно не было бы реализованным: *Даже если бы ты нас пригласил (А), мы все равно бы не пошли гулять (не-В)*. Точно так же обстоит дело и с необходимым условием (НУ): прогулка состоится и без приглашения: *Даже если бы ты нас не пригласил (не-А), мы бы все равно пошли гулять (В)*. Получается таким образом, что условие, потерявшее в сознании свой необходимый или достаточный характер, уравнивается со своей альтернативой. Именно об этом свидетельствует наречное выражение *все равно*, которое явно или подспудно присутствует в главной части УУК. Отсюда и толкования в рамках первой и второй моделей: 'Он бы он нас пригласил (А ДУ) или не пригласил (не-А), все равно мы не пошли бы (не-В)' и 'Он бы нас не пригласил (не-А НУ) или пригласил (А), все равно пошли бы (В)'.

Все это происходит благодаря вмешательству некоего дополнительного фактора (Q), который и снимает антитезу, причем так, что антиследствие (не-В и В), выступающее таким по отношению к первому члену противопоставления, предстает по отношению к Q как самое настоящее, нормальное следствие. В логическом смысле Q представляет собой оператор уступительности, превращающий импликацию в антиимпликацию, не приводя к противоречию. Первая модель: *Даже если бы ты пришел (А), мы все равно бы не пошли гулять (не-В)*, потому что мы не сможем выйти из дома (Q). Вторая модель: *Даже если бы ты не пришел (не-А), мы все равно бы пошли гулять (В)*, потому что нам надо дышать воздухом в любую погоду (Q). Этот смысловой компонент фигурировал в формуле уступительности Р. М. Теремовой под названием «превосходящей причины» [3: 21], но мы предпочли бы квалифицировать его как решающий аргумент или мотив. Последний может быть как имплицитным, так и эксплицитным, то есть составлять бли-

жайший по отношению УУК контекст (чаще всего после-текст), оформляемый союзом *потому что* или допускающий постановку последнего.

Компонент, выражающий фактор Q, совпадает по качеству с антиследствием, это значит, что если оно отрицательное, то и Q является отрицательным и наоборот. Вот пример из нашего корпуса: *А как они в суде-то подвели?.. — Если б и не подвели (не-А), все равно бы тебя осудили! (В) — Да, надоел здешней публике! (Q)*. Толкование (вторая модель): 'Не подвели бы они (= не подстроили) (не-А НУ) или подвели (А), все равно бы тебя осудили (В), потому что ты надоел здешней публике (Q)'. Правда, есть немало случаев, когда отрицательный формант отсутствует в поверхностной структуре, и это касается не только компонента (Q), который является внешним по отношению к УУК, но и любой из ее частей. И, тем не менее, глубокий отрицательный смысл всегда может быть выведен на поверхность при помощи простейшей утвердительно-отрицательной трансформации или перифразы.

Речевое сокращение компаративных конструкций научного текста

Е. А. Ростоккина

Иркутский государственный университет

lenarostokkina@mail.ru

Теория речевого сокращения, синтаксис, стилистика, грамматическая семантика

Summary. This paper is devoted to the types of speech reduction in the scientific statements containing comparatives. The formal organization of such statements and the causes of speech reduction are investigated.

В настоящем докладе анализируются виды речевого сокращения, характерные для компаративных конструкций научного текста (далее КК). Изучаются причины опущения имени для объекта сравнения в исследуемых конструкциях. Предлагается типология КК с точки зрения их речевого оформления. Помимо случаев сокращения, в работе рассматриваются случаи восстановления КК.

1. Стилистические тенденции, влияющие на речевое оформление КК.

Для синтаксиса НТ характерны две противоположные, но в то же время взаимосвязанные стилистические тенденции: с одной стороны, упрощение, «облегчение» конструкции, с другой — ее усложнение, «восполнение».

2. Случаи восстановления КК.

Требование точности изложения заставляет автора либо редактора восполнять сильную валентность, придавая смысловую завершенность синтаксической структуре. Объект сравнения называется во всех случаях, когда его имя играет важную роль в процессе приращения информации, и в некоторых случаях, когда оно не столь существенно:

(1) *Исследователи языка Шиллера установили, что в нем содержится акустических выразительных средств в два раза больше, чем в языке Гёте* (М. Брандес. Стилистический анализ) [В предтексте не было упоминаний о языке Гёте].

(2) *...Каждый морф такого класса называется алломорфом; вместе с тем морфема есть единица более общая, чем алломорфы, т. е. принадлежащая более высокому, чем они, уровню языка* (Ю. Степанов. Основы общего языкознания).

3. Случаи сокращения КК.

Требованием предельной лаконичности изложения обусловливается тот факт, что автор (редактор) стремится к облегчению конструкции. Выделим виды сокращения, характерные для КК в научном тексте.

Вид 1. Эллиптированные конструкции КК. По закону экономии речевых усилий опускаются компоненты, легко восстанавливаемые при понимании.

Подвид 1. Контекстуальный эллипсис. При восприятии эллиптических конструкций данного типа мысленная компенсация опущенного звена происходит за счет обращения к контекстуальному содержанию (предтексту).

(3) *Однозначность действительно характерна для термина. И так как термины обычно употребляются в научном стиле, то этот же признак (однозначность) в известной степени начинает характеризовать и лексику научного изложения <...>*

<По сравнению с признаком однозначности> еще более уязвим другой признак научного стиля, сформулиро-

О такой сложной смысловой структуре, как 'ирреальность + уступительность' можно было бы сказать еще многое, пока же отметим, что полученные нами результаты подтверждают справедливость замечания Т. М. Николаевой о том, что именно эксплицитная трехчленность уступительности является наиболее интересной для лингвиста [1: 20].

Литература

1. Николаева Т. М., Фужерон И. Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами // Вопросы языкознания. 1991. № 1.
2. Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 2. М., 1980.
3. Теремова Р. М. Функционально-грамматическая типология конструкций обусловленности в современном русском языке. АДД. Лен., 1988.
4. Храковский В. С. Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология // Типология уступительных конструкций / Отв. редактор В. С. Храковский. СПб., 2004.

ванний Сэвори, — «неизменяемость значений слов в течение веков» (Р. Будагов. Литературные языки и языковые стили).

Стилистическое сокращение как разновидность кон-текстуального эллипсиса. Опускаются звенья, повтор которых ничем не оправдан. Таким образом устраняется «стили-стический дефект», тавтология:

(4) *Понятие «разговорная речь» и уже понятия «разговорный стиль» и шире, так как разговорная речь не всегда есть реализация лишь разговорного стиля литературного языка* (О. Сиротинина. Современная разговорная речь и ее особенности).

Понятие «разговорная речь» и уже понятия «разговорный стиль» и шире <понятия «разговорный стиль»>, так как разговорная речь не всегда есть реализация лишь разговорного стиля литературного языка.

Подвид 2. Логический эллипсис. Реципиент располагает системой коррелятивных понятий, которая формируется в условиях его научного опыта. Понятия в понятийной системе способны взаимно определять друг друга — этим отчасти и обусловлен тот факт, что при восстановлении конструкции на роль опущенного объекта сравнения реципиент выбирает член бинарной оппозиции. Кроме того, он руководствуется и тем, что такой вариант восполнения единственно либо наиболее логичный в данной коммуникативной ситуации.

Если учитывать только некоторые форманты звука, то его можно, хотя и приблизительно, связать с артикуляцией. Лучшее это удастся для гласных <чем для согласных> (Ю. Степанов. Основы общего языкознания).

4. Спорные случаи сокращения КК. Какой элемент конструкции сокращен: имя для объекта сравнения или интенсификатор?

(5) *Истинная монологическая речь <...> фактически несоместима с условиями появления разговорной речи. Такая реализация может быть <...> при отдаленности «трибуной», когда говорящий не строит каждую фразу с расчетом на немедленную реакцию, не предусматривает возможности переспроса и поэтому старается говорить четче, полнее* ([чем в условиях диалога] или 'старается говорить [как можно] четче; очень четко, очень полно; настолько четко и полно, насколько это вообще для него возможно?') (О. Сиротинина. Современная разговорная речь и ее особенности).

(6) *...Поскольку концентрация преобладающих диалектных признаков происходит вокруг различных центров, то диалекты поляризуются и между ними пролегают более резкие, чем прежде, лингвистические границы. Языков становится меньше, но различаются они меж-*

ду собой *больше* ([чем прежде] или 'различаются они [всё] больше?') (Ю. Степанов. Основы общего языкознания).

Формальный и, следовательно, семантический конфликт в научном тексте не является регулярностью, что в какой-то степени позволяет говорить о его непреднамеренном, естественном характере. Возникновение неоднозначности, мы думаем, связано с непоследовательностью речевого поведения пишущего. При переходе от «внутренней» речи к «внешней» автор опускает то, что ему хорошо известно и кажется само собой разумеющимся, понятным. Возможно, различия в семантике релятивного и абсолютного компаратива осознаются пишущим, однако игнорируются при правке текста как малозначимые в данном коммуникативном континууме.

Параметр вовлеченности vs. отстраненности в русских контактоподдерживающих конструкциях

Е. А. Савина

Калужский государственный педагогический университет им. К. Э. Циолковского

elenaasavina@yandex.ru

Вариативный ряд поддержания контакта, семантические параметры конструкций

Summary. The phatic constructions of support are systematically organized, and one of the main semantic parameters to classify them is the parameter of involvement vs detachment of the speaker.

Поддержание контакта является одной из реализаций фатической функции языка. Это особая целеустановка, которая реализуется через использование конструкций, принадлежащих одновременно и к другим вариативным рядам (согласия, уяснения, удивления, недоверия, положительной и отрицательной оценки и т. п.). Однако вариативный ряд поддержания контакта — достаточно цельная система, входящие в него конструкции объединяются и противопоставляются по семантическим и регистровым параметрам, не обязательно связанным с различиями в «исходных» целеустановках. Одним из таких сквозных, организующих вариативный ряд параметров является параметр вовлеченности vs отстраненности.

Для выбора конструкции, которая покажет собеседнику, что говорящий его слушает, слышит и считает его сообщением успешным, большое значение имеет то, позиционирует ли себя говорящий как участника обсуждаемой ситуации, находящегося «внутри» нее, или как стороннего наблюдателя «вне» ее. Многие конструкции поддержания контакта используются либо только в первом случае, указывая на вовлеченность говорящего в ситуацию, либо только во втором, подчеркивая его отстраненность от нее; есть, впрочем, и такие, которые могут употребляться в обоих случаях, т. е. не маркированы по этому параметру.

Рассмотрим диалог из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: — *А я получила письмо из Москвы. Мне пишут, что Кити Щербацкая совсем больна. — Неужели? — нахмурившись, сказал Вронский. Анна строго посмотрела на него: — Вас не интересует это?* Фатическая конструкция с исходным значением недоверия *Неужели?* маркирована параметром отстраненности, она может быть уместна как реакция заинтересованности на сообщение о проблемах чужого, постороннего человека, но не вполне соответствует прежним отношениям Вронского с Кити и его косвенной вине в обсуждаемой ситуации, поэтому Анна и упрекает его в безразличии. Реплике Вронского противопоставлена в романе эмоциональная, маркированная параметром вовлеченности реакция на ту же информацию Левина: — *И не думала и не думает выходить замуж, а она очень больна, и доктора послали ее за границу. Даже боятся за ее жизнь. — Что ты! — вскрикнул Левин. — Очень больна? Что же с ней? Как она...* Конструкция *Что ты*, наряду с некоторыми другими средствами, выдает отношение Левина к Кити как к близкому человеку, входящему в круг его жизненных интересов: он любит Кити, хотя и старается ее забыть, устроить свою жизнь без нее.

Возможно, именно этот вариант конструкции является устаревшим, неупотребительным сегодня. Зато активно используются похожие контактоподдерживающие конструкции с начальной частицей *Да*, на примере которых можно

Таким образом, можно выделить следующие виды речевого сокращения компаративных конструкций в научном тексте: контекстуальный эллипсис и стилистическое сокращение как его разновидность, а также логический эллипсис. Как было показано, выделяется особая группа формально недостаточных КК, которые могут квалифицироваться либо как незавершенные конструкции с релятивным компаративом, либо как «готовые» конструкции с абсолютным компаративом, в которых наблюдается сокращение интенсификатора.

Литература

1. Воронников Ю. Л. Степени качества в современном русском языке. М., 1999.
2. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. 2-е издание, исправл. М., 2005.

увидеть, как даже формально близкие варианты могут быть противопоставлены по параметру вовлеченности / отстраненности. Конструкция *Да что ты* маркирована как отстраненная, она используется при обсуждении информации, далекой от жизненных интересов говорящего, хотя и новой и неожиданной и, возможно, даже вызывающей поэтому эмоциональное отношение к ней говорящего. Конструкция с обратным расположением составляющих ее коммуникативных средств *Да ты что*, наоборот, употребляется либо когда информация значима для говорящего, например: — *Там твой Костик со сборов вернулся. — Да ты что?! (т / с «Две судьбы»)* — либо когда она касается жизни собеседника, и тогда говорящий с ее помощью демонстрирует единство своей и его сферы интересов: А. *померяла температуру / тридцать восемь / горло болит // Б. Да ты что!* [2].

Аналогично реализуется параметр вовлеченности у некоторых конструкций с исходным значением отрицательной оценки: *Ой, Ох, М-м*. Реализуя свои инвариантные параметры (см. [1]), все эти междометия активно используются в позиции реакции на сообщение небенефактивной для собеседника (или 3 лица) информации и выражают сочувствие как отождествление личной сферы его и говорящего. В то же время некоторые другие конструкции отрицательной оценки, как имплицитные междометные (*Ай-яй-яй*), так и эксплицитные (*Это ужасно, Какая жалость, Сочувствую* и т. п.), тоже способны выражать сочувствие и таким образом поддерживать контакт, но отстраненно, «извне». В одних ситуациях это оправданно, в других — может восприниматься собеседником как отказ говорящего от участия в его небенефактивной ситуации, когда он этого ожидает, например: — *... Утром мой чашки, вечером мой чашки, а днем целая гора тарелок. Просто бедствие какое-то! — Да, — сказал папа, — действительно, это ужасно! Как жалко, что ничего не придумано в этом смысле! Что смотрят инженеры? Да, да... Бедные женщины* (В. Драгунский. Хитрый способ).

В вариативном ряде поддержания контакта есть и конструкции, маркирующие отнесенность обсуждаемой ситуации до настоящего момента только к позиции собеседника, но не говорящего, но при этом не указывающие на намерение говорящего и дальше не вмешиваться в нее: *Вот как?, В самом деле?, Вы так думаете?* и нек. др.

Вовлеченность может быть также связана с тем, что новая информация в высказывании собеседника резко нарушает базовые представления говорящего о мире, — такие высказывания с целеустановкой недоверия тоже могут отчасти служить для поддержания контакта, показывая, насколько информативным, а значит, успешным оказалось сообщение собеседника. Это конструкции *Нет, Неправда, Врешь* и т. п., например: — *Боярыня моя со своим любовником Якиным на*

Кавказ убежала. — **Врешь!** — *Ей-Богу* (х / ф «Иван Васильевич меняет профессию»). Сравним их с конструкциями удивления с близкими параметрами *Что делается, Ну дела*, которые также бывают реакцией на сообщение информации, не соответствующей представлениям говорящего об устройстве мира, но маркированы отстраненностью.

Среди конструкций положительной оценки есть такие, которые часто используются в фатической функции, отмечая позитивность появившейся в результате высказывания собеседника информированности говорящего и / или бенефактивности обсуждаемой ситуации для него, учет ее в дальнейших действиях говорящего, т. е. маркированные вовлеченностью (*Отлично, Прекрасно, Замечательно* и др.), и такие, которые отмечают субъективное эмоциональное воздействие на говорящего сообщения, не влияющего на его жизнь, наблюдаемого со стороны: *Прелестно (Какая прелесть), Мило, Славно* и др. (подробнее см. [3]). Такая реализация параметра отстраненности — «легкая», поверхност-

ная субъективная оценка — свойственна и некоторым конструкциям отрицательной оценки (например, *Какая жальность*).

Таким образом, параметр вовлеченности vs. отстраненности, в различных реализациях и модификациях, противопоставляет и сближает конструкции вариативного ряда поддержания контакта с самыми разными «исходными» целеустановками. На основании такого рода наблюдений можно говорить о том, что данный вариативный ряд имеет собственный семантический чертеж, свою внутреннюю организацию.

Литература

1. *Безяева М. Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.
2. *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995.
3. *Саина Е. А.* Контактподдерживающие структуры, эксплицирующие положительную оценку (с параметром невключенности говорящего) // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1.

Структурно-семантическая организация конструкции с репрезентируемой речью

Ю. А. Светашова

Московский педагогический государственный университет
svetashova@gmail.com, ju_svetashova@mail.ru

Конструкция с репрезентируемой речью, чужая речь, конструкция, сложное предложение, высказывание

Summary. The paper deals with the syntactic structure, used for speech reporting, which hasn't been the object of thorough research yet. The new term for it is introduced ("the represented speech construction"). In the modern Russian syntax system it is labeled as a specific composite sentence, the subordinate clause of which is the utterance (phrase), the element referentially distinct from the matrix clause.

Структуры, представленные выделенными фрагментами предложений (1) *Запрыгали у него тогда губы вовсе не от злости, я клятву даю: схватил он меня за руку и **выговорил свое великолепное «ступайте-с» решительно не сердясь*** (Ф. Достоевский. Идиот) и (2) — *Я должен поручиться за него? // — Да. // **Это «да» прозвучало столь особо, что Гавриил призадумался*** (Б. Васильев. Были и небыли), описывались в лингвистических работах в рамках окказиональной субстантивации. Отличие их от субстантивированных признаков слов является, прежде всего, содержательным: в них наличествуют две линии сообщения — автора и неавтора, поэтому считаем целесообразным характеризовать их в рамках синтаксиса текста, в системе конструкций с чужой речью.

Внутренняя форма термина «конструкция с репрезентируемой речью» (далее КРР), предложенная нами для описываемой языковой единицы, — лат. *repraesentare* 1) *наглядно представлять*; 2) *восстанавливать, возобновлять*; 3) *воспроизводить, подражать* — отражает общее значение синтаксического целого: КРР содержит чужую речь, представленную «объектно», позволяя описать ее как нечто цельное в единстве с актом говорения, вести высказывание в принимающий контекст как объект рефлексии.

Обязательными компонентами полипропозитивной структуры КРР являются вводимое высказывание, предикат включающего предложения (являющийся носителем валентности на сентенциальный акт и преимущественно **представленный глаголами восприятия, эмоции и звука / звучания**) и атрибутивные распространители, отражающие параметры воссоздаваемой коммуникативной ситуации (что оказывает влияние на семантику их согласовательных граммем).

Передаваемая речь получает атрибутивный распространитель в форме среднего рода или множественного числа, таковы же граммемы глагола-предиката во включающем предложении КРР. Наблюдение над семантикой КРР и функцией распространителей и предиката вводящей части убеждает в

том, что перед нами — смысловое согласование, а не синтаксическое отношение двух грамматических единиц.

Характер связи между родоизменяемыми компонентами включающего предложения и вводимой речью является следствием референциальной гетерогенности частей конструкции: ввода с актуальной предикацией, принадлежащего уровню действительности, и реплики, принадлежащей уровню высказывания, которая в составе ввода выступает как атомарный знак, его внутренняя организация не оказывает влияния на синтагматику и общее значение модели.

Вводимая речь (высказывание) сопровождается распространителями среднего рода именно в силу его закрепленности за сущностями вне идеи пола. То, как в КРР моделируется и интерпретируется коммуникативный акт, определяет значение граммем числа у согласуемых слов: они могут выражать однократность или повторяемость речевого события, а также пейоративную оценку сказанного или субъекта передаваемой речи и самого факта высказывания.

В системе синтаксических единиц КРР представляет сложную полипропозитивную структуру. В отличие от сложноподчиненного предложения в КРР эксплицитным показателем связи является обязательный компонент «знаменательной части» — атрибутивный распространитель: его согласовательные граммемы, принимая участие в моделировании коммуникативного акта в рамках КРР (и что очень важно, интерпретации передаваемого высказывания), служат средством связи включенной ЧР и предложения-ввода; при пассивной диатезе предиката, когда позицию подлежащего занимает объект, глагол (связка в составном именном сказуемом) также дублирует значение граммем рода и / или числа.

В системе конструкций с чужой речью КРР представляет особую компрессивную структуру, конденсирующую содержание речи и информацию о факте ее произнесения, иллюкутивной целью говорящего при этом является рефлексия или оценка высказывания или его фрагмента.

Сложное предложение и синтаксическая конструкция

О. А. Селюнина

Дальневосточный государственный университет (Владивосток)
selan@phil.dvgu.ru

Сложное предложение, конструкционный синтаксис, синтаксическая конструкция

Summary. The paper is directed on the problem formal-grammatical analysis of a compound sentence. The author considers perspective idea of representation of a compound sentence like a syntactic scheme.

Современный этап изучения сложного предложения характеризуется поиском новых аспектов его рассмотрения,

формально-грамматический аспект, столь популярный в течение всего XX века, все чаще признается «достоянием ис-

тории» [1: 103]. Причина отказа от формального синтаксиса заключается в признании его потерявшим эвристическую ценность. Действительно, после выхода Грамматики—80, где с позиций формально-ориентированного подхода максимально полно описан грамматический строй русского языка, на особенную новизну описания синтаксических единиц рассчитывать не приходится. Однако можно утверждать, что сугубо грамматическое изучение синтаксиса сложного предложения не исчерпало себя. По нашему мнению, весьма плодотворной в плане исследования сложного предложения является идея его представления в аспекте синтаксической конструкции.

Конструкция в таком случае понимается узко, как синтаксическое целое, компоненты которого организованы с помощью союзов, других служебных слов и / или интонации по определенной формальной схеме, соответствующей типовым синтаксическим отношениям. В такой трактовке термин «синтаксическая конструкция» хотя и не является общепризнанным, но активно используется в трудах ученых Дальневосточной синтаксической школы для описания конструктивно-синтаксических свойств союзов, производных предлогов и лексикализованных словоформ служебного характера. Интерес к узкому пониманию термина «конструкция» наблюдается со стороны Новосибирской, Ставропольской, Елецкой синтаксических школ.

Типология союзных конструкций была разработана А. Ф. Прияткиной [2] на материале монопредикативных предложений. Типологии конструкций на материале сложного предложения пока не существует. Создание такой типологии нам видится актуальной задачей конструкционного синтаксиса.

С определенной долей уверенности можно говорить о том, что некоторые полипредикативные и монопредикативные структуры представляют собой одну конструкцию. Так, по нашему мнению, возможность предикативных и непредикативных реализаций имеется у конструкции с вторичной связью. Ср.: *Он пришел, но поздно; Этот человек далеко пойдет, но если он не споткнется, опьянев от успеха* (газ.). В основе обоих построений лежит один и тот же формальный принцип, а именно вторая (вторичная) линия связей строится на базе первичной формальной основы, представляющей собой синтаксически оформленное построение. Разница же нам видится в том, что базовое построение в первом примере принадлежит к области словосочетания (*прийти поздно*), во втором — к сфере сложного предложения (*Этот человек далеко пойдет, если он не споткнется, опьянев от успеха*). Вторичная связь может наслаиваться на сочинительную, относительно-распространительную, подчинительную, присоединительную связь. Например: *Я люблю провинциалов, в которых неуклюже пластуется история и которые поэтому резки на поворотах* (Т. Хмельницкая); *Я тоже как подопытный кролик прошел через этот эксперимент, и поэтому мои показания ничем не хуже чьих-нибудь других* (Э. Севела); *Франция пошла на*

подписание с СССР договора о взаимопомощи, который, однако, не был дополнен военной конвенцией, что ограничивало его значение (М. Мельтюхов); *Значит, у бойцов Спартака в бою все преимущества, особенно если это бой не «по-римски»...* (А. Валентинов); *9 июня от неудачного движения рулем высоты во время спуска, аппарат был поломан, причем, однако двигатель остался цел* (И. И. Сикорский).

Среди конструкций, безусловно, имеются построения, характерные только для полипредикативных предложений. Такова, к примеру, конструкция с присоединительно-распространительной связью: *Наверняка и Линд был там, что меня особенно бесит* (Б. Акунин. Коронация).

Конструкционный аспект особенно ярко демонстрирует свою жизненную силу при анализе тех фактов, которые трудно квалифицировать в терминах синтаксических единиц. Так, с точки зрения синтаксической единицы нет однозначности в определении статуса предложений, состоящих из двух предикативных единиц, одна из которых вступает в отношения пояснения со словом, словоформой или словосочетанием другой предикативной единицы, например: *Прозулок не бывает, оправка — только в шесть утра, то есть, когда ничьему желудку она еще не нужна...* (А. Солженицын); *Грустно мне всегда, даже когда я смеюсь* (А. Морозов); *Теперь, когда он осознал себя, он просто играет* (С. Лукьяненко). Анализ этих построений в аспекте конструкции позволит избежать необходимости трактовать их не только как расчлененные или нерасчлененные структуры, но и как сложноподчиненные предложения. В данном случае мы можем говорить об одной из реализаций конструкции **ряд** — асимметричном пояснительном ряде. Члены асимметричного ряда являются разнотипными с точки зрения предикативности / непредикативности. Ср.: *Для пущей важности и чтоб был маневр для торга, фон Дорн потребовал капитанского чина...* (Б. Акунин); *До сих пор говорят о какой-то любовной записке, написанной Зиной и которая будто бы ходила по рукам в Мордасове...* (Ф. Достоевский). Принцип ряда в асимметричных рядах настолько силен, что подчиняет себе принцип построения синтаксической единицы.

Важно отметить, что мы не ставим перед собой цели заменить синтаксис сложного предложения синтаксисом конструкций. Конструкционный синтаксис — это только один из аспектов изучения тех фактов, которые в аспекте синтаксических единиц квалифицируются как сложное предложение. Вероятно, описание сложных предложений в этих двух планах не будет совпадать полностью, что даст возможность уточнить их грамматическую природу.

Литература

1. Ломов А. М., Гусман Тирадо Р. К интерпретации русского сложноподчиненного предложения // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 101–118.
2. Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток, 2007.

Синтаксические термины и синтаксические сущности (на примере понятия «предикативность»)

М. Ю. Сидорова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

sidorovadoma@mail.ru

Синтаксис, русский язык, предикативность, коммуникативность, предложение

Summary. The main question discussed in this paper is the consistence between the definitions of predicativity as the main grammatical category of the sentence and communicative function of the sentence. Narrowing predicativity to morphologic forms of the verbal predicate does not allow to explain how we use and understand sentences. But how far we can expand the notion of predicativity without interfering in the domain of other linguistic categories (e. g. reference) remains an open issue.

К вопросу о предикативности, поставленному в русской науке еще И. И. Давыдовым в «Общесравнительной грамматике русского языка» (1852 г.), русистика не раз возвращалась в XX веке. См., например, работы [4], и [3], где содержится обширная литература вопроса.

Как принято формулировать, придал понятию «предикативность» его современное содержание акад. В. В. Виноградов. Действительно, именно Виноградовым был сделан главный шаг в отграничении синтаксической предикативности 446

от логической предикации. Виноградов придал предикативности собственно грамматическую сущность, обосновал закономерную связь между категориями предикативности и коммуникативности и указал на комплексный характер плана содержания и плана выражения категории предикативности, которая не может быть сведена только к морфологическим формам предиката (в плане выражения) или отношениям между подлежащим и сказуемым (в плане содержания). Характеризуя предикативность как «совокупность та-

ких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают природу предложения как грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль», Виноградов отмечал, что предикативность обладает многообразными формами и способами выражения: «морфологическими, конструктивно-синтаксическими и интонационно-синтаксическими» — и свойственна всем коммуникативным единицам [1: 76–83].

Сегодняшняя актуальность проблемы предикативности обусловлена центральным положением этой категории в синтаксисе. М. Я. Дымарский [2], продемонстрировав многообразие теоретических проблем и задач практического анализа языкового материала, связанных с осмыслением предикативности, высказал мысль о том, что понимание предикативности в работах ученых и последователей В. В. Виноградова существенно отличается от формулировки самого Виноградова, причем отличается в сторону сужения — как содержательного, так и формального.

Следует ли констатировать, что в осмыслении понятия предикативности в современной русской грамматической науке имеет место тенденция, противоположная развитию представлений о модальности и таксисе? Если понятие **таксиса** в развитие идей Р. О. Якобсона было распространено с временных на субъектные и модальные отношения (Н. К. Онипенко), а продолжение осмысления синтаксической **модальности** в виноградовском ключе привело к ее более объемному видению в работах Г. А. Золотовой, Т. В. Шмелевой и представителей ленинградской школы функциональной грамматики, то понятие **предикативности**, получив собственную языковую статус, оказалось постепенно сведено к морфологическим средствам его выражения в сказуемом (как это сделано в «Русской грамматике» 1980 года).

В докладе рассматриваются следующие проблемы;

1) определение предикативности: если предикативность — отношение, то чего (или кого) к чему, если предикативность — механизм, то механизм чего;

2) план содержания и план выражения грамматической категории предикативности;

3) соотношение предикативности с другими понятиями, такими как модальность, коммуникативность, референция, пространственно-временная локализованность предложения, актуализация; предикация, предикативное отношение, предикативная связь.

Выделяется пять групп определений предикативности, в которых предикативность трактуется как:

- отношение содержания предложения к действительности;
- отношение говорящего к действительности;
- отношение говорящего к содержанию предложения;
- отношение между субъектом и предикатом (подлежащим и сказуемым, темой и ремой): «взаимонаправленное связывание предмета и признака» (В. Г. Адмони);
- «движение мысли» (Д. Н. Овсянко-Куликовский).

На основе анализа предложений, способных и не способных выполнить коммуникативную функцию в контексте и без него, доказываемая мысль о том, что сведение плана выражения предикативности к морфологическим формам глагола-сказуемого противоречит пониманию предикативности как основы коммуникативной функции предложения. В то же время толкование предикативности как отношения содержания предложения к действительности, которое выражается говорящим и декодируется адресатом через комплекс «морфологических, конструктивно-синтаксических и интонационно-синтаксических» средств выражения, позволяет логично соединить формальный, содержательный и функциональный аспекты данной категории.

Литература

- Виноградов В. В. Введение // Грамматика русского языка. Т. II. М., 1954.
- Дымарский М. Я. Высказывание и коммуникативность // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. СПб., 2005. С. 292–333.
- Зевинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
- Стеблин-Каменский М. И. О предикативности // Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л., 1974. С. 34–47.

Факультативные модусные категории и способы их взаимодействия с диктумом

Т. И. Стексова

Новосибирский государственный педагогический университет

steksova@inbox.ru

Модус, диктум, взаимодействие

Summary. Different ways of optional modus categories interrelations with the dictum are regarded it in the presented report.

Мысль о том, что смысл предложения состоит из двух основных компонентов — диктума и модуса — давно не нова и общепризнанна. Как известно, модусные категории могут быть как обязательными (их вербальная невыраженность значима, например, авторизация и персуазивность), так и факультативными, такими, например, как оценочность, вынужденность действия, странность, невольность осуществления и др.

Еще Ш. Балли отмечал различные возможности взаимодействия диктума и модуса в высказывании. Но до сих пор нельзя утверждать, что все способы взаимодействия модуса и диктума уже хорошо изучены и описаны. Одни лингвисты обращали внимание на то, что диктумная часть содержания может находиться внутри модусной рамки (Вежицкая, Арутюнова, Касевич, Храковский). Другие лингвисты отмечают, что для модуса характерна тенденция проникновения, «вращения» в диктум, что практически исключает возможность его изолированного рассмотрения [5]; [3]; [4]. Наряду с этим можно выделить и случаи, при котором модус не образует рамки, но тем не менее может быть элиминирован из высказывания и диктумная часть при этом не пострадает.

Рассмотрим ряд примеров.

- Как все же странно, что женщина, почти мне чужая, больше заботится обо мне, чем родная мать (Ш. Лакло).
- Напрасно вы будете пытаться забыть минуту слабости (А. Мюссе).
- Вот я, с пьяных-то глаз, и проболтнись (А. Островский).

В первом примере модальность странности образует модусную рамку, которая, по наблюдениям Е. М. Вольф [1]; [2], характеризуется широким кругом сочетаемости и не присоединяется к пропозициям, выражающим неоспоримые истины, отражающие стереотипное представление о мире. Диктумное содержание данного примера и ему подобных в принципе самодостаточно и может существовать изолированно (*женщина, почти мне чужая, больше заботится обо мне, чем родная мать*), представляя собой констатацию какого-либо факта. Модусная рамка, не меняя грамматической структуры и цельности пропозитивной части, смещает акцент высказывания с сообщения факта на актуализацию отношения говорящего к этому факту. Выбор конкретной рамки отражает некоторые тонкие смысловые различия. Так, рамка *странно, что* выражает оценку какого-либо положения дел как странного в самом общем виде: *Мне было странно, что я ее узнал, а она меня — нет*. Рамка *странно, но* не просто выражает оценку говорящего, она подчеркивает отклонение от нормы (с точки зрения говорящего), зачастую категорически им подчеркнутое: *Странно, но Штрума это известие не обрадовало* (В. Гроссман). Замена в подобных примерах союза *но* на союз *что* смещает акценты отношения говорящего к сообщаемому факту. *Странно, что* — странным представляется сам факт, как не характерный для субъекта. *Странно, но* — акцентирует внимание на том, что положение дел таково вопреки ожиданиям говорящего. Особенность рамки *странно, если* заключается в том, что она задает ирреальную модальность и значение возможности /

невозможности действия: Было бы *странно*, если бы ученый с такими заслугами оказался *незамечен* (В. Сурдин). С позиций говорящего, заслуженный ученый должен быть замечен, противоположное положение дел представляется ему невозможным и потому странным. Рамка *странно*, когда вводит некие общие суждения, что подкрепляется настоящим неактуальным временем: *Странно, когда Ковалев — профессор юстиции — все время долдонит о каких-то anomalies; Он плохо кончил — странно, когда так говорят.*

Второй случай рассмотрим на примере предложений с семантикой напрасности действия: *Напрасно вы будете пытаться забыть минуту слабости.* Модусная оценка находится не внутри диктумного события, но и не образует типичной модусной рамки в виде главной части сложноподчиненного предложения. Также, как и в первом случае, элиминация модусного компонента не разрушает диктумного содержания, а только лишает его субъективного отношения говорящего к сообщаемому событию, актуализирует само событие: *Вы будете пытаться забыть минуту слабости.* Модусная квалификация события как напрасного может быть выражена различными способами: специальной лексемой (маркером напрасности), которая встраивается в грамматическую структуру предложения и является второстепенным членом предложения, как в приведенном примере; отдельной предикативной единицей в составе сложносочиненного предложения: *Вы будете пытаться забыть минуту слабости, но напрасно / а зря!* Возможна трансформация и в СПП: *То, что вы будете пытаться забыть минуту слабости, совершенно напрасно.* Вероятно, здесь можно говорить о своеобразной модусной рамке, не являющейся единственным способом выражения модусного смысла.

Третий случай интересен более сложным взаимодействием модуса и диктума и характеризуется их нерасчлененно-

стью. Невыраженность модусных категорий, таких как невольность осуществления события или вынужденность действия, меняет характер диктумной ситуации, описывает иное положение дел. Ср: *Он невольно оглянулся — Он оглянулся, чтобы проверить, нет ли за ним слежки.* Если в первом случае субъект оглянулся, независимо от своей воли, не имея целевой установки, то во втором случае действие было совершено намеренно, целенаправленно. Модусный компонент невольности может быть выражен специальной лексемой: наречиями (*невольно, нечаянно*), модальными глаголами (*поманило, подфартило, посчастливилось*); может быть составной частью компонента, выражающего диктумную семантику (*вздрогнуть, споткнуться, думаться*); модусная квалификация может возникать а) при сочетании определенных типов субъектов с предикатами (*Руки опустились*), б) при использовании глаголов НСВ в вопросительной конструкции с отрицанием (*Вы декана не встречали?*), в) в сложносочиненных предложениях фразеологизированной структуры (*Не хотел, а обидел*). Как видим, модус здесь не представляет собой рамки, а внедряется в диктум.

Литература

1. Вольф Е. М. Оценка и странность как виды модальности // Язык и логическая теория. М., 1987.
2. Вольф Е. М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ: Избранное. М., 2003.
3. Стеклова Т. И. Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции. Новосибирск, 2002.
4. Стеклова Т. И. Внутривопозитивность модальной семантики «невольность осуществления» // Вопросы русского языкознания: Сб. Вып. 12. Традиции и тенденции в современной грамматической науке. М., 2005. С. 68–75.
5. Шмелева Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1995.

Функции форманта *не* в составе конструкций *не + Nп, чтобы*

А. Г. Хорошавина

Институт экономики, управления и права (Казань)

ba.jura@yandex.ru

Отрицание, модальность, структурная схема предложения, фразеосхема

Summary. The paper is devoted to the examining functions of negation in structure of Russian phraseological constructions with the semantics of argumental discordant.

Утверждение / отрицание является грамматической общеязыковой категорией, рассмотрение которой занимало и занимает особое место в классических и современных лингвистических исследованиях.

В науке до сих пор не существует однозначного мнения о лингвистическом статусе этой категории и о ее связи с другими категориями языка. Так, по-разному решается вопрос о внесении утверждения / отрицания в сферу модальных отношений. Ряд исследователей выносит утверждение / отрицание за рамки модальности (В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова, Т. П. Ломтев, Н. С. Жигалин и др.). Другие же, напротив, включают эту категорию в число модальных значений.

Нам представляется логичным мнение о том, что категории утверждения / отрицания и модальности являются категориями разного статуса. Однако они взаимосвязаны и активно взаимодействуют.

Рассматривая роль отрицания в структурно-семантической организации предложений, построенных по схеме *не + Nп, чтобы*, мы должны принять точку зрения Н. С. Жигалина, изложенную им в статье «Отношение категории утверждения / отрицания к структурным схемам сложноподчиненных предложений». Категорию утверждения / отрицания он обозначает как «грамматическую категорию, которая при помощи определенных грамматических средств указывает на наличие или отсутствие чего-либо». В качестве особенностей функционирования данной категории им выделяются две: во-первых, обязательность одного из двух членов этой категории предполагает возможность другого и, во-вторых, необязательность одного из членов категории предсказывает наличие другого.

В науке принято разделять все имеющиеся в языке синтаксические конструкции на три типа по характеру их отношения к категории утверждения / отрицания. В соответ-

ствии с этим в системе сложноподчиненного предложения выделяются:

1. Предложения с конструктивным отрицанием;
2. Предложения с конструктивным утверждением;
3. Предложение с факультативным утверждением / отрицанием.

Возможность или невозможность употребления отрицания связана с целым рядом ограничений, в числе которых называют смысловое содержание высказывания и фразеологизацию (А. И. Бахарев).

Предложения рассматриваемого типа принадлежат к группе предложений с конструктивным отрицанием, так как не является элементом, формирующим структурную схему этих предложений.

Препозитивная часть конструкции *не + Nп, чтобы* построена по модели простого двусоставного предложения с составным именным сказуемым (нулевая связка). Отрицательная частица *не* располагается непосредственно перед сказуемым, делая тем самым препозитивную часть конструкции общеотрицательной. Формант *не* действует в сфере субъектно-предикатных отношений и призван передать, что данному субъекту представленная предикатная характеристика не свойственна. Например, *Но я вам не немец, чтобы кишки мотать* (К. Симонов. Живые и мертвые).

Простое предложение такого типа нашло рассмотрение в работах исследователей. Так, Т. А. Тулина, рассматривая семантические особенности фразеосхем, включающих частицу *не* в качестве конституирующего элемента, отмечает: «Фразеосхема *N2 — не N2* применяется и в тех случаях, когда предмет характеризуют «от противного», нацеливая внимание собеседника на существенные для данной ситуации черты предмета путем отрицания его тождества с предметом, этими свойствами явно не обладающими». Она счи-

тает фразеосхему $N - \text{не } N$ частным случаем модели $Nn1 - Nn2$. Эту последнюю Т. А. Тулина помещает в центр поля, остальные же располагает на разном расстоянии от центра по степени удаления от основной структурной схемы. На первой ступени удаления от базовой схемы оказывается модель $Nn1 - \text{не } Nn2$, компонент $Nn2$ которой лишен оценочного значения. Модель $Nn1 - \text{не } Nn2$ оцен. оказывается на второй ступени удаления. Всего таких ступеней ею отмечено четыре, на последней из которых находятся «замкнутые устойчивые фразы постоянного состава» (слово *не воробей*), а на третьей — модель с переменным подлежащим и стабилизированным сказуемым ($Nn1$ *не шутка / иголка / ребенок...*). Это свидетельствует об определенной неоднородности даже в пределах одной фразеосхемы ($Nn - \text{не } Nn$). Отметим еще одно важное замечание, сделанное Т. А. Тулиной: «Главным свойством высказываний, построенных по фразеосхемам оказалась их повышенная семантическая емкость, выразившаяся в способности имплицитно содержать некоторый словесно не выраженный смысл».

Связь между субъектом и предикатом главной части конструкции обозначается как отрицательная. Отрицание данной связи осуществляется слушающим. В связи с этим от-

рицание может носить более экспрессивный характер. В этом случае имеют место конструкции, первая часть которых оформляется в виде риторического вопроса. Например, *Разве я ненормальный, чтоб думать про участие в Олимпийских играх.* (Г. Паншин. Веселая дорога).

Оформляется риторический вопрос с помощью *разве, что, да разве, да что*. При этом эксплицитированное в первой части отрицание переходит в имплицитное состояние: **Я не крепостная, чтобы всю жизнь на него приписать. *Я не сумасшедший, чтобы [убивать] и т. д.* Функцию отрицания связи между субъектом и некоторой предикатной характеристикой в этом случае осуществляет риторический вопрос.

Если статус лица является неопределенным, но, с точки зрения слушающего, явно не соответствующим действию, обозначенному в постпозитивной части конструкции, то препозитивная часть будет представлять собой вопросительное предложение, оформленное при помощи лексем *кто и такой*. Например,

— *Твоя арестована, — наставил на него багурт коротко обрезанную винтовку.*

— *Кто ты такой, чтобы арестовывать меня, немая харя. Ты видишь кто я? — показал Северьян на свои кресты и погоны* (К. Седых. Даурия).

Акциональность и перцептивность в глагольных лексемах

В. Е. Чумирин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

vchumirina@mail.ru

Синтаксис, семантика, перцептивность, глагол, акциональность, репродуктивный регистр

Summary. The main purpose of this report is to examine the interaction between active and perceptive semantics in verbal units, to determine those contextual and syntactic conditions under which a unit either loses or shows an active / perceptive meaning of the verb or where one of them is accentuated.

1. Цель доклада — рассмотреть взаимодействие акциональной и перцептивной семантики в глагольных единицах, определить те контекстные и синтаксические условия, в которых (а) утрачивается или проявляется акциональное / перцептивное значение глагола, (б) при наличии обоих значений акцентируется одно из них.

2. Глаголы физического действия, например, глаголы движения, утрачивают акциональность при предметных и локативных субъектах и приобретают локативно-перцептивное значение: *Высоко вверх взбегали серые стволы осин* (Вересаев); *Кругом в сонном воздухе плавали кусты, забор, блестящая собачья конура* (Набоков).

3. При признаковых именах акциональные глаголы движения получают фазисное значение появления и восприятия признака: *С ветром неся издалека тонкий нежный запах сена; Из кустов несло широким теплом, в лесу стоял глухой сонный шум; По глухому шуму струями пронеслось резкое шипение ближних деревьев* (Вересаев); *С улицы несло музыкой, как несет из помойки* (Улицкая).

4. Чтобы подчеркнуть интенсивность проявления воспринимаемых признаков, используются глаголы агрессивного физического действия, имеющие в данных контекстах также фазисно-перцептивное значение: *Шибануло в нос кислым, гнилым, тухлым* (Акунин); *Влажная темнота мягко, но тепло и сильно ударила в лицо* (Андреев); *В лицо ударил блистательный мороз* (Набоков).

5. С другой стороны, глаголы перцептивной визуальной семантики *блестеть, сверкать*, сохраняя перцептивный компонент значения, прочитываются как акциональные, например: *Гремя, засверкал к вокзалу светлыми окнами поезд* (Бунин). При этом субъекте и директивной синтаксеме глагол *засверкать* приобретает значение глагола движения. С разными локативными синтаксемами, описывающими дальнее или ближнее к воспринимаемому пространство, в глаголе *блеснуть* либо доминирует перцептивное значение: *За рекой блеснула головка шапки* (Толстой), либо он, не утрачивая перцептивности, метонимически обозначает действие неназванного личного субъекта *Шапка блеснула над его головой*.

6. В глаголах, объединяющих в своем значении акциональный и перцептивный компоненты, таких как *бараба-*

нить, при разных типах предиктируемого субъекта на первый план выходит то одно, то другое значение: при личном — акциональное *Мальчик забарабанил*, при признаковом — перцептивное *Дождь забарабанил по шелку зонтика*, при неопределенно-личном актуальны и то и другое *В дверь забарабанили*. При изменении коммуникативного регистра речи, например (при переходе в информативный), *Мальчик хорошо барабанит*, рассматриваемый глагол имеет только акциональную семантику.

7. Звуковые глаголы с первичной перцептивной семантикой *гремять, грохотать* при предметном объекте и личном субъекте могут быть каузативными: *На кухне кухарки громыхали / гремели посудой* — здесь обозначено и восприятие модусного субъекта и действие диктумного. Они же могут функционировать и так, как и описанный выше глагол *сверкать*, то есть, сохраняя семантику звуковой перцепции, использоваться как глагол движения: *Мимо прогрохотал грузовик*.

8. При типичных с этими предикатами признаковых субъектах, называющими звук, актуализуется перцептивное значение: *За рекой грохочет / гремит гром*, а при нетипичных признаковых субъектах или распотрачанных синтаксемах, эти глаголы приобретают значение фазисных интенсификаторов: *И снова ровной густой синевой гремело небо* (Набоков); *Вся кухня громыхала запахами* (Булгаков).

9. В репродуктивном типе текста при разных типах диктумных субъектов и в зависимости от синтаксического окружения в глаголе по-разному проявляется акциональность и перцептивность. При предметных и локативных диктумных субъектах акциональное значение утрачивается, появляется локативно-перцептивное; при признаковых именах акциональные глаголы переходят в разряд фазисных, также с перцептивным компонентом. Глаголы же, в семантике которых первична перцептивность, эту сему не теряют (в условиях сохранения типа текста), однако при личных диктумных субъектах может появиться акциональное значение. В художественных текстах перцептивные глаголы, закрепленные за определенным кругом признаковых имен, могут быть использованы как фазисные интенсификаторы при нетипичных для них признаковых субъектах.

Сочинительная связь деепричастия с прилагательным и причастием

О. М. Чупашева

Мурманский государственный педагогический университет

dglao1@mail.ru

Разнооформленный синтаксический ряд, двунаправленная синтаксическая связь, потенциальная полупредикативность, эксплицитная / имплицитная связь

Summary. Coordinating connection of adverbial participle and participle / adjective is formed on basis of semi-predicative. In structure of coordinative word-combination they receive connection with predicate, but do not form complex nominal predicate with it.

Разнооформленные синтаксические ряды *деепричастие + прилагательное* и *деепричастие + причастие* (порядок компонентов нефиксированный) формируются на сходной функциональной общности компонентов — на полупредикативности, это дает возможность исследовать их в одном разделе. Прилагательное и причастие подчиняются прежде всего субстантивному слову — в анализируемых предложениях в типичном случае подлежащему, — следовательно, другую линию связи, связь со сказуемым, они получают в синтаксических рядах с деепричастиями. Вместе с тем анализируемые ряды не являются тождественными в силу различной степени глагольности недеепричастного компонента: если причастно свойствен ряд глагольных категорий, то прилагательные их полностью лишены.

Полупредикативность обуславливает падежную форму прилагательного и причастия — форму именительного или творительного падежа при употреблении их в полной форме. *Деревья стояли тихие, опустил к земле заваленные снегом черные лапы...* (В. Каверин); *Продрогшая, не выпавшись, она приходила к себе в кабинет...* (О. Шестинский). Отмечены синтаксические ряды деепричастий с краткими формами прилагательных и причастий: *Огонь раскинулся, горюч, Сверкая в каменной рубахе* (Н. Заболоцкий); *На теплых кирпичах, объята ленью, Считая муж, они* (Иванушки. — О. Ч.) *проводят дни* (В. Солоухин). Существенно, что в сочиненных рядах возможны только качественные прилагательные, а для причастия не выявлены ограничения, связанные с залогом.

В рассматриваемых позициях активизируется потенциальная полупредикативность прилагательного и причастия. Как известно, прилагательные и причастия могут иметь различное значение: определительное (*Отдохнувшие соседи вернулись домой*; *Довольные соседи вернулись домой*), полупредикативное (*Соседи были отдохнувшими*; *Соседи были довольными*; *Соседи вернулись отдохнувшими*, *Соседи вернулись довольными*). Полупредикативность свойственна прилагательным и причастиям в позиции при связочных глаголах, при глаголах определенных лексико-семантических групп, например, движения, положения в пространстве и т. д. и в синтаксических рядах с деепричастиями, она является их потенциальным свойством, реализующимся в указанных позициях. В составе синтаксического ряда связь причастия и прилагательного с глаголом-сказуемым получает своего рода дополнительную поддержку деепричастия, ср.: *Размягченные вином и покоем, устав от разговоров, улеглись командиры в кровати* (В. Астафьев). — *Командиры размягченные, улеглись размягченными*. То же у прилагательных: *Дети или задумчивые, оборачиваясь и долго глядя вслед каждому прохожему...* (В. Каверин). — *Дети задумчивые, или задумчивые*.

Связь деепричастия в анализируемых рядах нередко эксплицируется в союзах, но чаще она имплицитирована.

Существенно, что прилагательные и причастия, вступающие чаще в подчинительную связь с субстантивными словами, в сочиненных рядах с деепричастием изменяют направление и характер связи: синтаксические ряды *прилагательное / причастие + деепричастие* сохраняют двунаправленные синтаксические связи со сказуемым и подлежащим, при этом связь со спрягаемым глаголом для прилагательных и причастий в анализируемых предложениях становится основной. Однако ни прилагательное, ни причастие в рассматриваемых позициях не образуют с глаголом составного сказуемого по причине большей самостоятельности таких глаголов в сравнении со связочными и в силу того, что деепричастно, занимающему одну с ними синтаксическую позицию, функция сказуемого несвойственна. Не обладая способностью быть присвязочным членом, частью составного сказуемого, деепричастие не образует синтаксических рядов с прилагательным и причастием в присвязочной позиции.

В качестве подчиняющих синтаксического ряда выступают глаголы со значением положения в пространстве (*стоять, сидеть*), глаголы со значением движения (*возвращаться, войти, идти, приходиться*), глаголы со значением интеллектуального состояния (*смотреть, смеяться*) и некоторые другие.

Превалирующая в рядах с деепричастиями связь причастия и деепричастия с глаголом подтверждается, в частности, предложениями, где подлежащее выражено личным местоимением, которому несвойственна категория рода: причастие сохраняет согласуемую категорию рода, но получая ее от глагола. Подтверждает сказанное тот факт, что при замене глагола-сказуемого в форме мужского рода формой женского рода автоматически изменяется форма рода причастия: *Я пошел вперед, очень заинтересованный опытом, чувствуя за своей спиной напряженный взгляд Олеси* (А. Куприн). — *Я пошла вперед, очень заинтересованная опытом, чувствуя за своей спиной напряженный взгляд Олеси*. Важно, что, подчиняясь глаголу-сказуемому, прилагательное и причастие не утрачивают связи с существительным, хотя в сочиненных рядах она ослабляется вследствие усиления связи с глаголом-сказуемым; с этим же существительным, субъектом действия, связано деепричастие.

Итак, оба члена ряда имеют двунаправленные синтаксические связи и, оставаясь полупредикативными, не образуют при этом сказуемого. Неслучайно даже при личном местоимении, в сильной для обособления позиции, прилагательные не всегда обособляются, ср.: *Рассеянно вытаращив глаза, бледный, он сидел на кровати* (В. Каверин) и *Он стоял у окна бледный, насутившись* (В. Каверин).

В свою очередь полупредикативное прилагательное влияет на деепричастие, и прежде всего на одиночное. Одиночные деепричастия, склонные к адвербиализации, будучи членами синтаксического ряда с прилагательным, не адвербиализуются даже в финальной позиции.

Настоящее экзистенциальное или вневременность?

Т. Е. Шаповалова

Московский государственный областной университет

TShapovalova@gmail.com

Номинативное предложение, настоящее экзистенциальное синтаксическое время, вневременность

Summary. Nominative, which morphological nature serves to express the idea of naming an object, can hardly reveal predicative relations in the structure of a simple substantive sentence. Predicative role is passed to intonation, particles, secondary members and context.

Инвариантным значением номинативных предложений считают обнаружение или установление говорящим бытия какого-либо предмета, явления, события или состояния, представленное словами с общим категориальным значением 450

ем предметности: *Окошко. Стол. Половики* (Н. Рубцов). Семантика односоставных номинативных предложений формируется моделью предложения, ее лексическим наполнением и окружающим контекстом: *А туча чиркнула пузом*

о землю в стороне, в темноте, слева. **Отблески молний. Гром. Треск в приемнике, рвущий на части какой-то легкомысленно-нежный мотивчик** (В. Песков). Грамматическое значение бытийности тесно связано с временной семантикой, поэтому номинативные предложения предполагают реальную модальность и значение расширенного настоящего времени (А. М. Пешковский).

По сравнению с глагольными номинативные предложения описывают отраженную в них действительность статично: *По хвойной тьме — березы проседей... Откосы сумрачные гор...* (А. Твардовский) — и оказываются привязанными к контексту, к определенному времени предыдущей конструкции: *Спит дорога. Тишина* (А. Твардовский); *А на зеркальных паркетах звенели шпоры, шуришали шлейфы. Разговоры вполголоса... Духи, ароматы...* (А. Толстой). Выражение бытийности в таких предложениях неотделимо от предикативности, поскольку они опираются на одни и те же средства — независимую позицию субстантива, интонацию сообщения. Общим их грамматическим значением можно признать семантику реальной объективной модальности и имперфективного экзистенциального настоящего времени. Экзистенциальное настоящее подкрепляется — частицами: **Вот** бубличная Прохорова, **вот** колониальная лавка Ситникова, **вот** мост через Ингул, **вот** молочницы, **а вот** и они, колдуны и волшебники, мои носители тайн, **склоненные над станками, оперенными кисточками огня** (А. Тарковский) — происходит совпадение обнаруживаемого бытия предмета с моментом речи и осложнение значения бытийности актуализацией чувства зрительного восприятия;

— присновной синтаксической позицией темпорального дестерминанта — обязательного структурного компонента расчлененных номинативных предложений (П. А. Лекант), помогающего выразить существенные элементы содержания: *И вновь — порывы юных лет, И взрывы сил, и крайность мнений* (А. Блок); *После купанья чай со слив-*

ками и сдобными кренделями... (А. Чехов); *Да, к утру на лужах льдинки* (Ю. Друнина); *У папы — до глубокой ночи на его большом столе, заваленном бумагами, две горящих свечи под абажуром* (А. Цветаева).

Полагаем, что в односоставных именных предложениях может быть представлена и вневременность. Эта темпоральная семантика присуща предложениям, связанным с фактором повторяемости: *...По праздникам говядина, есть подавание, есть возможность заработать копейку* (Ф. Достоевский) — узואльно-характеризующее значение, свойственное таким предложениям, препятствует проявлению актуальной реальности и экзистенциального настоящего синтаксического времени, или предложениям, содержащим частицу *пусть*: *Пусть ночь* (А. Блок).

Вневременное значение обнаруживается также в контекстах, где

— говорящий вспоминает и представляет предметы, данные в предложении перечнем: *Отец сказал, что Константинополь — столица Турции, достал с полки один из томов «Истории Франции» Мишле и показал мне, где нужно смотреть. Картинки Доре из «Истории Франции»! Крепостные в Константинополе. Золотой Рог. Битвы на мечах и ятаганах. Луна в первой четверти над дворцами султанов. Всадники на конях, встающих на дыбы. Паруса у набережных* (А. Тарковский);

— взгляд наблюдателя-говорящего последовательно перемещается с одного объекта на другой и запечатлевает их в памяти: *Огни люстр, сверкающие камни, теплая прелесть женских плеч... Запотевшее ведро и золотое горлышко, покрытое снежной салфеткой... Пьянящий гул голосов* (А. Толстой).

В контексте происходит уточнение абстрактного бытийного значения номинативного предложения, видоизменяется имперфективное экзистенциальное значение настоящего синтаксического времени, оно приближается к семантике вневременности.

Грамматика мысли в русском языке

И. Б. Шатуновский

Международный университет природы, общества и человека «Дубна»

shatun49@mail.ru, shatunovskiy@yahoo.com

Язык, мысль, вопросы, вид, актуальное членение

Summary. *The Grammar of Thought in Russian.* There is a special language of thought — that is a language by which thoughts are creating (acts of thought are performing) — and its grammar is different from the grammar of language in general. The study of the language of thought will contribute to better understanding of what thought is and what types of thoughts are there. Some peculiarities of grammar of thought in Russian are identified and analyzed.

1. Общеизвестно, что одной из важнейших функций языка является мыслительная, точнее говоря, «мыслеформирующая» [1: 9], мыслесоздающая функция. О языке как «органе мысли» ярко говорил В. Гумбольдт, ср. его знаменитое: «Мысль не выражается в предложении, а совершается в предложении») и вслед за ним Л. С. Выготский. В то же время остается не выясненным важнейший вопрос: отличается ли язык мысли — язык, посредством которого совершается (не описывается, а именно совершается!) мысль — от языка, используемого в информативной и др. функциях, и если отличается, то каковы эти особенности? Наш тезис заключается в том, что язык мысли имеет свои собственно языковые, формальные особенности (существует своего рода «грамматика мысли»), которые могут и должны быть предметом изучения, при этом изучение этих особенностей, являющееся чисто лингвистической задачей, будет способствовать решению «сверхлингвистической» сверхзадачи: выяснению того, что есть мысль. Хотя нет ничего более реального для человека, чем его мысль (ср.: «Я мыслю, следовательно, я существую» Р. Декарта), мысль ускользает от непосредственного наблюдения, поскольку в этом случае инструмент исследования (которым в конечном итоге и является мысль) должен быть направлен на себя. Наблюдать за своей мыслью интроспективно не более возможно, чем исследовать через микроскоп этот самый микроскоп.

2. Разумеется, совершение мысли посредством слов так же недоступно непосредственному интроспективному наблюдению, как и совершение мысли вообще. В то же время

возможно изучать «совершение мысли в языке», наблюдая за другим человеком, создающим свою мысль посредством звучащей речи (что не такой уж редкий случай), ср. наблюдения за речью маленьких детей, пожилых людей, иногда исследователь может случайно «поймать» и самого себя на «проговаривании» какой-то мысли. Однако это в любом случае периферийные случаи, поскольку в норме мысль беззвучна, и возникает вопрос, насколько можно экстраполировать такие периферийные, отклоняющиеся от нормы случаи на мысль вообще. Гораздо более обширный и доступный материал для анализа представляют собой описания актов мысли в различного рода текстах. О каких-то предложениях в тексте сказано или может быть сказано *мысль, пришла в голову мысль, подумал, думала* (в значении акта или процесса мысли, выделение этого значения и отделения их от других значений этих глаголов — отдельная проблема) и т. д., а о других — нет. Первые входят в область языка мысли, а вторые — нет. (Ср. сходный подход в работе И. М. Кобозевой при анализе значений слов *мысль* и *идея* [2]). Ср.: *Ночь проходит незаметно, а первая мысль, появившаяся в голове с утра, просто ошеломляет — Господи, у нас же нет ни одного ценника!!!* [Национальный корпус русского языка]; «Едят ли кошки мошек? Едят ли мошки кошек?» — **рассуждает** сама с собой Алиса из сказки Льюиса Керролла; *...У буфетчика... мелькнула мысль о том, что уж не спужили ли, чего доброго, по Берлиозу церковную панихиду* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Неужели он читал Кафку? — подумал он; Кто же на самом деле стрелял в*

миссис Смит? — *думал детектив Эркюль Пуаро*; и т. п. — все это мысли; и *Москва — столица России; Маша учится в МГУ; Завтра я еду в Киев; Вы завтра поедете в Москву? Что случилось? Вы сломали ногу?* и т. д., и т. п. — не мысли, ср.: *Разве Петя женат?* — **подумал* / **думал он*.

Заметим, что во всех примерах выше мы имеем дело непосредственно с описаниями мыслей и, следовательно, с языком в его информативной, или, лучше сказать здесь, в описательной функции. Однако можно с уверенностью предположить, что эти описания сохраняют какие-то важные особенности того, что описывается, а именно самого акта или процесса мысли. Таким образом, здесь сквозь описательный слой «просвечивает» акт или процесс мысли.

3. Мысль может осуществляться посредством декларативных («повествовательных», дескриптивных) предложений и вопросительных предложений разного типа. Для грамматики мысли важны временная характеристика, модальность, наличие / отсутствие адресата [1] и тем самым грамматическое лицо, а также и в особенности вид. Два основных вида мысли, которые могут быть выделены с опорой на их аспектуальное выражение в русском языке, это мысль как целостный акт и незавершенная мысль, мысль в процессе ее формирования. Первая вводится глаголами (и глагольно-именными сочетаниями с) СВ — *подумал* (в значении «исполнения», как *сказал*), *пришла в голову мысль*, *мелькнула мысль*, *понял*, *сказал сам себе* и т. д.: *Неужели это к нам?* — *подумала хозяйка дома* (Достоевский), вторая — глаголами НСВ — *думал*, *размышлял* и т. д.: *Берлиоз с великим вниманием слушал неприятный рассказ про саркому и трамвай, и какие-то тревожные мысли начали мучить его. «Он не иностранец! Он не иностранец!» — думал он, — он пристрастный субъект... но позвольте, кто же он такой?»* (М. Булгаков).

Целостный синкретичный процесс-акт мысли — сначала мысль развертывается в ходе ее формулирования в предложении, с завершением которого мысль превращается в целостный законченный акт — вводится глаголами мысли в форме настоящего динамического (повествовательного) НСВ: *Он мыслит: «Буду ей спаситель. Не потерплю, чтоб развратитель огнем и вздохов, и похвал младое сердце ис-*

кушал...», а также глаголами НСВ, перенесенными в план прошедшего с синхронной точкой отсчета: *Он мыслил: «Буду ей спаситель...»*

4. В предложениях мысли новое преломление получает проблема актуального членения. В своем исходном виде идея актуального членения (коммуникативного членения, коммуникативной перспективы предложения и т. д.) не применима к предложениям мысли, поскольку в информативных высказываниях определяющим фактором является фактор адресата. Актуальное членение — это членение на новую / старую информацию с точки зрения адресата. Для говорящего информация, которую он передает, не является новой. Что касается предложений мысли, то здесь их содержание является новым, если является, для самого говорящего, который *создает* мысль в своем уме. В этом отношении важно различие между актом и процессом мысли. Содержание предложений, в которых осуществляется акт мысли, всегда является новым для субъекта мысли. Что касается предложений или дискурсивных блоков, в которых осуществляется развертывание мысли, то в этом случае мысль может иметь дело с известными, старыми альтернативами: *Так кто же подменил пленку?* (думает лейтенант Коломбо из полиции Лос-Анджелеса) и т. д. Субъект в этом случае «перебирает» в своем уме известные ему альтернативы, стараясь сформировать новое описание фрагмента действительности, выбрав одну из альтернатив как истинную, но это новое состояние ума в момент / интервал времени, к которому относится предложение, не достигнуто.

5. В докладе предполагается описать различные формально-семантические типы предложений и «блоков» предложений, в которых осуществляется, совершается мысль в русском языке, в связи с различием видов мысли, совершающихся в этих предложениях.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
2. Кобозева И. М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.
3. Маслов Ю. С. Введение в языковедение. М., 1987.

Динамика русского синтаксиса (факторы и векторы)

Л. А. Шестак

ГОУ ВПО «Волгоградский государственный педагогический университет»

l-shestak@mail.ru

Аналитизм, дистинктность, экономия усилий, расчлененность, слияние

Summary. The tendencies of Russian syntax can be characterized by democratization, analytism, speech efforts economy, accuracy and precision, idiomatic character, merging and demerging of syntactical units

Динамика современного русского синтаксиса охватывает как его системные свойства (форма единиц, их значения и функции), так и сферу функционирования, набор знаковых и социальных функций.

Факторами давления на систему современного русского синтаксиса являются демократизация языка (экспансия устной речи, усиление личностного начала); иноязычное давление; стиливая диффузность — наплыв просторечных и жаргонных средств выражения; особенности современного информационного процесса (замена графического кода пиктографическим — картинка TV, анимация в Интернете, MMS-сообщение; использование латинской графики; размер и цена Интернет-площади, требующие как сжатия сообщения, так и рекламной «продажи» информации).

Следствиями этих факторов являются языковая вариативность и размывание нормы; вытеснение иноязычным кодом собственных средств выражения; синтаксическое сжатие текста, его узуальная неполнота; нарушение формального оформления в пользу понимания текста; распространение экспрессивных средств языка, гибридизация и слияние синтаксических средств и синтаксических функций.

Основными **тенденциями** синтаксической динамики являются **демократизация**, формирование **аналитизма**, выравнивание по **аналогии**, **точность** и **логизация** речи, информационная **расчлененность**, **идиоматичность**, **гибридизация** и **слияние** синтаксических единиц.

Тенденция к демократизации вызывает увеличение неморфологизованных членов предложения: *У нас даже закупи нет, не говоря уж про вытвить (УР); «На самом деле» никогда не существует. Реальность призрачна и обманчива, она мгновенно исчезает без следа* (Рус. жизнь, № 2–3, февр. 2009, с. 63); несогласование форм: *Я говорю это как человек, которому и просто, и который знаю и не очень понимаю...* (В. Черномырдин, TV), неоднородное сочинение: *Он любил и бывал в России* [о М. Дрюоне] (ТВ, 19.04.09, 2 канал).

Тенденция к аналитизму вызывает замену беспредложного управления предложным; формирование производных предлогов; вытеснение косвенных падежей именительным: *Я готова доверить стирку своего белья только «Ариэль»* (ТВ, 10.09.09); *Сапоги зима производство Турция* (УР); *В этом и заключается сила «Доместос»* (TV, 3.09.09, 1 канал); *Технология от Ксерокс — это известная марка* (Рад. России, 15.12.2007); формирование биномов: *ракеты «земля — воздух»*; появление зависимого номинатива: *Сын у меня, семнадцать лет...*; ослабление синтаксических связей: *После Италии президент Медведев едет в Испанию — традиционно близкая нам страна* (ТВ, 11.03.09, 2 канал); рост бессоюзных присоединительных конструкций: *Легко ступов зевнул — во всю пасть, как пес* (П. Крусанов), *В Чечне опять ловят Басаева — две последние недели подряд* (Нов. газета, 25.3.04), *Такое бюро по признанию в люб-*

ви — за деньги (Нов. газета, 29.01.04); предикативные вставки в функции членов предложения: *Мне страшно надоела жизнь в режиме «Рота, подъем!»* (УР, 21.08.09); *В разговорившемся грибнике сохранилось ясность намерения и спокойное человеческое упрямство, в то время как ученое любомудрие выглядело суетливым в своем недостойном устремлении опспорить божественное право на последнее слово, в своем «я тебя переболтаю»* (П. Крусанов).

Тенденция к экономии речевых усилий приводит к росту аппозитивных сочетаний: *Сейчас тружусь на ниве купли-продай* (АиФ, 1993, № 19) и аналитических прилагательных: *Российская фэзин-индустрия только зарождается* (Рус. news-week, № 13, 23–29 мар. 2009, с. 69); *Но когда он доверяет профессионалам, он надевает грубый ремень на самое дешевое платье и становится чуть-чуть фэзин* (Рус. news-week, № 13, 23–29 мар. 2009, с. 69); незаполнению структурно необходимых позиций: *Сейчас, конечно, «бездуховностью» можно разве что кошек пугать. Зато «духовность» стала ценностью официальной, что влияет* (Рус. жизнь, № 2–3, февр. 2009, с. 52); *А враг может прикидываться и проникать... Он нарушил, так? (Б. Быков); синтаксической компрессии: *Городам — чистый воздух и редукации: *В каждой шутке — доля* (Нов. газета, 25.03.04).**

Тенденция к выравниванию по аналогии создает контаминацию: *Соблюдайте чистоту в урны!* (объявление); употребление разноуправляемых форм в синтаксическом ряду: *Женщина назвать себя и от фотографирования отказалась* (АиФ, 1991, № 25).

Тенденция к дистинктности (точности) заставляет пожертвовать формальным согласованием ради смысла: *Фотограф целкала...* (Нов. газета, 15.01.04); *Широко шагают Штаты — пора и унять молодца* (Завтра, № 37, сент. 2009, с. 4).

Тенденция к расчлененности диктуется стремлением выделить топик или ремю высказывания: *Подытожим. Разрегулирование и дисбаланс экономик западных держав приближает развал НАТО* (Завтра, № 35, авг. 2009, с. 5).

Тенденция к идиоматичности вызывает использование в качестве средств выражения метафор и междометий: *Не будем тогда тянуть Россию за березу — и обратимся к фундаментальным ценностям* (Рус. жизнь, № 2–3, февр. 2009, с. 51); *Герои их ковали молотом, курили в небо, взламывали замки и пароли... Иногда нелепо погибли — а то; нельзя же каждый сценарий заканчивать стоящим враспор на своей*

земле хозяином — компаньоном заморских купцов да собира- телем русских земель (Рус. жизнь, № 2–3, февр. 2009, с. 112).

Тенденция к слиянию вызывает появление гибридов словосочетания и лексемы: *Точно так же околориссидентская публика, озобоченная слушанием «радиосвободы» и чтением самиздата, мало интересовалась, скажем, живописью — разве что ту давили бульдозером* (Рус. жизнь, № 2–3, февр. 2009, с. 51), составного сказуемого и обстоятельства: *Утром он проснулся в обычное время и пошел поставил чайник на огонь* (Ю. Крелин); видов сложных предложений: *То ли Пирогов решил — он и впрямь Пирогов...* (Ю. Крелин); субъектных сфер: *Желаем Вам, Ирина Владимировна, быть поскромнее, будьте здоровы, не зарывайтесь, ухаживайте за стариком, спасибо, мальчики, не беспокойтесь, учту, ну, пока, и уходят, а тут Мерзляков: приходи, звонит, завтра вечером, с тобой люди хотят познакомиться, а я по людям изголодалась, все больше одна, наедине и при неразрешенной судьбе, хотя чувствую, кажется, обойдется, несмотря на совокупность событий или благодаря, ум за разум, и отвечаю, что обязательно буду, только вдруг в дверь звонят в половине восьмого утра* (В. Ерофеев).

Графически синтаксические новации оформляются тире — ослабление связи, слияние: *Хотела мотороллер, побоялась — ограбят...* (А. Битов), точкой — расчлененность: *Мы для спасения страны вынуждены обычно делать какие-то крайние вещи. Революцию. Приватизацию.* (Д. Быков), восклицательным знаком: *Пусть мне кто-нибудь объяснит, наконец, как! они! рассуждают!* (Рус. жизнь, № 2–3, февр. 2009, с. 89), запятой — слияние субъектных сфер: *Участников игры стало побольше, вы обратили внимание? При этом ставки у всех разные. Генерал Кормилицын, как вы помните, надеется одной операцией, по возможности, решить два вопроса...* (С. Доренко), дефисом — слияние словосочетания и лексемы: *Есть у нас приколист такой, Зворыкин, масон-немасон, но при делах...* (Завтра, № 34, авг. 2009, с. 6). Оформление заимствования оригинальной графикой может менять синтаксическую функцию: *Мебель от couture* (рекл. щит, Волгоград).

Литература

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М., 2003.
2. Покровская Е. А. Русский синтаксис в XX веке: Лингвокультурологический анализ. Ростов-на-Дону. 2000.

Предикативная природа обращения и представления

О. С. Шлапак

Горловский государственный педагогический институт иностранных языков (Украина)

olegshlapakov@rambler.ru

Обращение, представление, предикативность

Summary. The paper is an attempt to describe the predicative character of direct address and introduction as textual representatives of the respective speech acts which, in their turn, are constituents of the speech genre «congratulation».

Обращение в лингвистической литературе описано достаточно полно, однако мы столкнулись здесь с некоторыми противоречиями. С одной стороны, существует точка зрения, согласно которой простое предложение, включающее обращение, является осложненным, с другой — есть попытка определить обращение как самостоятельное односоставное предложение. Зачастую же обращение определяется лингвистами как «знаменательное слово или словосочетание, называющее того, к кому обращена речь» (Ф. К. Гужва), то есть обращение лишается предикативности, и поэтому в грамматиках помещается в раздел «Слова и группы слов, грамматически не связанные с предложением». Таким образом, обращение определяется лишь как номинативная единица и, соответственно, напрашивается вывод о его тождественности со словом.

Однако обращение — самодостаточная единица, функционирующая в речи. В. А. Горпинич определяет ее как «слово, обозначающее лицо, к которому обращена речь» (выделено нами. — О. Ш.), Н. С. Валгина называет обращением «слово или сочетание слов, называющее адресата речи» (выделено нами. — О. Ш.). Следовательно, рассматриваемая единица является иным образованием, нежели слово. А. Ф. Прияткина присваивает ей статус «своеобразной синтаксической конструкции».

Использование обращения в речевом общении обусловлено потребностью в выражении мысли о привлечении внимания, а представление выражает мысль о сообщении имени автора жанровой реализации; обе мысли являются сложными ментальными образованиями.

Речевые ситуации, в которых реализуются обращение и представление, определяются компонентами непосредственности речевого общения, когда собеседники «встречаются» «здесь» и «сейчас». Эти действительные координаты определяют грамматическую и семантическую суть обращения и представления, реализуясь в них имплицитно.

Поэтому можно говорить, что исследуемые единицы содержат скрытые указатели реальной модальности, настоящего актуального момента речи и направленности от первого лица ко второму.

Дорогие друзья! / Уважаемые коллеги! / Дорогие женщины Снежного!

Как обращение, так и представление имеют свои первичные функции, которые соотносимы с «первичной мыслью» и на базе которых развиваются их вторичные функции (первые и вторые в речевых актах представлены в виде конкретных интенций). Н. И. Формановская отмечает: «...для того, чтобы направить кому-либо слова... адресоваться к кому-либо, его необходимо назвать, т. е. употребить ту но-

минацию, которая, с точки зрения адресанта, наиболее соответствует социальному статусу и роли адресата. <...> Но, в соответствии с мотивом и целью, такую номинацию необходимо совместить с **предикацией**, т. е. не просто назвать адресата, но одновременно и вместе с тем позвать его» (выделено нами. — О. Ш.). К. А. Курилова «в унисон» замечает: «Специфика обращения заключается в том, что оно привлекает внимание собеседника и одновременно называет его». Необходимо также добавить, что предикативность — свойство коммуникативных единиц, отличающее их от некомуникативных (слов, словосочетаний); обращение и представление же, безусловно, единицы коммуникативные.

Одной из характеристик обращения и представления также является их **интонационная** самостоятельность. В начале законченного по смыслу высказывания обращение выступает в качестве отдельной, изолированной синтагмы с характерным типом интонации.

Основной функцией обращения является привлечение внимания адресата, однако в своей первичной функции в поздравлении обращение редко употребляется. Первичная функция в поздравлении является базой для развития вторичных. Форма обращения используется для показательного выражения отношения к лицу, для его оценки и выражения чувств, т. е. вторичной является экспрессивная функ-

ция. Помимо способа субъективной оценки обращение выполняет и некоторую скрытую функцию — информирует адресата о коммуникативных характеристиках адресанта.

Аналогичным образом ведет себя и представление, первичной функцией которого является сообщение адресату имени автора жанровой реализации. В своей первичной функции представление выступает чаще, чем обращение, однако почти всегда в синтезе с вторичной — определение своего статуса по отношению к адресату, которая по своей сути совпадает с вторичной функцией обращения. Представление также выполняет дополнительную функцию — сообщает адресату коммуникативные характеристики говорящего.

Литература

1. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1991.
2. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов, 1987.
3. Курилова К. А. Обращения в современном китайском языке. Владивосток, 1999.
4. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990.
5. Формановская Н. И. Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Русская речевая культура XX века». Ачинск, 1999. С. 83–88.

Валентность и сочетаемость в русском языкознании: к вопросу о лингвистическом плюрализме

Н. В. Юдина

ГОУ ВПО «Владимирский государственный гуманитарный университет»

dr.yudina@mail.ru

Валентность, сочетаемость, история изучения, дефиниции, классификации

Summary. The paper suggests the way of study the appearance and varied use of the terms “valency” and “combinatory power” in Russian linguistics. Besides, it gives the analyses of lexicographical sources demonstrating various approaches, criteria and principles of differentiating valency and combinatory power, as well as the survey of basic classifications of combinatory types and valency levels. It also pays attention to the new typologies of combinatory power and valency described at the beginning of XXI century.

По свидетельствам специалистов, лингвистическая терминология до сих пор остается семиотически небезупречной и недостаточно рационально организованной системой. В этой связи в языкознании существует задача упорядочения терминов, которая сводится к изучению реального лингвистического словоупотребления, к отбору терминологии и описанию ее в лингвистических словарях (Ахманова 1990). Возникает также и вполне закономерный вопрос о различии ряда общеупотребительных лингвистических терминов (дублетов и «синонимов»), среди которых не последнее место занимает пара *сочетаемость* — *валентность*.

Анализ лексикографических источников показывает, что толковые словари русского языка не фиксируют существительные *сочетаемость* и *валентность* в качестве лингвистических терминов. Исключением не является даже БАС (ср.: *сочетаемость* — «способность, возможность сочетания чего-либо с чем-либо» — БАС 1963, т. 14), *валентность* — «хим. Способность химического элемента связывать определенное число атомов водорода...» — БАС 1951, т. 2). Вместе с тем, в отечественной специальной лингвистической литературе термины *сочетаемость* и *валентность* встречаются довольно часто, однако вполне очевидно, что имеющее латинский корень существительное *валентность* значительно уступает *сочетаемости* по степени хронологической освоенности лингвистическим метаязыком. Начиная с «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, в отечественной лингвистике первоначально закрепился термин «сочинение частей слова», который сводится у Ломоносова к правилам сочетания слов в предложении по принципу согласования и управления. О *словосочинении* размышляет и А. Х. Востоков: «словосочинение есть часть Грамматики, показывающая правила, по коим совокуплять должно слова в речи» (Востоков 1839). Однако уже Н. И. Греч вводит в обиход термин *сочетание слов*, под которым понимает «правила, по коим в русском языке совокупляются отдельные слова для составления целого предложения или которой-либо части оно», и разделяет их на три основных раздела: *сочетание слов*, *сочетание предложений* и *порядок слов* (Греч 1827). Такая позиция, как кажется, оставалась актуальной вплоть до середины 40-х го-

дов XX века. Именно в это время был поставлен вопрос о терминологическом статусе *сочетаемости*: в отечественное языкознание был введен конкурирующий термин *валентность* (от лат. *valentia* — сила), обозначающий общую сочетательную способность *слов* (см. работы С. Д. Кацнельсона). В западноевропейской лингвистике понятие валентности уже активно использовалось, благодаря Л. Теньеру, применительно к описанию сочетательных потенциалов *глагола*.

Вместе с тем, четкие дефиниционные ориентиры двух широко используемых в языкознании терминов в отечественном языкознании до сих пор не установлены. Так, иногда лингвисты употребляют эти термины как абсолютные синонимы (Чесноков 1984). Другие языковеды применительно к явлениям разного порядка используют только один термин: либо *сочетаемость* (Копыленко 1973; Чеснокова 1971), либо *валентность* (Левицкий 2001). Существует также мнение, согласно которому термин *валентности* употребляется в зарубежной лингвистической литературе, а термин *сочетаемость* используется в исследованиях отечественных языковедов. Терминологические расхождения наблюдаются, к сожалению, и в лингвистических словарях. Так, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой понятие *валентность* отсутствует, а под *сочетаемостью* понимается «способность элементов соединяться друг с другом в речи» (Ахманова 1966). В более новых лингвистических словарях зафиксированы уже оба термина и предложены принципы разграничения *валентности* и *сочетаемости*. Так, в статье В. Г. Гака в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990) *сочетаемость* как «свойство языковых единиц сочетаться при образовании единиц более высокого уровня» понимается более широко по сравнению с *валентностью*, которая относится только к сфере *слова* (ср. близкие определения в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, а также в «Кратком словаре лингвистических терминов» Н. В. Васильевой, В. А. Виноградова, А. М. Шахнаровича — 1995). Существуют также и другие терминологические попытки разграничения *сочетаемости* и *валентности* (ср., напр., мнение М. В. Всеволодовой о том, что «понятие *сочетаемости* шире понятия *валентности*, поскольку включает в себя и

грамматическое присоединение» (Всеволодова 2000), или позицию Б. Н. Головина, согласно которой валентность «может обозначать потенциальные синтагматические свойства, возможности частей речи и их морфологических категорий», а сочетаемость — «реализацию этих свойств и возможностей в потоке речи» (Березин, Головин 1979) и др.).

Не менее дифференцированно отечественные языковеды подходят и к проблеме типологии сочетаемости и валентности, в результате чего в современной лингвистике существует множество различных классификаций уровней валентности и типов сочетаемости. Так, уровни и аспекты валентности выделяются в зависимости от общей сочетательной способности (*активная / центрбежная* и *пассивная / центростремительная*), в соответствии с фактором облигатности (*обязательная* и *факультативная*), по количественному признаку, в зависимости от синтаксической функции дополняющего члена, а также категориальной семантики слова, реализующего валентность. Наибольшее признание получили классификации валентности, в основании которых лежат факторы, определяющие потенциальную возможность языковых единиц сочетаться друг с другом (ср. выделенные в лингвистической литературе следующие типы валентности: *грамматическая* — *лексическая* (Гак 1990); *категориальная* — *семантическая* (СССРЯ 2002); *логическая* — *семантическая* — *синтаксическая* (Степанова, Хельбиг 1978); *лексическая* — *лексико-грамматическая* — *грамматическая* (Всеволодова 2000) и др.).

Сочетаемость, по мнению отечественных лингвистов, может быть *обусловленной* — *произвольной, контактной* — *дистантной, формальной* — *семантической, облигатной* — *факультативной, свободной* — *несвободной*. Наиболее последовательно описаны три основных вида сочетаемости (на уровне фонем, словоформ и слов), каждый из которых также в свою очередь имеет ряд подвидов. Так, на уровне слов выделяют грамматическую / морфо-синтаксическую, лексическую и семантическую (Апресян 1995), лексическую, морфологическую и синтаксическую (Чеснокова 1972), грамматическую, синтаксическую и лексико-семантическую сочетаемость (Привалова 2005) и др. Однако наиболее подробно в работах исследователей описаны два вида сочетаемости — *лексическая*, понимаемая как «сочетаемость смыслов» (Шмелев 1977; Щерба 2004), и *синтаксическая*, определяемая лексико-грамматической природой слова. В рамках *лексической* выделяют также *абсолютную* и *относительную* (Котелова 1975), *стилистическую, эмоционально-экспрессивную* и *семантическую* сочетаемость (Барлас 1984).

В последнее десятилетие предприняты попытки выделения таких новых типов сочетаемости и валентности, как *когнитивно-семантическая* и *онтологическая сочетаемость* (Баранов 2003), *собственно ассоциативная сочетаемость* (Красных 2003), *межкультурная валентность* (Чумак 1998) и др. Так, лингвистический плюрализм по отношению к валентности и сочетаемости продолжается и в русистике XXI века.

Семантико-грамматическое представление конструкций вывода-обоснования

Е. С. Ярыгина

Московский городской педагогический университет

es1957@mail.ru

Конструкции вывода-обоснования, интенциональные глаголы, полифункциональность интенциональных глаголов, метатекстовая функция интенциональных глаголов, модус как средство обнаружения субъективных сфер

Summary. Structures of O-justification, intentional verbs, polyfunctionality intentional verbs, metatextual function of intentional verbs, mode as a means of detecting subjective areas. Construction output-justification — is a structure in which the speaker realizes the recipient of reflection on his mental state. The design of O-justification embodied intentions and intentionally state of the speaker. Structures of O-study should be interpreted through the intentional verbs and modality framework (different types of moods).

Объектом исследования являются конструкции вывода-обоснования. **Конструкция вывода-обоснования** (далее — КВО) — это соединение двух или более предикативных частей (или предикативных единиц) в результате причинно-следственного взаимодействия модусных компонентов, в котором проявляется особая речевая тактика говорящего: от вывода — к обоснованию. КВО как рече-мыслительная структура формально может быть представлена как одним предложением (бессоюзным сложным или сложноподчиненным), например: *На террасе мужчины пили ликер и закусьвали ягодами; один из них, судебный следователь, толстый пожилой человек, балагур и остряк, должно быть, рассказывал какой-нибудь нецензурный анекдот [1], потому что, увидев хозяйку, он вдруг схватил себя за жирные губы, выпучил глаза и присел [2]* (А. П. Чехов) — в части [1] приведенного примера представлен вывод, в части [2] — обоснование.

КВО — это, с одной стороны форма, в которой говорящий предъявляет адресату рефлексии над своим настоящим ментальным состоянием, а с другой стороны, — это средство выражения интенции говорящего, которая воплощается в обосновании. «Обоснование» — это компонент, имеющий двойственное предназначение: с одной стороны, — это аргумент по отношению к компоненту «вывод» (почему я так считаю?), реализующий **причину** мнения. С другой стороны, «обоснование» — это аргумент ко всему высказыванию в целом (зачем я это говорю, с какой целью?). Этот функциональный даулизм (интерграция «почему?» и «зачем?») определяет специфику компонента «обоснование».

КВО, обнаруживающие особую речевую тактику говорящего — от вывода к аргументу — представляют собой текстовую структуру. Поэтому интерпретация семантико-грамматическая специфики КВО может быть осуществлена, во-первых, посредством соотношения содержащихся в них интенций и, во-вторых, с привлечением необходимого грамматического понятия **модус**, а не просто через соотношение

объективной временной последовательности событий, о которых идет речь в высказывании.

Интерпретация языковых фактов осуществляется посредством самого языка: язык вырабатывает инструмент для объяснения самого себя. Эта функция языковых единиц называется метаязыковой. В последнее десятилетие многие ученые обратились к проблеме «наивной лингвистики», к лингвистике, хранящейся в естественном языке (см., напр.: [5]). Было отмечено, что текстовые смыслы выражаются, как правило, глагольными лексемами [3]; [4]. Применительно к объекту нашего исследования мы будем говорить о метаязыковой функции группы глаголов, с помощью которых можно осуществить семантическое представление КВО, — *аргументировать, обосновать (обосновывать), доказать (доказывать), мотивировать* и *рассуждать*. Словоупотребление «семантическое представление» понимается в широком терминологическом смысле, как охватывающее всю информацию (или обобщенную информацию), которую можно применять для когнитивных операций над текстом (например, для формулирования вопросов и ответа на них, выводов умозаключения и др.). В указанных глагольных лексемах не только репрезентируется прагматический (или иллюкативный) компонент семантики [2: 266–291], но и воплощаются отношения аргументации в составе конструкции. Глаголы *аргументировать, обосновать (обосновывать), доказать (доказывать), мотивировать, рассуждать* относятся к группе интенциональных глаголов, что предполагает их рассмотрение в русле теории речевых актов: их коммуникативно-целевая семантика осмысливается как намерения (установки) говорящего, относящиеся к сфере иллюкативных актов.

В КВО сочетаются интенциональное состояние и интенция говорящего. Интенциональное состояние субъекта в КВО суммарно можно определить как убеждение (сформированное мнение), а интенция говорящего применительно к каждому из анализируемых глаголов различается специфи-

ческими оттенками и состоит в аргументации, обосновании своего мнения, в подведении базы под свое убеждение, в приведении доводов в его пользу, в доказательстве говорящим своей правоты. Семантические оттенки, конкретизирующие интенцию анализируемых глаголов, проявляются в том, что глагол *мотивировать* связан прежде всего с психологией и мотивами поступков, действий субъекта-лица, а *аргументировать* и *обосновывать* соотносятся с выводом; следовательно, *мотив* — это причина поступка, действия, а *аргументация* и *обоснование* — это причина мнения. При этом *обосновать* чаще выражает необходимость убедить не столько адресата, сколько самого себя. Применительно к КВО это происходит в условиях внутренней речи: человек, рассуждая сам с собой, пытается вывести какую-то закономерность, подтверждающую правоту его мнения (вывода). Например: *Где-то оставалось немного спичек, но Степанида их прятала, приберегая на крайний случай. В общем, она была права: где сейчас купишь спички? В местечке торговля свернулась, товар из двух лавок еще летом растаскали свои же, пока немецкая власть чухалась, ничего не осталось ни в сельпо, ни в сельмаге* (В. Быков) — в данном случае представлена внутренняя точка зрения героя — Петрока — в виде структурированного рассуждения — композиционно-речевой формы ментальной структуры. В этом случае «не работают» фактор адресата и признак контроля — признаки, свойственные интенциональным глаголам. Семантическую интерпретацию подобных конструкций целесообразнее осуществлять посредством глагола *рассуждать*, но не *аргументировать*: *рассуждать* — это аргументировать что-то самому себе. Следовательно, если у нас есть два участника речевого действия, то иногда и аргументировать, и обосновывать гораздо важнее для самого субъекта речи, чем для собеседника. Именно поэтому *рассуждать* возможно включить в группу рассматриваемых интенциональных глаголов. А *доказать* (*доказывать*), напротив, прежде всего кому-то адресовано: *убедить* (*убеждать*) *кого-то* — эти глаголы обладают очень сильной валентностью на адресата. Итак, для всех названных глаголов *убедить* — это обобщенная интенция, в то время как каждый из них реализует в контексте свою более конкретную задачу.

Интенциональные глаголы функционально и содержательно близки к перформативным глаголам, с одной стороны, и к интерпретационным, — с другой, и в то же время противопоставлены им. Анализируемые глаголы воплощают интенциональное состояние и интенцию субъекта сознания и речи. Важнейшими специфическими свойствами их являются авторефлексивность и контролируемость. По отношению к КВО интенциональные глаголы выполняют не столько метаязыковую, сколько метатекстовую функцию: в их семантической структуре воплощается позиция субъекта речи и устремленность к адресату. Будучи глаголами ментальной деятельности, интенциональные глаголы характеризуются признаком контролируемости. Однако лишены этого признака КВО, которые интерпретируются посредством глагола *рассуждать*, поскольку такие структуры есть лишь типичная композиционная форма представления мыс-

лительного процесса, уже структурированная в языке. КВО, которые толкуются через глагол *рассуждать*, лишены признаков контролируемости и фактора адресата. Интенция и интенциональное состояние субъекта сознания и речи может быть обнаружена только в соотношении компонентов **вывод — обоснование**, но не в каждом из них отдельно.

По отношению к КВО интенциональные глаголы характеризуются полифункциональностью: с одной стороны, эти глаголы, по сути дела, воплощают определенные типы речевых актов; однако это лишь лексикализованные типы речевых актов; отличие их от собственно перформативов состоит в том, что глаголы *аргументировать*, *обосновывать*, *мотивировать*, *доказывать* лишены перформативных форм. Именно поэтому интенциональные глаголы способны служить лексическими средствами интерпретации КВО. Это их вторая, метатекстовая функция.

Семантическая структура и интерпретация интенциональных глаголов включает компоненты, которые обнаруживаются в КВО. Эти компоненты таковы: (1) субъект сознания и речи; (2) адресат; (3) возможное непонимание адресатом высказывания говорящего (поскольку содержанием высказывания является выводное знание без предшествующих посылок этого знания); (4) интенции говорящего — обосновать и убедить.

Особенность КВО состоит в том, что сами интенциональные глаголы как средства воплощения интенции и интенционального состояния говорящего в них элиминированы и присутствуют в КВО только имплицитно: намерения говорящего и его ментальное состояние выражаются в них не лексическими средствами, а синтаксическими. Поэтому для более полной и исчерпывающей интерпретации КВО необходимо привлечение грамматического понятия **модус**. Дело в том, что в высказываниях, воплощенных полисубъектными КВО, обнаруживаются «следы присутствия» не одного, а нескольких субъектов, напр., субъекта действия (субъекта базовой модели), субъекта сознания, субъекта речи, субъекта-каузатора. Понятие **модус** в этом случае помогает выявить диапазон субъектных сфер высказывания и обнаружить носителя субъективных смыслов. В КВО дифференциация сфер «субъектного» и «субъективного» является особенно актуальной, поскольку первый их компонент — «вывод» — представляет собой субъективную версию, гипотезу, принадлежащую определенному субъекту сознания, который, как правило, в КВО не вербализован и указание на него осуществляется посредством вводных слов и других дейктических показателей.

Литература

1. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1999.
2. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
3. Рябцева Н. К. Мысль как действие, или риторика рассуждения // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 60–69.
4. Цветкова Т. М. Глаголы познавательной деятельности как единицы лексической системы и интерпретационные характеристики научного текста // Философские проблемы языкознания. Вып. 419. М., 1995. С. 77–98.
5. Язык о языке. М., 2000.